



Артас

ВОСХОЖДЕНИЕ КОРОЛЯ-ЛИЧА

КРИСТИ ГОЛДЕН

Pocket Books

A Division of Simon & Schuster, Inc.

1230 Avenue of the Americas

New York, NY 10020

This book is a work of fiction. Names, characters, places, and incidents either are products of the author's imagination or are used fictitiously. Any resemblance to actual events or locales or persons, living or dead, is entirely coincidental.

© 2009 Blizzard Entertainment, Inc. All rights reserved. Warcraft, World of Warcraft, and Blizzard Entertainment are trademarks and/or registered trademarks of Blizzard Entertainment, Inc., in the U.S. and/or other countries. All other trademarks referenced herein are the properties of their respective owners.

All rights reserved, including the right to reproduce this book or portions thereof in any form whatsoever. For information address Pocket Books Subsidiary Rights Department, 1230 Avenue of the Americas, New York, NY 10020

POCKET and colophon are registered trademarks of Simon & Schuster, Inc.

ISBN-13: 978-1-4391-5938-5

ISBN-10: 1-4391-5938-6

Visit us on the World Wide Web:

<http://www.SimonSays.com>

This book is dedicated to all the Warcraft lore lovers out there. I hope you enjoy reading this as much as I enjoyed writing it.

Acknowledgments

Special thanks to Chris Metzen (yet again) for his passion for the game and its lore, and to Evelyn Fredericksen, Micky Neilson, Justin Parker, and Evan Crawford at Blizzard for their diligent aid and help in research. So big a book with so many details could not have been written without their cheerful and accurate help and support.

Оглавление

ПРОЛОГ:СОН	- 3 -
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:ЗОЛОТОЙ МАЛЬЧИК.....	- 7 -
ГЛАВА 1.....	- 7 -
ГЛАВА 2.....	- 19 -
ГЛАВА 3.....	- 30 -
ГЛАВА 4.....	- 41 -
ГЛАВА 5.....	- 53 -
ЧАСТЬ ВТОРАЯ:СВЕТЛАЯ ГОСПОЖА.....	- 60 -
ИНТЕРЛЮДИЯ	- 60 -
ГЛАВА 6.....	- 63 -
ГЛАВА 7.....	- 76 -
ГЛАВА 8.....	- 85 -
ГЛАВА 9.....	- 93 -
ГЛАВА 10.....	- 105 -
ГЛАВА 11.....	- 116 -
ГЛАВА 12.....	- 134 -
ГЛАВА 13.....	- 145 -
ГЛАВА 14.....	- 152 -
ГЛАВА 15.....	- 163 -
ГЛАВА 16.....	- 174 -
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ТЕМНАЯ ГОСПОЖА.....	- 183 -
ИНТЕРЛЮДИЯ	- 183 -
ГЛАВА 17.....	- 187 -
ГЛАВА 18.....	- 197 -
ГЛАВА 19.....	- 209 -
ГЛАВА 20.....	- 222 -
ГЛАВА 21.....	- 237 -
ГЛАВА 22.....	- 247 -
ГЛАВА 23.....	- 259 -
ГЛАВА 24.....	- 267 -
ЭПИЛОГ: КОРОЛЬ-ЛИЧ	- 282 -

ПРОЛОГ:СОН

Буря плакала как дитя. В стаде черепороги прижались друг к другу, чтобы согреться - их толстые, косматые шкуры могли защитить их и от худшей погоды. Они образовали круг вокруг своих дрожащих и блеющих телят. Их головы, украшенные огромными рогами, припали к промерзшей земле, они закрыли глаза, дабы в них не попадал буянящий снег. Их же дыхание морозило их, но они все равно стояли и терпели.

В своих норах волки и медведи переживали буран, одни в уютной стае, другие в одиноком уединении. Как бы ни был силен их голод, никто не решался выйти наружу, пока рыдающий ветер не прекратит свой стон, а слепящий снег не измотает сам себя.

Вихрь, идущий с океана, испытывал на прочность деревушку Камагуа, стараясь сорвать шкуры, растянутые на зданиях, сколоченных из костей великих морских существ. После того, как пройдет ненастье, клыкарры, для которых это место было домом несчетное количество лет, будут должны восстановить и заменить свои сети и ловушки. Всякий раз, как проходил этот шторм, их жилью, крепкому, как и они сами, наносились значительные повреждения. Они все собрались в большом помещении, которое было вырыто глубоко в земле, накрепко закрытое от ветра и освещаемое дымными масляными лампами.

Старейшина Атуик выжидал исхода в стоической тишине. Он видел много таких бурь за последние семь лет. Он прожил долгую жизнь, его клыки были длинны и желты, а морщины покрывали его коричневую кожу. Но эти бури были нечто большим, чем просто бури, они были не сродни с природой. Он поглядел на молодежь, дрожащую не от холода, но от страха.

“Он дремлет“, - пробормотал один из них, вспыхнув глазами и ошетинив свои усы. "Тихо", - Атиук оборвал его грубо, чем ему хотелось бы. Юнец, испугавшись еще больше, затих, и снова единственное, что они слушали, стало ноющее стенание снега и ветра.

Оно разрасталось как туман, гулкий рев, бессловесный, но полный смысла. Пение, несущее дюжины голосов; бой в барабаны, скрежет и топот создавали дикий потаенный призыв без слов. Большая часть гнева ветров обходила деревню таунка, огороженную кругом столбов, обтянутыми

мехами. Их дома стояло крепко вопреки всем трудностям этой земли, несмотря на их гнущиеся кровли, покрывающие сводом просторные помещения.

Сквозь звуки громкого и древнего ритуала все еще можно было услышать вой ветра. Танцор, шаман по имени Камику, пропустил один шаг и его копыто неловко оступилось. Он поднялся и продолжил. Концентрация. Все дело было в ней. Именно так они использовали стихии и подчиняли их себе; именно так его народ выживал в этих суровых и неумолимых землях.

Пот вымочил и вымарал его шерсть, пока он продолжал свой пляс. Его большие карие глаза были сосредоточенно закрыты, его копыта вновь отстукивали сложный ритм. Он отбросил свою голову, короткие рожки нанесли удар в воздух, хвост дернулся. Другие танцевали возле него, их тела пылали жаром и это вместе с костром, который горел несмотря на снег и ветер, идущих сверху через отверстие для дыма на крыше, поддерживало в доме тепло и комфорт.

Они все понимали, что творится снаружи. Они не могли управлять этими ветрами и снегом, как они это проделывали раньше. Нет, это было невыполнимой задачей. Но они могли танцевать, пировать и смеяться вопреки всему. Они были таунка; они все переживут.

Весь неиствующий мир снаружи был синим и белым, но воздух в Великом Зале был тёпл и спокоен. Камин, слишком высокий для человека, был полон больших поленьев, треск от горения которых был единственным местным источником шума. На декоративно украшенном покрове, на котором были изображены фантастические существа, свисали гигантские рога черепорога. Объемистые балки поддерживали зал для банкета, в котором могли бы поместиться десятки персон, теплый оранжевый тон от костра разгонял тени, которым приходилось спасаться в темных углах. Канделябры, сделанные в форме голов драконов, держали факелы, от которых шел яркий свет. Холодный камень пола смягчали и согревали толстые кожи белых медведей, черепорогов и иных существ.

Стол, длинный, громоздкий и искусно гравированный, занимал большую часть комнаты. Он мог бы с легкостью принять три дюжины гостей, но лишь трое сидело за ним: человек, орк и мальчик.

Однако ни один из них не существовал на самом деле. Мужчина, величаво восседавший на месте хозяина, немного возвышался над остальными, ибо его стул, вырезанный из мамонтовой кости, походил на трон. Он дремал; и его сон длился очень долго. Зал, трофеи, огонь, стол - орк и мальчик - все это было просто частью его сновидения.

Орк с левой стороны от него был пожилым, но все еще сильным. Оранжевый костер из камина и свет от факелов мерцали на ужасном черепе, нарисованном на его каменном лице. Он был шаманом, которому отвечали и подчинялись многочисленные силы, и даже теперь, будучи лишь плодом воображения человека, он выглядел пугающе.

Мальчик был его противоположностью. Возможно однажды, он был красивым ребенком, с большими глазами цвета морской волны, благородными чертами лица и золотистыми волосами. Но то было в прошлом, а теперь...

Мальчик был болен.

Он был худым, настолько изнуренным, что его кости, казалось, были готовы прорвать кожу и вырваться наружу. Некогда яркие глаза иссохли и опустели, тонкая плена покрывала их. Гнойники охватили всю его кожу, разрываясь и источая зеленую жижу. Дыхание было затрудненным и легкие ребенка цеплялись за каждый вздох даже в приступе удушья. Мужчине показалось, что он мог почти ощутить, что тяжело бьется сердце, которое должно было остановиться давным-давно, но все же продолжало жить.

“Он все еще здесь“, - сказал орк, указав пальцем в направление мальчугана.

“Ненадолго“, - ответил мужчина.

Как будто подтверждая эти слова, мальчик закашлял. Кровь и слизь брызнули на стол перед ним, и он вытер бледный рот об рукав гниющего наряда тощей рукою. Он набрал воздуха, чтобы возразить своим прерывистым голосом, и это усилие явно далось ему нелегко.

“Ты еще... не выиграл его. И я... докажу тебе“.

“Ты столь же глуп, как и упрям, - прорычал орк. - Та битва уже давно выиграна“.

Руки мужчины сжимали ручки его стула, пока он выслушивал их. Этот сон повторялся снова и снова уже несколько лет, и теперь ему это казалось скорее утомительным, нежели увлекательным. “Мне надоедает эта борьба. Давай покончим с ней раз и навсегда”.

Орк искоса посмотрел на мальчишку, и череп на его лице кошмарно усмехнулся. Мальчик закашлял снова, но он не испугался помыслов орка. Медленно, с достоинством он выпрямился, его молочные глаза перешли от орка к человеку.

"Да, - сказал орк, - оно тебе ни к чему. Скоро настанет время пробуждения. Очнись, и еще раз явись в этот мир“. Он тоже повернулся к человеку, его глаза сверкнули. “Пройди снова тот путь, что ты выбрал для себя“.

Череп, казалось, отделился от его лица, воспарил над ним, словно он жил своей жизнью, и комната стала меняться с каждым его движением. Декоративные канделябры, что за момент до этого были обычной древесиной, вдруг ожили, вздрогнули и колыхнулись, факелы в их ртах запылали и отразили гротескный танец теней в такт раскачивающих голов драконьих истуканов. Ветер завыл снаружи, и дверь в зал распахнулась. Вокруг троицы закружился снег. Человек протянул свои руки и позволил морозящему ветру обдывать его. Орк засмеялся, и череп, плавающий над его лицом, испустил свой отдельный безумный перезвон радости.

“Позволь мне показывать тебе, что твоя судьба переплетена с моей; и что ты можешь познать истинную силу лишь устранив его“.

Мальчик, хрупкий и небольшой, слетел со своего стула из-за сильных порывов холодного ветра. Дрожа, он с усилием пополз, его дыхание почти прекратилось, когда он изо всех сил пытался забраться назад на свой стул. Он бросил на человека взгляд надежды, страха и непонятно откуда взявшейся решимости.

“Еще не все закончено“, - прошептал он, и, так или иначе, несмотря на орка и смеющийся череп, несмотря на вопль ветра, человек услышал его.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:ЗОЛОТОЙ МАЛЬЧИК

ГЛАВА 1

- Поддерживайте её голову; да, вот так!

Кобылица, чья белая шкура посерела от пота, закатила свои глаза и заржала. Принц Артас Менетил, единственный сын Короля Теренаса Менетила II, которому было суждено в один день взять бразды правления над всем королевством Лордерон, быстро потянул за уздечку и тихо стал успокаивать животное.

Лошадь яростно дернула свою голову и чуть не сбила с ног девятилетнего мальчишку.

- Тише, Светлогривая, - прошептал ей Артас. - Полегче, девочка, все будет в порядке. Не стоит беспокоиться.

Джорум Бальнир хмыкнул от удовольствия: Поди, сомневаешься, что когда-нибудь этот жеребенок станет выше тебя, а, парень?

Его сын Джарим, присевший возле своего отца и принца, засмеялся, и Артас присоединился к веселью, неудержимо похихикивая, пока горячая и сырая пена из чавкающего рта Светлогривой не упала на его ногу.

- Еще маленько потужься, милая, - сказал Бальнир, медленно продвигаясь вдоль тела лошади туда, где жеребенок, заключенный в блестящую пелену плевы, уже находился на полпути к своему освобождению.

На самом деле Артас не должен был здесь находиться. Но когда у него не было уроков, он частенько тайком забегал в усадьбу Бальнира, восхищаясь там лошадьми, которыми так славилось ранчо Бальнира, и играя там со своим его другом Джаримом. Оба молодых человека хорошо понимали, что сын коневода, даже у которого королевский двор регулярно покупал скакунов, не был "надлежащим" компаньоном для принца. Но их обоих это не очень заботило, и к настоящему времени никто из взрослых не

вмешивался в их дружбу. Потому-то Артас и ошивался здесь, строя форты, бросаясь снежками и играя в охранников и бандитов с Джаримом, пока Джорум не позвал мальчишек посмотреть на чудо рождения.

"Чудо рождения" на самом деле выглядело довольно отвратительно, подумал Артас. Он не понял, что при этом будет... так много этой липкой гадости. Светлогривая прокряхтела и вновь напряглась, ее ноги стояли крепко и прямо, и вскоре ее ребенок с пронзительным плаксивым криком вошел в этот мир.

Тяжелая голова лошади упала вниз на колени Артаса, и на мгновение она закрыла свои глаза. Ее бока тяжело дышали. Мальчик улыбнулся, поглаживая влажную шею и толстую, косматую гриву, и просмотрел на Джарима и Джорума, ухаживающих за жеребенком. В это время года в конюшнях было холодно, и с теплого, влажного тельца малютки исходил пар. Отец и сын полотенцем и сухим сеном отмывали последние нелицеприятные остатки после родов, и Артас почувствовал, что его губы сами собой расплылись в усмешке.

Влажный, серый, с еще неокрепшими ногами и большими глазами, жеребенок озирался вокруг, пощуриваясь от тусклого света фонаря. Большие карие глаза заметили Артаса. Ты прекрасен, - подумал Артас, затаив дыхание на мгновение, и понял, что столь преуславутое "чудо рождения" и в самом деле было удивительно.

Светлогривая начала оборачиваться. Артас подпрыгнул и прижался к деревянным стенкам конюшни, чтобы громадное животное не повалило его при развороте. Мать и новорожденный понюхали друг друга, и затем Светлогривая начала очищать своего сына длинным языком.

- А, парень, да тебя никак потрепали? - заметил Джорум.

Артас посмотрел на себя и его сердце сжалось. Он был весь покрыт в слюне лошади и соломе. Но он просто пожал плечами.

- Похоже, мне придется заскочить в сугроб на пути назад во дворец, - ответил он, усмехаясь. Немного успокоившись, он сказал, - Не волнуйтесь. Мне уже девять лет. Я больше не ребенок. Я могу идти, куда за...

Послышались тревожное кудахтанье кур и ворчащий мужской голос, и лицо Артаса тут же помрачнело. Он распрямил свои маленькие плечи,

предпринял интенсивную, но, в конечном счете, малоэффективную попытку стряхнуть с себя солому, и вышел из сарая.

- Сэр Утер, - прочеканил он так, как если бы он говорил "Я - принц, и Вам лучше помнить об этом". - Эти люди были добры ко мне. Я прошу Вас, будьте осторожнее и не растаптывайте их домашнюю птицу.

Или их клумбу львиного зева, - промелькнуло у него в голове, и он взглянул на заснеженные груды приподнятой земли, где через несколько месяцев должны были расцвести прекрасные цветы, которые были гордостью Вары Бальнир. Он услышал, как Джоран и Джарим последовали за ним из сарая, но он даже не оглядывался на них, вместо этого уставившись на рыцаря, полностью закованного в...

- Доспехи! - выдохнул Артас. - Что произошло?

- Объясню по пути, - мрачно ответил Утер. - Я отошлю кого-нибудь за Вашей лошадью, принц Артас. Непреклонный может быстро довести в дворец нас обоих. - Он наклонился, своей огромной рукой взял Артаса, и поднял мальчишку в воздух, как будто тот вообще ничего не весил. Вара вышла из дома на звуке лошади, приближающейся на полном галопе. Она вытирала свои руки об полотенце, на ее носу оставалось пятно муки. Ее синие большие глаза тревожно посмотрели на мужа. Утер вежливо кивнул ей.

"Мы побеседуем позже, - сказал Утер. - Мэм. - Он коснулся своего лба бронированной рукой в учтивом приветствии, затем залез на своего коня - тоже закованного в броню Непреклонного - и животное тут же понеслось.

Рука Утера была словно оковы из стали вокруг тела Артаса. Страх охватил мальчика, но он все равно попытался избавиться от хватки.

- Я знаю, как ездить верхом, - сказал он, его раздраженность пересилила беспокойство. - Лучше скажите мне, что случилось.

- Прибыл гонец из Южнобережья. Он приносит плохие вести. Несколько дней назад, сотни небольших судов, переполненные беженцами из Штормграда, причалили к нашим берегам, - начал рассказывать Утер. Он не убрал свою руку. Артас прекратил свою бесполезную борьбу и вытянул шею, внимательно слушая рыцаря, его большие глаза цвета морской волны больше не отрывались от мрачного лица Утера. - Штормград пал.

- Что? Штормград? Как? Кто? Что...

- Мы вскоре это выясним. Выживших, включая принца Вариана, возглавляет Чемпион Штормграда, Андуин Лотар. Он, принц Вариан и другие будут в Столице через несколько дней. Лотар предупредил нас, что у него тревожные новости, и это действительно так, раз кто-то уничтожил Штормград. Мне приказали найти и вернуть Вас. Вы не можете играть с простоллюдинами в такой момент.

Ошеломленный Артас отвернулся от рыцаря и схватился руками за гриву Непреклонного. Штормград! Он никогда не бывал там, но слышал рассказы о нем. Это был могущественный город, с большими каменными стенами и красивыми зданиями. Он был построен как крепость, дабы противостоять ударам сильных ветров, от чего и получил свое имя. Невозможно было даже подумать, что он падет - кто или что могло быть достаточно сильным, чтобы захватить этот город?

- Сколько людей прибыло с ними? - спросил он как можно громче, чтобы быть услышанным сквозь цоканье копыт коня, приближающегося к городу.

- Неизвестно. Их не так уж и мало, это точно. Гонец сообщил, что это были все, кому удалось пережить.

Пережить что?

- А принц Вариан? - Он знал о Вариане всю свою жизнь, конечно, так же, как он знал имена всех соседних королей, королев, принцев и принцесс. Внезапно его продрало холодом. Утер упомянул Вариана, но не отца принца, Короля Ллейна...

- Он скоро станет Королем Варианом. Король Ллейн пал вместе с Штормградом.

Эти новости о единичной трагедии поразила Артаса тяжелее, чем мысль о тысячах людей внезапно лишившихся крова. Семья Артаса была дорога ему, его сестра Калия, его мать, Королева Лиана, и, конечно, Король Теренас. Он знал, как некоторые правители относятся к своей родне, и понимал, что в его семье все было замечательно. Потерять свой город, свой образ жизни, и своего отца...

- Бедный Вариан, - сказал он, на его глазах появились слезы сочувствия.

Утер неловко потрепал его по плечу.

- Да, - сказал он. - У парня наступили темные дни.

Артас внезапно задрожал, но не холода яркого зимнего дня. Великолепный полдень, синее небо и изгибающийся пейзаж, укрытый снегом, внезапно потемнели для него.

Несколько дней спустя Артас пришел на крепостные валы замка, принеся Фалрику, одному из охранников, дымящую на холоде кружку горячего чая. Подобные визиты Артаса, как и те вылазки к семье Бальмира, или к посудомойкам из замка, или камердинерам, или кузнецам, вообще к любому слуге на королевской территории, были обычным явлением. Теренас лишь вздыхал, но Артас знал, что никто никогда не накажет его за то, что он общался со своими подданными, иногда он даже задумывался, а не одобряет ли тайно его отец.

Фалрик благодарно улыбнулся и низко и почтительно поклонился, стянул свои рукавицы и начал греть свои холодные руки об кружку. Бледно-серые небеса, казалось, вот-вот могли разразиться снегопадом, но погода была пока что ясная. Артас прислонился к стене, уткнувшись подбородком в свою руку. Он смотрел на лохистые белые холмы Тирисфаля, которые вели через Серебряный Бор в Южнобережье. Дорога, по которой путешествовали Андун Лотар, маг Красус и принц Вариан.

- Есть хоть что-то о них?

- Нет, Ваше Высочество, - ответил Фалрик, попивая свой напиток. - Они могут явиться сегодня, завтра или через день. Если Вы желаете хоть мельком увидеть их, сэр, Вам придется маленько подождать какое-то время.

Артас бросил на него взгляд с усмешкой, его глаза радостно сверкнули.

- Это лучше, чем уроки, - заявил он.

- Что ж, сэр, Вам лучше знать, - дипломатично ответил Фалрик, явно борясь с желанием засмеяться в ответ.

Пока охранник не закончил чаепитие, Артас вздыхал и всматривался в конец дороги, будто у него была куча свободного времени. Поначалу ему это казалось захватывающим, но теперь ему становилось скучно. Ему хотелось пойти и узнать, как себя чувствует жеребенок Светлогривой, и он подумал, как лучше всего сбежать из замка на несколько часов и не быть при этом замеченным. Фалрик был прав. Лотар и Вариан могли находиться от них в нескольких днях пути, если не...

Артас моргнул. Он медленно поднял свой подбородок и прищурил глаза.

- Они идут! - вскрикнул он, указывая вдаль.

Фалрик немедленно бросился в сторону, куда указывал принц, совсем забыв о кружке. Он кивнул.

- У вас зоркие глаза, принц Артас! Марвин! - завопил он. Другой солдат посмотрел на него. - Иди, доложи королю, что Лотар и Вариан на подходе в город. Они должны быть здесь в течение часа.

- Да, капитан, - отсалютовал младший по званию.

- Я это сделаю! Я пойду к отцу! - сказал Артас, сразу же побежав. Марвин замялся, поглядывая на своего начальника, но Артас был настроен решительно. Он помчался вниз, перепрыгивая ступени, заскользил по льду в конце лестницы и вбежал во внутренний двор, притормозив лишь при приближении к тронному залу, не забывая, что надо еще успокоиться. Сегодня был день, когда Теренас принимал представителей народа, слушал их проблемы и старался им помочь.

Артас откинул назад капюшон своего богато расшитого красного плаща из рунной ткани. Он глубоко выдохнул, позволив легкой дымке вырваться с его губ, и кивнул двум охранникам, которые тут же отсалютовали ему честь и развернулись, дабы открыть перед ним ворота.

Тронный зал был куда более теплым местом, нежели внутренний двор, даже при том, что это была большая палата из мрамора и камня с высоким куполообразным потолком. Даже в пасмурные дни, как этот, сквозь восьмиугольное окно в вершине купола проникало немало солнечного света. Факелы неизменно горели на стенах, добавляя комнате и тепло, и оранжевый оттенок. Сложный набор кругов, окружавших печать Лордерона, украшал пол, но сейчас узор было не видно из-за собравшихся людей, терпеливо ожидающих своей очереди для аудиенции со своим монархом.

На возвышавшемся на помосте троне, украшенном драгоценными камнями, сидел Король Теренас II. Его светлые волосы

уже начали седеть с висков, а его лицо было слегка морщинистым, но складок от улыбки было гораздо больше, чем трещин от хмурого взгляда, что было характерно не только для его облика, но и для его души. Он был одет в искусно вышитые одеяния синих и фиолетовых оттенков, украшенные мерцающей золотой вышивкой, которая ловила свет от факелов и мерцала от

его короны. Теренас немного наклонился вперед, внимательно вслушиваясь в рассказ человека, стоящего перед ним - мелкий дворянин, имя которого Артас теперь и не мог припомнить. Его глаза, сине-зеленые и полные решимости, были сосредоточены на его подданном.

Несколько секунд Артас просто стоял, смотря на своего отца, думая о том, о пришествии которого он собирался объявить. Он, как и Вариан, был сыном короля, принцем по крови. Но у Вариана теперь не было отца, и Артас почувствовал комок в горле от мысли, что этот трон опустеет и послышится древняя песня коронации в его честь.

О, Свет, пожалуйста, сделай так, чтобы этот день настал не так скоро.

Возможно почувствовав пристальный взгляд своего сына, Теренас посмотрел на вход в зал. Его глаза на мгновение улыбнулись, но затем он тут же вернул все свое внимание просителю.

Артас покашлял и вышел вперед.

- Простите, что прерываю. Отец, они пришли. Я видел их! Через час они уже должны быть здесь.

Теренас стал слегка суровее. Он знал, кто это "они". Он кивнул: Спасибо, мой сын.

Собравшиеся посмотрели друг на друга; большинство из них также знало, кто были эти "они", и потому они задвигались, готовясь покинуть тронную. Теренас остановил их рукой.

- Нет. Погода ясная, и дорога чистая. Они придут, когда смогут, ни на секунду раньше. А до тех пор, давайте продолжим нашу беседу. - Он сожалеюще улыбнулся. - У меня есть предчувствие, что как только они придут сюда, то встречи, такие как эта, будут еще не скоро. Так давайте постараемся закончить как можно больше дел, прежде чем наступит этот момент.

Артас с гордостью смотрел на своего отца. Именно за это люди так любили Теренаса - и именно потому король обычно закрывал глаза на "путешествия" своего сына в народ. Теренас искренне заботился о народе, которым он управлял, и старался привить это чувство и своему сыну.

- Могу я пойти и встретить их, отец?

Теренас тщательно посмотрел своего сына, и через мгновение покачал своей светлой головой.

- Нет. Думаю, будет лучше всего, если ты не будешь присутствовать на встрече.

Артас почувствовал себя оскорбленным. Не буду присутствовать? Ему же уже девять лет! Нечто очень плохое случилось с из важным союзником, и мальчик, ненамного старше его, будет присутствовать на встрече без своего родителя. Он почувствовал внезапную вспышку гнева. Почему отец пытается скрыть его? Почему ему не разрешают посетить столь важную встречу?

Он воздержался от возражений, которые так и вырывались наружу. Он ни за что бы не стал спорить со своим отцом здесь, перед всеми этими людьми. Даже если он был абсолютно и полностью прав. Он глубоко вздохнул, поклонился и ушел.

Час спустя Артас Менетил благополучно устроился на одном из многих балконов, которые вели в тронную комнату. Он усмехался про себя; он был все еще достаточно маленьким, чтобы скрыться, если кто-нибудь засунет свой нос для быстрой проверки. Он был немного взволнован; еще год или два, и он уже не сможет так поступать.

Но через год или два, конечно, отец поймет, что я имею право на присутствие на таких встречах, и мне больше не придется скрываться.

Сия мысль ему понравилась. Он свернул свой плащ и, используя его как подушку, стал терпеливо ждать. В комнате было тепло от жаровен, факелов и накаляющейся атмосферы среди людей, собравшихся в столь небольшом месте. Жар и успокоительный ропот голосов убаюкали его, и он чуть не заснул.

- Ваше Величество.

Мощный, резонансный и сильный голос растормошил Артаса.

- Я Андуин Лотар, рыцарь города Штормград.

Они здесь! Лорд Андуин Лотар, Чемпион Штормграда... Артас медленно встал и выпрямился, тщательно проверяя, что его не видно позади синей занавески, что была подвешена над входом на балкон, и выглянул наружу.

Лотар каждой своей частицей выглядел как воин, подумал Артас, оценивая человека перед ним. Высокий, крепкого сложения, он носил свою тяжелую броню с непринужденностью, что указывало на то, насколько он был хорошо приучен к ее весу. Хотя его верхняя губа и челюсть скрывали густые усы и короткая бородка, его голова была практически лысой; те волосы, что у него еще оставались в запасе, были объединены в маленький "конский хвостик". Возле него стоял старик в фиолетовых одеждах.

Затем взгляд Артаса остановился на мальчике, который мог быть только принцем Варианом Ринном. Высокий, тонкий, и все же с широкими плечами, которые обещали, что однажды он возмужает, он выглядел бледным и опустошенным. Артас вздрогнул, разглядывая своего коллегу, тот был всего на несколько лет старше его, и он выглядел потерянным, одиноким и напуганным. Когда к нему обращались, Вариан оживлялся и давал вежливые необходимые ответы. Теренас как никто другой лучше знал, как заставить людей чувствовать себя комфортно. Он быстро отозвал всех, оставив лишь несколько придворных и охранников, и поднялся со своего трона, чтобы поприветствовать своих гостей.

- Пожалуйста, садитесь, - предложил он, при этом решив больше не садиться на свое величавое царское сидение - вместо этого он разместился на главной ступеньке помоста трона. Отеческим жестом он подозвал Вариана. Артас улыбнулся. Скрытый от взора других, молодой принц Лордерона наблюдал и слушал, и голоса, которые доносились до него, казались ему почти невероятными. Все же, приняв во внимание этого могучего воина Штормграда - и даже более: бледный облик будущего короля столь великого царства – Артас, скребя сердцем, признал, что это никакая не шутка и не фантазия; все это было смертельной реальностью, и это было ужасно.

Собравшиеся люди говорили о неких существах, "орках", которые, так или иначе, захватили весь материк Азерот. Огромные, зеленые, клыкастые и жаждущие крови, они создали "Орду", которая текла неостанавливаемым потоком по земле

- Их достаточно, чтобы покрыть всю землю с одного конца берега до другого, - зловеще рассказывал Лотар.

Именно эти монстры напали на Штормград и превратили его жителей в беженцев - или мертвецов, как догадался Артас. Ситуация накалилась, когда некто из придворных или кто-то иной явно усомнился в словах Лотара. Лотар вспылil, но Теренас разрядил обстановку и завершил встречу.

- Я позову моих соседей-королей, - сообщил он. - Эти события касаются всех нас. Ваше Величество, я предлагаю Вам мой дом и мою защиту, пока Вы нуждаетесь в них.

Артас опять улыбнулся. Вариан оставался здесь, во дворце, с ним. Было бы неплохо подружиться с другим мальчиком благородных кровей. Он достаточно хорошо общался с Калией, которая была на два года старше его, но она все же была девчонкой, и хотя ему нравилось играть с Джаримом, он понимал, что он не всегда мог свободно прийти к нему. Вариан же, однако, был принцем по крови, как и Артас, и они могли даже подраться друг с другом, ездить верхом, или исследовать окрестности...

- Вы говорите нам готовиться к войне. - Голос его отца резко оборвал все его мечты, и настроение у Артаса вновь стало скверным.

- Да, - ответил Лотар. - К войне за выживание всей нашей расы.

Артас с трудом сглотнул, и затем покинул балкон также тихо, как он туда и пробрался.

Как Артас и ожидал, немного позже принц Вариан появился в комнате для гостей. Сам Теренас лично сопровождал мальчика, мягко держа его рукой за плечо юнца. Если он и не ожидал встретить здесь сына, то не подал ни намека.

- Артас. Это принц Вариан Ринн, будущий король Штормграда.

Артас поклонился ему как к равному.

- Ваше Высочество, - сказал он формально, - добро пожаловать в Лордерон. Только мне жаль, что обстоятельства Вашего приезда не были более радужными.

Вариан не менее изящно поклонился ему.

- Как я говорил королю Теренасу, я благодарен за Вашу поддержку и дружбу в столь сложные времена.

Его голос был жесток, напряжен и утомлен. Артас взял его накидку, тунику и бриджи, сделанные из рунной и магической тканей. Они были красиво сшиты, но выглядели так, будто Вариан носил их полжизни, столь

грязными они были. Его лицо было чисто, но были следы грязи у виска и под ногтями.

- Я отправлю слуг, чтобы принесли еду и полотенца, горячую воду и бадью, чтобы Вы смогли привести себя в порядок, принц Вариан.

Теренас продолжал официально обращаться к мальчику; это должно было смягчиться со временем, но Артас понял, почему король подчеркивает сейчас сей титул. Вариан должен был понять, что он все еще был уважаем, все еще был из королевской семьи, даже если он потерял абсолютно все, кроме своей жизни. Вариан сжал губы и кивнул.

- Спасибо, - выдавил он.

- Артас, я оставляю его на тебе. - Теренас успокаивающе сжал плечо Вариана, и затем удалился, закрыв за собой дверь.

Два мальчика уставились друг на друга. Артас не мог подобрать слов, в голове было совсем пусто. Неловкая пауза затянулась. Наконец, Артас выболтал: Я сожалею о твоём отце.

Вариан вздрогнул и отвернулся, подойдя к огромным окнам, которые спускались на озеро Лордамер. Снег, который все утро угрожал упасть, наконец-то пошел, мягко спускаясь вниз, тихо покрывая землю белым одеялом. Это было плохо - в ясный день можно было увидеть крепость Фенриса на другом берегу озера.

- Спасибо.

- Полагаю, он благородно умер в битве, стараясь из-за всех сил.

- Он был убит. - Голос Вариана был груб и бесчувственен. Потрясенный Артас развернулся, дабы взглянуть на него. Его лицо, которое теперь Артас видел в профиль и будучи освещенным холодным сиянием зимнего дня, было противоестественно невозмутимо. Лишь его глаза, налитые кровью и переполненные болью, оставались живыми. - Близким другом. Ей удалось заставить его поговорить с ней наедине. И тогда она убила его. Нанесла предательский удар прямо в сердце.

Артас затих. Смерть в бою было сложно принять, но это...

Импульсивно он взялся за руку другого принца.

- Я вчера видел, как родился жеребенок, - сказал он. Это казалось глупым, но это было первой вещью, которая пришла ему на ум, и он говорил искренне. - Когда погода улучшится, я возьму тебя с собой поглядеть на него. Это просто чудо.

Вариан долго пристально смотрел на него. Эмоции помелькали по его лицу - недоверие, благодарность, тоска, понимание. Внезапно карие глаза заполнились слезами и Вариан отвел взгляд. Он обнял себя руками и согнулся, его плечи задрожали, и он зарыдал, прикладывая все усилия, чтобы приглушить свой стон. Слезы все же вышли наружу, суровые, мучительные звуки траура по его отцу, королевству, образу жизни, которые он, вероятно, держал в себе вплоть до этой минуты. Артас сжал его руку и почувствовал, что она тверда, как камень.

- Я ненавижу зиму, - всхлипнул Вариан, и глубина боли, переданная теми тремя простыми словами, поразила Артаса. Неспособный наблюдать эти страдания, и все же бессильный что-либо сделать с ними, он опустил свою руку, отошел и посмотрел в окно. Снег за ним продолжал падать.

ГЛАВА 2

Артас был разочарован.

Он думал, что после того, как пришли известия об орках, он, наконец, начнет серьезную подготовку, возможно, бок о бок со своим новым другом - Варианом. Но все было совсем наоборот. Война против Орды привела к тому, что все, способные держать в руке меч, присоединились к вооруженным силам, вплоть до главного кузнеца. Вариану было жаль своего юного товарища, и он делал все что мог, пока, наконец, не вздохнул и сочувственно не посмотрел на Артаса.

- Артас, я не хочу, чтобы это звучало неприятно, но...

- Но я ужасен.

Вариан поморщился. Двое были в оружейном зале, ведя тренировочный бой в шлемах, нагрудных кожаных доспехах и с деревянными тренировочными мечами. Вариан подошел к стойке и повесил тренировочный меч, затем, сняв шлем, заговорил.

- Я просто удивлен, что ты такого атлетичного телосложения и быстр.

Артас помрачнел; он знал Вариана достаточно хорошо, чтобы понять, что более взрослый принц пытался смягчить удар. Он угрюмо последовал примеру, повесив свой меч и расстегнув защитное снаряжение.

- В Штормграде мы начинаем тренироваться, когда еще совсем юны. В твоем возрасте у меня уже был комплект брони, созданный специально для меня.

- Не сыпь соль на рану, - проворчал Артас.

- Извини. - Вариан ухмыльнулся ему, и Артас неохотно улыбнулся в ответ. Хотя их первое знакомство было связано с печалью и неловкостью, Артас заметил, что у Вариана был крепкий дух и, обычно, оптимистичный взгляд. - Я лишь удивляюсь, почему твой отец не сделал того же самого для тебя.

Артас знал.

- Он пытается защитить меня.

Вариан успокоился, пока снимал свою кожаную нагрудную броню. «Мой отец тоже пытался защитить меня. Не вышло. Реалии жизни дали о себе знать». Он взглянул на Артаса: Я обучен сражаться. Я не обучен учить сражаться. Я могу травмировать тебя.

Артас покраснел. Нельзя было даже предположить, что Артас сможет покалечить его. Вариан, кажется, видел, что он лишь только разрывает яму в маленьком мальчике еще глубже, и похлопал его по плечу. - Вот что я тебе скажу. Когда война закончится, и подходящий тренер, наконец, будет свободен, я пойду с тобой, чтобы поговорить с королем Теренасом. Я уверен, что ты сможешь надрать мне задницу в мгновение ока.

Война, наконец, закончилась, и Альянс вышел из нее победителем. Лидер Орды, некогда могучий Огрим Молот Рока, был привезен в Столицу в цепях. Это произвело большое впечатление как на Артаса, так и Вариана, наблюдавших за шествием могучего орка через Лордерон. Туралион, молодой лейтенант-паладин, победивший Молота Судьбы после того, как орк убил доблестного Андуйна Лотара, проявил милосердие, пожалев зверя; Теренас, который был добрым сердцем человеком, продолжил его побуждения, запретив нападать на создание. Глумиться, освистывать, пожалуйста – они видели орка, который так долго их терроризировал, а теперь был беспомощен, был объектом презрения и насмешек, и это поднимало их моральный дух. Но Огриму Молоту Судьбы нельзя было причинять вред, пока он находился под защитой короля.

Впервые Артас видел, как лицо Вариана исказилось от гнева, и подумал, что не может винить мальчика. Он решил, что если бы орки убили Теренаса или Утера, он тоже желал бы смерти этим уродливым зеленым существам.

- Его следует убить, - прорычал Вариан, его глаза налились яростью, пока он наблюдал из-за парапета, как Молота Судьбы вели ко дворцу. - И я хотел бы быть именно тем, кто приведет приговор в действие.

- Он идет в Подгород, - сказал Артас. Древние королевские гробницы, темницы, коллекторы и переплетающиеся проходы под дворцом как-то получили это название, будто это место располагалось в совершенно другом

месте. Темный, влажный, грязный Подгород предназначался только для заключенных и мертвецов, но казалось, что беднейшие из бедных в стране ищут сюда дорогу. Если у тебя не было дома, это было лучше, чем отморозить конечности, и если кто-то нуждался в чем-то... не совсем легальном, даже Артас понимал, что это было именно тем местом, где он намеревался заполучить это. Сейчас, да и потом, стража будет спускаться вниз, проведя уборку помещения в безнадежной и абсолютно напрасной попытке очистить его.

- Никто никогда не сбегал из Подгорода, - заверил своего друга Артас. - Он умрет в плену.

- Слишком милостиво для него, - ответил Вариан. - Туралиону следовало убить его, пока у него была такая возможность.

Слова Вариана оказались пророческими. Великий лидер орков только казался сломленным презрением и ненавистью, свалившимися на него. Но оказалось, что он далеко не был сломленным. Успокоенные его подавленным состоянием, или так, по крайней мере, удалось подслушать Артасу, стражи расслабились, наблюдая за ним. Никто не был в должной мере уверен в том, как произошел побег Огрима Молота Судьбы, поскольку никто не выжил, чтобы доложить об этом – он свернул шею даже случайно встреченным стражам. Но остался след из тел стражников, нищих и преступников – Молот Рока не делал различий – ведущий из широко открытой камеры через Подгород к единственному спасительному пути – зловонной канализационной трубе. Вскоре после этого Молота Судьбы поймали снова, и в этот раз поместили в лагерь для интернированных. Когда он сбежал и оттуда тоже, весь Альянс затаил дыхание, ожидая нового нападения. Но ничего не произошло. Либо Молот Рока, наконец, умер, либо после всего этого они сломили его боевой дух.

Два года минули с тех пор, и теперь казалось, что Портал Тьмы, через который Орда впервые пришла в Азерот – портал, который Альянс запер в конце Второй Войны – был готов открыться вновь. Или уже был открыт, Артас не был уверен наверняка, потому что никто даже не собирался беспокоиться тем, чтобы сказать ему хоть что-нибудь. Даже несмотря на то, что однажды он должен был стать королем.

Был прекрасный день, солнечный, ясный и теплый. Часть его желала быть там, со своим новым конем, которого он назвал Неукротимым – тем жеребенком, рождение которого он наблюдал в тот горький зимний день два

года назад. Возможно, он сделает это позже. А сейчас ноги привели его в оружейную, где он тренировался с Варианом, и Вариан постоянно смущал его. Несомненно, его пренебрежение к нему не было намеренным, но оно, все же, причиняло боль.

Два года.

Артас подошел к стойке с деревянными тренировочными мечами и взял один из них. В одиннадцать лет у него произошел, как назвала это его гувернантка, «рывок в росте» - по крайней мере, она говорила так в последнее время при встрече с ним, когда рыдала, обнимала его и заявляла, что он «теперь настоящий молодой человек» и не нуждается в гувернантке. Маленький меч, с которым он тренировался в девять лет, теперь выглядел совсем по-детски. Он действительно был настоящим молодым человеком, ростом в полтора метра, и, вероятно, он вырастет еще больше, если наследственность даст о себе знать. Он поднял меч, раскачивая его из стороны в сторону, и неожиданно ухмыльнулся.

Он двинулся на один из старых комплектов брони, крепко сжимая меч. Эй! - позвал он, желая, чтобы это был один из тех отвратительных зеленых монстров, которые так долго были бельмом на глазу для его отца. Он выпрямился во весь свой рост и приставил конец меча к горлу пустых доспехов.

- Думаешь пройти здесь, подлый орк? Ты на земле Альянса! Но я проявлю к тебе милосердие на этот раз. Уходи и никогда не возвращайся!

Ах, но орки не понимали ни капитуляции, ни чести. Они были просто животными. Потому он отказался склонить перед ними колени и проявить уважение.

- Что? Ты не уйдешь? Я дал тебе шанс, но теперь ? готовься к бою!

И он повторил тот же выпад, который видел у Вариана. Не прямо на броню, нет, она была очень старая и ценная, но прямо рядом с ней. Нанося удары, блокируя, уклоняясь от ударов, вертя меч вокруг себя, он закрутил его и...

Он открыл рот, поскольку меч будто ожил и пролетел через комнату. Громко приземлившись на мраморном полу, он проехал по нему со скрежетом, прежде чем остановиться.

Проклятие! Он посмотрел на дверь – и прямо в лицо Мурадина Бронзоборода.

Мурадин был послом дворфов в Лордероне, братом короля Магни Бронзоборода и большим любимцем двора за его бодрый, серьезный подход ко всему, начиная с отличного эля и выпечки, и кончая существенными делами. Также у него была репутация превосходного воина, хитрого и свирепого в битве.

И только что он наблюдал, как будущий король Лордерона притворяется сражающимся с орками и швыряет свой меч прямо через всю комнату. Артас почувствовал, что на его теле выступил пот, и знал, что его щеки покраснели. Он попытался придти в чувство.

- Мм... Посол... Я только...

Дворф кашлянул и посмотрел в сторону: Я ищу твоего отца, парень. Можешь указать дорогу? В этом адском дворце слишком много поворотов.

Артас, молча, указал на лестницу слева. Он проследил, как ушел дворф. Они не обменялись больше ни единым словом.

Артас ни разу еще не был так сильно смущен. От стыда у него выступили слезы на глазах, и ему пришлось сильно поморгать, чтобы спрятать их. Не беспокоясь о не поднятом деревянном мече, он покинул комнату.

Десять минут спустя он был свободен, выезжая из конюшен и направляясь на восток, к холмам Тирисфальских Лугов. С ним были две лошади: знатный, пожилой серый в яблоках мерин по кличке Верное Сердце, на котором он ехал, и двухлетний жеребенок Неуротимый, для которого это была тренировочная поездка.

Он почувствовал связь между ними с того самого момента, как встретились их взгляды, секундами позже, после рождения жеребенка. Тогда Артас понял, что это будет его лошадь, его друг, великий конь с великим сердцем, который станет такой же его частью – нет, даже больше – как броня или оружие. Лошади хороших пород, такие, как эта, могли прожить двадцать лет или больше при должном уходе; он станет ездовым животным, которое элегантно пронесет Артаса на церемонии и верно на ежедневных поездках. Он не был боевым конем. Для этого существовала отдельная порода, которую использовали в особых целях в особое время. У него будет такой,

когда он пойдет на битву. Но Неукротимый станет, а точнее уже стал, частью его жизни.

Шкура, грива и хвост жеребца, серые с рождения, стали белыми как снег, что покрывал в этот день землю. Этот цвет был редким даже среди породы лошадей Бальнира, чьи белые шкуры, по правде сказать, были просто светло-серыми. Артас перебирал клички, типа «Снегопад» или «Свет Звезд», но, в конце концов, последовал неофициальной традиции рыцарей Лордерона и дал имя за соответствующие качества. Конь Утера звался «Верным», а Теренаса «Бесстрашным».

Его был «Неукротимый».

Артас отчаянно желал объездить Неукротимого, но конюх предупредил, что двухгодовалая лошадь, по крайней мере еще год, была слишком молодой.

- Два года – это просто ребенок, - сказал он. - Они все еще растут; их кости до сих пор формируются. Будьте терпеливы, Ваше Высочество. Подождите еще год – не такой долгий срок ради коня, который верно вам прослужит два десятилетия.

Но это был долгий срок. Слишком долгий. По сравнению со старым мерином, двухгодовалый двигался почти что паря, едва прилагая усилия. Его уши подались вперед, а ноздри расширились, когда он почуял запахи луга. Его глаза были яркими, и казалось, будто он пытался сказать: Ну давай, Артас... Для этого я и рожден.

Несомненно, одна поездка не могла причинить вреда. Всего лишь пройдемся легким галопом, а затем вернемся обратно в конюшни, будто ничего и не произошло.

Он замедлил Верное Сердце до шага и привязал поводья к низкой ветке дерева. Неукротимый заржал, когда Артас подошел к нему. Принц улыбнулся, когда мягкая бархатная морда животного коснулась его ладони, чтобы съесть приготовленный для него кусок яблока. Неукротимого учили носить седло; это была часть долгого и упорного процесса принуждения, нацеленного приучить лошадь нести что-то на своей спине. Но пустое седло сильно отличалось от живого человека. До сих пор он проводил много времени с животными. Артас прочитал короткую молитву и, прежде чем Неукротимый мог отойти в сторону, быстро запрыгнул на лошадиную спину. Неукротимый встал на дыбы, яростно заржав. Артас обмотал руки гривой и вцепился, словно колючками, каждым миллиметром своих длинных ног.

Конь прыгал и брыкался, но Артас держался. Он завизжал, когда Неукротимый, пытаясь сорвать его, проскакал под одной из веток, но не выпустил рук.

И затем Неукротимый понесся галопом.

Или скорее, полетел. Или, во всяком случае, так казалось от головокружения принцу, низко пригнувшемуся к шее лошади и широко ухмыляющемуся. Он никогда не ездил на животном быстрее этого, и его сердце колотилось от возбуждения. Он даже не пытался управлять Неукротимым; все, что он мог делать, это просто держаться. Это было великолепно, дико, прекрасно, в общем, всем, о чем он только мечтал. Они бы...

Прежде чем он осознал, что произошло, Артас пролетел в воздухе и тяжело рухнул на покрытую травой землю. Долгое время он не мог вздохнуть от удара. Он медленно поднялся на ноги. Его тело болело, но ничего не было сломано.

Но Неукротимый превратился в быстро уменьшающуюся точку в дали. Артас сильно выругался, пнув холмик и сжав свои кулаки. Сейчас тот для этого как раз и подходил.

Сэр Утер Светоносный ожидал его при возвращении. Артас нахмурился, соскользнул с Верного Сердца и передал поводья конюху.

- Неукротимый сам вернулся назад незадолго до вас. У него неприятная рана на ноге, но я уверен, вы будете рады узнать – конюх говорит, что с ним все будет в порядке.

Артас солгал, сказав Утеру, что их напугали и Неукротимый ускакал. Но по пятнам от травы на его одежде было очевидно, что он упал, и Утер никогда бы не поверил, что принц не смог удержаться на смирном старом Верном Сердце, независимо от того, напуган он был или нет.

- Ты же знаешь, что тебе еще не разрешали на нем ездить, - жестко продолжил Утер.

Артас вздохнул: Я знаю.

- Артас, неужели ты не понимаешь? Если ты будешь подвергать его таким нагрузкам в этом возрасте, он...

- Я понял, хорошо? Я мог травмировать его. Но это был всего лишь единственный раз.

- И этого больше не повторится, не так ли?

- Да, сэр, - угрюмо сказал Артас.

- Ты пропустил свои уроки. Опять.

Артас промолчал и не поднял взгляда на Утера. Он был сердит, смущен и испытывал боль, поэтому не хотел ничего кроме горячей ванны и чая из остротерна, чтобы снять боль. Его правое колено стало опухать.

- По крайней мере, ты появился как раз во время для дневной молитвы. - Утер оглядел его сверху донизу. - Хотя тебе не помешает помыться. Артас действительно был потный и знал, что воняет как лошадь. Он подумал, что это был хороший запах. Настоящий. - Поторопись. Мы собираемся в часовне.

Артас даже не был уверен, что за молитва была запланирована на сегодня. Он смутно ощущал происходящее там; Свет был важен как для его отца, так и для Утера, и он знал, что они желали, чтобы он был таким же благочестивым, как и они. В то время, как он не мог отрицать увиденное своими глазами – Свет был почти реальным; он видел священников и новый орден паладинов, творящих настоящие чудеса с исцелением и защитой – но он никогда не испытывал желания сидеть и медитировать часами подобно Утеру, или часто упоминать о Свете в уважительных тонах подобно отцу. Это было просто... там.

Час спустя, вымытый и переодетый в более элегантную одежду, Артас торопился в маленькую семейную часовню в королевском крыле.

Это была небольшой, но прекрасный зал. Это была миниатюрная версия обычной часовни, что можно было увидеть в любом человеческом городе, возможно немного роскошнее в деталях. Чаша причащения была тонко выделана из золота и инкрустирована драгоценными камнями; стол, на котором она стояла, был антикварным. Даже скамьи имели удобную набивку, в то время как обычные люди довольствовались деревянными.

Когда он тихо вошел, то понял, что был последним – и поморщился, поскольку вспомнил, что несколько важных особ посетили его отца. В дополнении к постоянным прихожанам – его семье, Утеру и Мурадину – присутствовал Король Троллебой, хотя от присутствия здесь тот испытывал еще меньше радости, чем Артас. И... кто-то еще. Девочка, стройная, с

прямыми светлыми волосами, стоявшая к нему спиной. Артас пристально с любопытством разглядывал ее и налетел на одну из скамеек.

Еще он умудрился завалить броню. Королева Лианна, все еще прекрасная в свои ранние пятьдесят, обернулась на звук и нежно улыбнулась своему сыну. Платье на ней сидело отлично, волосы были уложены в золотистый чепец, из которого не торчал ни один волосок. Калия, четырнадцатилетняя и выглядящая такой же неуклюжей и веселой, как Неукротимый при рождении, послала ему сердитый взгляд. Очевидно, новость о его проступке стала известна, а может она просто была сердита за его опоздание. Теренас покосился на него, затем перевел взгляд на ведущего службу епископа. Артасу стало неловко, поскольку он увидел в том взгляде тихое порицание. Троллебой не обратил на него никакого внимания, как и Мурадин, который даже не обернулся.

Артас занял место на одной из скамеек около задней стены. Епископ начал говорить и возвел свои руки, окутавшиеся мягким, белым сиянием. Артас хотел, чтобы девочка немного повернулась, чтобы он мог мельком посмотреть на ее лицо. Кем же она была? Ясно, что дочерью кого-то знатного или с высоким чином, иначе ее бы не пригласили посетить частную семейную службу. Он гадал, кем бы она могла быть, более интересуясь ею, чем словами службы.

- ...и Его Королевское Высочество, Артас Менетил, – произнес нараспев епископ. Артас превратился в слух, удивившись, не пропустил ли он что-то важное. - Да прибудет благословение Света с каждой его мыслью, словом и делом, чтобы он мог благоденствовать под ним и вырасти для служения ему паладином. - Артас почувствовал внезапный успокоительный поток тепла сквозь себя, когда на него наложили благословение. Жесткость и боль исчезли, оставив его обновленным и спокойным. Епископ повернулся к королеве и принцессе. - Да снизойдет сияние света на Ее Королевское Величество, Лианну Менетил, дабы она...

Артас ухмыльнулся и подождал, пока епископ закончит личные благословения. Тогда он назовет девочку. Артас прислонился к задней стене.

- И мы покорно просим Свет благословить Леди Джайну Праудмур. Да благословится она его исцелением и мудростью, дабы она...

Ага! Таинственная девочка больше не была таковой. Джайна Праудмур, на год моложе его, дочь Адмирала Даелина Праудмура, морской герой войны

и правитель Кул Тираса. Что интриговало его сейчас, так это почему она была здесь и...

- ...и дабы ее занятия в Даларане шли хорошо. Мы просим, чтобы она стала образцом Света, и даже в роли мага она служила своим людям верой и правдой.

Это имело смысл. Она была на пути в Даларан, прекрасный город магов, не так далеко от Столицы. Зная жесткие правила этикета и гостеприимства, распространенные в королевских и знатных кругах, ей придется задержаться здесь на несколько дней, прежде чем она продолжит путешествие.

Это, - подумал он, - будет весело.

В конце службы Артас, уже расположившийся у двери, вышел первым. Мурадин и Троллебой вышли следующими, облегченные тем, что служба окончена. Теренас, Утер, Лианна, Калия и Джайна следовали за ними.

Его сестра и Джайна были стройными и с прекрасными волосами. Но на этом сходство заканчивалось. Калия была изысканной до мозга костей, с лицом, словно со старых картин, с бледной и нежной кожей. У Джайны же были яркие глаза и живая улыбка, и она двигалась как человек, привыкший к верховой езде и путешествиям. Она определенно проводила большую часть времени на улице, поскольку ее лицо было загорелым с небольшой россыпью веснушек на носу.

Это, решил Артас, была девочка, которая не расплачется, получив в лицо снежком, или не откажется пойти купаться в жаркий день. То есть будет тем, в отличие от его сестры, с кем он может играть.

- Артас, на пару слов, – произнес грубый голос. Артас повернулся и увидел посла, поравнявшегося с ним.

- Конечно, сэр, – ответил Артас, его сердце рухнуло вниз. Все, о чем он желал сейчас, было поговорить с его новым другом – он был уже почти уверен, что они отлично поладят – а Мурадин наверное хотел поругать его за жалкое представление, что он устроил в оружейной. По крайней мере, дворф был достаточно сдержан, чтобы пройти несколько шагов.

Он повернулся лицом к принцу, зацепился большими пальцами за пояс, грубое лицо сморщилось в раздумье.

- Парень, – сказал он, – Пойми меня правильно. Сражаешься ты ужасно.

Вновь Артас почувствовал, как кровь прилила к лицу.

- Я знаю, – ответил он. – Но отец...

- У твоего отца много вещей на уме. Не стоит тебе говорить что-то о нем.

Хорошо, что же он должен был сказать?

- Хорошо, у меня не выходит научиться самому сражаться. Вы видели, что произошло, когда я пытался.

- Я могу. Я научу тебя, если желаешь.

- Вы – вы действительно научите? - Артас сперва не поверил, лишь затем обрадовался. Помимо многих вещей, дворфы были известны своим боевым мастерством. Часть Артаса интересовалась, не научит ли его Мурадин также выдержке эля, чем также были знамениты дворфы, но решил не спрашивать об этом.

- Да, так о чем это я? Я разговаривал с твоим отцом, и он полностью за. А то все это откладывалось слишком долго. Но позволь прояснить одну вещь. Я не принимаю извинений. Я буду сильно давить тебя. И если в какой-то момент я говорю “Мурадин, ты тратишь свое время”, я останавливаюсь. Ты согласен, мальчик?

Артас сдержал неуместную усмешку при мысли о том, что тот, кто намного ниже его ростом, называет его «мальчик».

- Да, сэр, – горячо произнес он. Мурадин кивнул и протянул большую мозолистую руку. Артас пожал ее. Улыбаясь, он бросил взгляд на своего отца, который был поглощен разговором с Утером. Они повернулись как один, чтобы поприветствовать его, обе пары глаз сузились в догадке, и Артас внутренне вздохнул. Он знал этот взгляд. Что же до игр с Джайной – вероятно у него не будет даже времени, чтобы просто увидеть ее снова до того, как она уедет.

Он обернулся посмотреть, как Калия, положив руку на плечо юной девушки, выводила Джайну из комнаты. Но прежде чем исчезнуть в дверном проеме, дочь Адмирала Праудмура повернула свою золотистую головку, поймала взгляд Артаса и улыбнулась.

ГЛАВА 3

– Я горжусь тобою, Артас. – сказал его отец. – Твоим подходом к такой ответственности.

Всю неделю, что Джайна провела гостьей в доме Менетилов, слово «ответственность» было девизом. Не только из-за начала занятий с Мурадином – а он оказался строгим и требовательным, как и предупреждал, и во время занятий Артасу приходилось терпеть и боль в мышцах, и синяки, а когда дворф находил, что юнец уделяет слишком мало внимания занятиям, то и шлепки за ухом. Как Артас и боялся, Утер и Теренас рассудили, что пора бы принцу выучиться другим наукам. Артас вставал на рассвете, хватал скорый завтрак из хлеба с сыром и ехал на раннюю прогулку с Мурадином. Поездка на конях заканчивалась пешим маршем, и двенадцатилетний юноша возвращался домой прозябшим и обветренным. В душе Артас задавался вопросом, была ли у дворфов столь крепкая связь с камнями, что сама земля давала им силы гулять по ней. Домой, принять ванную, дальше – уроки истории, математики и каллиграфии. Полдник, после чего они с Утером сидели в часовне и рассуждали о природе паладинов и строгой дисциплине, ими соблюдаемой. А после ужина Артас, полностью лишенный сил, падал в кровать и спал крепким сном без сновидений.

Джайну он успел увидеть всего несколько раз за ужином. Наконец он решил, что с него достаточно, и, вооружившись уроками истории и политики, что ему вбивали в голову, он подошел к отцу и Утеру и попросил лично проводить гостью, Джайну Праудмур, до самого Даларана.

Он промолчал, что просто хочет улизнуть на время от своих обязанностей при дворе. Теренасу нравилось думать о сыне как о столь ответственном юноше, Джайна улыбнулась мыслям о том, чем это может обернуться, а Артас получил, что хотел. Все счастливы.

Вот так и случилось, что ранним летом, когда распускались цветы, леса играли жизнью, а солнце плясало в ярко-синем небе над головой, принц Артас Менетил проводил юную леди с красивой улыбкой и золотыми волосами в удивительный город магов.

В начале поездки случилась небольшая задержка – так Артас узнал о милой привычке Джайны Праудмур опаздывать – но он не имел ничего против. Некуда было спешить. Конечно, они шли не одни. Правила приличия

полагали придворной даме Джайне путешествовать в сопровождении стражника и слуг. Но они держались где-то позади, позволяя двум молодым людям познакомиться. После недолгой поездки они остановились на привал. Пока они ели хлеб с сыром и пробовали вино, к Артасу подошел один из его людей.

– Сэр, с вашего позволения мы начнем готовиться к ночевке в Янтарной Мельнице. А уже завтра мы двинемся к Даларану. Мы должны прибыть туда к сумеркам.

Артас отрицательно махнул головою.

– Нет, давайте продолжать путь. А уснем где-то в предгорьях Хиллсбрада. Так Джайна сможет добраться к Даларану с утра.

Он повернулся к Джайне и улыбнулся ей. Она улыбнулась в ответ, хотя в ее глазах он уловил толику разочарования.

– Вы уверены, сэр? Мы хотели воспользоваться гостеприимством местных жителей, чтобы не заставлять леди ночевать под открытым небом.

– Все в порядке, Кайван. – сказала Джайна. – Я не из фарфора сделана.

Улыбка Артаса переросла в ухмылку. Он верил, что в ближайшие несколько часов она почувствует обратное.

Пока слуги разбивали лагерь, Артас и Джайна ушли исследовать местность. Они взобрались на холм, с которого открывался прекрасный вид на местность. На западе они могли увидеть небольшие фермы при Янтарной Мельнице, и даже отдаленные шпили крепости барона Сребролена. На востоке они почти что разглядели сам Даларан, а на юге им как на ладони был виден лагерь для интернированных. По окончании Второй войны все орки попали в плен, и их разместили в такие вот лагеря. Это было милосерднее, чем устраивать массовую казнь, говорил сыну Теренас. А к тому же, орков поразила какой-то странный недуг. Большинство из орков сдались почти без боя. По всей стране были разбросаны еще несколько таких лагерей.

Они съели грубо сжаренного на вертеле кролика и разошлись вскоре после наступления ночи. Убедившись, что все уснули, Артас спустил тунику до бриджей и надел сапоги. Он машинально схватил один из кинжалов и

прикрепил его к поясу, а затем стал звать Джайну.

– Джайна! – шепнул он. – Проснись!

Она проснулась тихо и не испугалась. Ее глаза блеснули в лунном свете. Он присел на корточки, и она приложила палец к его губам.

– Артас? – прошептала она. – Что-то случилось?

Он усмехнулся.

– Готова к приключениям?

– Каким еще приключениям? – она склонила голову на бок.

– Доверься мне.

Джайна посмотрела на него мгновение и затем кивнула.

– Ладно.

Как и все, она легла спать почти одетой, и ей осталось надеть сапоги и плащ. Она встала, сделала робкую попытку пальцами расчесать светлые волосы и кивнула.

Джайна шла за ним по пути на тот самый холм, что они исследовали днем. Ночью подъем был слегка сложнее, но луна сияла ярко и их ноги не устали.

– Мы идем вон туда, – сказал он, указывая вниз.

Джайна сглотнула комок в горле.

– Лагерь для интернированных?

– Видела когда-нибудь его вблизи?

– Нет. И не хочу.

Он разочаровано нахмурился.

– Да ну, Джайна. Когда еще ты увидишь орков так близко? Разве не интересно?

Выражение ее лица было не разглядеть в лунном свете, а глаза скрывала тень.

– Я... Они убили Дэрека, моего старшего брата.

– Одна из них убила и отца Вариана. Они вообще убили многих. Поэтому их место здесь. Людям не нравится, что отец поднял налоги для содержания орков, но... идем, рассудишь сама. Я потерял хорошую возможность посмотреть на Оргримма Молот Рока в Подгороде. Эту я не упущу.

Она немного помолчала и тяжело вздохнула.

– Ладно уж... Идем назад

– Нет, – сказала она, чем изрядно его удивила. – Пойдем.

Они спустились вниз в полной тишине.

– Отлично, – прошептал Артас. – Когда мы были здесь днем, я заметил, как стоят их патрули. Не думаю, что ночью их посты меняются. Даже, наверное, наоборот – их становится меньше. Орки в апатии, и стражники, наверно, уже и не думают, что кто-то из них попытается сбежать.

Он улыбнулся, чтобы успокоить ее.

– Нам же лучше. Кроме патрулей, кто-то всегда сидит на тех дозорных башнях. Их мы должны опасаться больше всего, но надеюсь, что они ждут опасности скорее с фронта, чем с тыла, ведь лучше всего лагерь укреплен на лицевой стене. Так что как только вот тот товарищ закончит свой обход, у нас будет довольно много времени, чтобы добраться до стены и как следует все осмотреть.

Они переждали, пока сонные охранники прошли мимо, и еще несколько дыханий после этого сидели молча.

– Надень капюшон, – сказал Артас. У обоих были светлые волосы, и стража могла их легко заметить во тьме. Джайна немного нервничала, но в ней заиграл азарт, и она кивнула. К счастью, они носили темные плащи.

– Готова? – Джайна кивнула в ответ. – Тогда идем.

Они быстро и тихо спустились вниз. Артас задержал ее на мгновение, пока стражники на башне смотрели в их сторону, а затем жестом велел следовать за собой. Они помчались вперед, проверяя на ходу, на месте ли их капюшоны, и, через несколько шагов, прислонились к стене.

Лагеря были сколочены грубо, но крепко. Их сделали из дерева – не больше, чем частокол из бревен, заостренных наверху и вбитых глубоко в

землю. В «стене» было множество щелей, сквозь которые любопытные мальчик и девочка могли рассмотреть, что творится внутри.

Сначала трудно было разглядеть, но там было несколько громадин. Артас повернул голову, чтобы лучше увидеть их. То были орки что надо. Кто-то из них свернулся калачиком на земле и спал, укрывшись одеялом. Кто-то слонялся по площадке, как загнанный в клетку зверь, только без звериной тоски за свободой. Было даже что-то вроде орочьей семьи – орк, орчиха и орченок. Женщина, стройнее и ниже обычного орка, прижимала к груди маленький сверток – и Артас понял, что это был младенец.

– Ох... - шепнула Джайна где-то рядом. – Они такие... грустные.

Артас сморкнулся, но потом вспомнил, что нужно вести себя тихо. Он посмотрел в сторону башни – охрана ничего не услышала.

– Грустные? Джайна, эти твари разрушили Штормград. Они хотели истребить человеческий род. Твой брат погиб, Свет прости! Не трать на них свою жалость.

– Но... Я и не думала, что у них будут дети, – продолжила Джайна. – Видишь вон ту, с ребенком?

– Хорошо, конечно, но и у крыс есть дети, – сказал Артас. Его раздражали слова Джайны – хотя чего ждать от одиннадцатилетней девочки?

– Они совсем не выглядят опасными. Вы там точно уверены, что им место здесь? – она повернулась и посмотрела ему в лицо, освещенное лунным светом. – Если держать их здесь слишком дорого – почему бы их не освободить?

– Джайна, – сказал он, сохраняя мягкость в голосе. – Они – убийцы. Даже если сейчас они в таком вот унынии – что станет, если они вернуться на волю?

Она тихонько вздохнула и ничего не ответила. Артас покачал головой. Он уже насмотрелся – а скоро вернется охрана.

– Пойдем назад?

Она кивнула и, отступив от стены, бросилась за ним назад, к холму. Артас оглянулся через плечо и увидел, что охрана стала возвращаться. Он схватил Джайну за талию и нырнул с ней на землю, больно упав возле нее.

– Не шевелись, – сказал он ей. – Стража смотрит прямо сюда.

Несмотря на боль при падении, Джайна сумела сразу застыть на месте. Держа голову как можно ниже, Артас оглянулся на стражника. На таком расстоянии он не смог разглядеть его лицо, но в том, как он держался, читалась скука и усталость. Спустя несколько длинных секунд, пока в ушах Артаса гроыхали удары его собственного сердца, стражник повернулся в другую сторону.

– Прости, – извинился Артас и помог Джайне стать на ноги. – Все хорошо?

– Да, – ответила Джайна и улыбнулась ему.

Они вернулись в свой лагерь уже через несколько минут. Довольный, Артас лег и стал смотреть на звезды.

Хороший был денек.

– Опять ты как маленькая гномка! Дай дерну за косич... Оуф!»

О шлем дворфа ударили щитом, но тот отошел на шаг или два назад. Артас хлестнул мечом воздух, с застывшей из-под шлема улыбкой. Затем он внезапно упал и тяжело приземлился на спину. Перед его глазами появилась голова с длинной бородой, и он едва успел вовремя поднять клинок, чтобы отразить удар. Ворча что-то про себя, он подтянул ноги к груди и резко разогнул, поразив Мурадина ступней в живот. Теперь уже дворф грохнулся на спину. Артас одним гладким движением подскочил и встал на ноги. Он подбежал к учителю, все еще лежащему на полу, и стал наносить удар за ударом, пока Мурадин не сказал то, чего Артас действительно никогда не ожидал услышать.

– Я сдаюсь...

Артас тут же перестал драться, встал в полный рост, но, потеряв контроль, оступился. Мурадин лежал, где и раньше, тяжело дыша.

Сердце Артаса сковал страх.

– Мурадин? Мурадин!

Добродушный хохот вырвался из-под грубой бронзовой бороды.

– А хорошо ты меня уделал, парень. И в правду, хорошо.

Он изо всех сил попытался присесть, и Артас подал руку, чтобы помочь дворфу тяжело подняться на ноги. Мурадин со счастливым видом размял руки.

– Так ты все-таки слушал меня, когда я рассказывал об этом трюке?

Немного смущенный похвалой, Артас улыбнулся. Часть того, чему Мурадин его научил, будет повторена, заточена и усилена во время его обучения делу паладина. Но остальное... Ну, вряд ли Утер Светоносный когда-нибудь узнает, как эффективно нанести удар ногами, когда тебя сбили с ног, или насколько полезной в крайних случаях может оказаться разбитая бутылка вина. Драка – это драка, и Мурадин Бронзобород был рад, что Артас знает обо всех ее сторонах.

Артасу теперь было четырнадцать, и он бы обучался с Мурадином по несколько раз в неделю, если бы дворфа не отправляли временами в дальние края с дипломатическими поручениями. Сначала, как они оба и ожидали, все было просто ужасно. С первой дюжины занятий Артас уходил хромя, весь в крови и ушибах. Он упрямо отмахивался от всех, кто предлагал помочь с исцелением, считая боль частью учения. Мурадин одобрял это, и давил на Артаса еще сильнее. Артас никогда не жаловался, и даже не хотел – в том числе и тогда, когда Мурадин нападал на Артаса, хотя тот уже не мог от изнеможения и щит поднять.

И за то, что он никогда не ныл и не пытался улизнуть от тренировок, Артас был вознагражден вдвойне: он хорошо вышколился и завоевал уважение Мурадина Бронзоборода.

– Ну да, сэр, я был весь во внимании.

– Славный малый, славный, – Мурадин похлопал его по плечу. – Теперь иди. Я получил хорошую трепку сегодня. Ты заслужил немного отдыха.

Его глаза горели при этих словах, и Артас кивнул, будто соглашаясь. Сегодня именно Мурадин получил хорошую трепку. И, казалось, он был этому так же рад, как и сам Артас. Сердце принца внезапно вспыхнуло привязанностью к дворфу. Хоть Мурадин и был строгим учителем, но Артас его сильно любил.

Он тихонько присвистнул и пошагал к своим палатам, когда его остановил внезапный отчаянный крик.

– Нет, отец! Я не буду!

– Калия, я устал от этой беседы. У тебя нет выбора.

– Папочка, прошу, не надо!

Артас подошел немного поближе к палатам Калии. Дверь была приоткрытой, и он слушал разговор, немного волнуясь. Теренас души не чаял в Калии. Что он мог попросить ее такого, что она стала его умолять и обращаться так, как они с Артасом не делали с тех пор, как стали взрослыми?

Калия тихонько плакала. Артас не мог больше этого вынести. Он распахнул дверь.

– Простите, я не мог этого не услышать. Что случилось?

Теренас в последнее время вел себя странно, а теперь он ужасно гневался на шестнадцатилетнюю дочь.

– Не твое дело, Артас! – отрезал Теренас. – Я приказал Калии сделать кое-что для меня. И она сделает.

Калия в слезах упала на кровать. Артас смотрел то на отца, то на сестру, и был чрезмерно удивлен. Теренас что-то пробормотал и ветром вылетел с комнаты. Артас бросил взгляд на Калию и помчался за отцом.

– Отец, стой! Что происходит!

– И не спрашивай! Долг Калии – повиноваться отцу.

Теренас вошел в приемную. Артас узнал сидящего в ней лорда Давала Престора, молодого дворянина, о котором Теренас был очень высокого мнения. Еще там была пара волшебников из Даларана, которых он не знал.

– Вернись к сестре, Артас, и попытайся ее успокоить. Я приду к вам, как только смогу, обещаю.

Окинув взглядом троих гостей, Артас кивнул и вернулся в палаты Калии. Его сестра не сдвинулась с места, хотя рыдания и утихли. В общем, Артас просто стоял возле ее кровати и чувствовал себя неловко.

Калия села на кровать, и по ее лицу катились слезы.

– Мне... мне жаль, что ты видел это, Артас, н-но быть может это к лучшему.

– Что Отец от тебя хотел?

– Он хочет выдать меня замуж против воли.

Артас моргнул.

– Калия, тебе только шестнадцать, тебе даже нельзя еще выходить замуж.

Она достала платок и вытерла красные глаза.

– Я так ему и сказала. Но Отец говорит, что это пустяк. Мы бы обвенчались, и я вышла бы за лорда Престора в свой день рождения.

Глаза Артаса цвета морской волны широко раскрылись, и он понял, почему Престор был сегодня здесь.

– Ну ладно, – неуклюже начал он. – Он очень хорошо сложен, и... наверное, красив. Так все говорят. По крайней мере, он не старый хрыч.

– Ты не понимаешь, Артас! Мне все равно, красивый он, щедрый, или даже добрый. Просто... Просто у меня нет никакого выбора. Я... Я прямо как та ваша лошадь. Я – вещь, а не человек. И выйду за того, кто угоден отцу... просто, чтобы скрепить выгодную политическую сделку.

– Ты... Ты не любишь Престора?

– Люблю? – ее синие, покрасневшие от слез глаза, сузились в гневе. – Я едва его знаю. Он ни разу даже... Ох, что толку-то? Я ведь знаю, что это – обычное дело среди знати. Мы просто пешки. Но я никогда, никогда не ждала такого от Отца...

Артас тоже не ждал. Он никогда и не думал о браке, своем или же сестры. Его много больше увлекали занятия с Мурадином и поездки на Неукротимом. Но Калия была права. Это обычное дело у знати – устраивать свадьбы, лишь чтобы укрепить свой статус.

Но он никогда не думал, что его отец продаст свою дочь как... как чистокровную лошадь.

– Калия, мне правда жаль, – сказал он по правде. – Может еще можно что-то сделать? Может, ты и сможешь убедить отца, что лучше будет, если ты выйдешь за того, кто сможет сделать тебя счастливой.

Калия горько покачала головок.

– Бесполезно. Ты его слышал. Он и не спрашивал меня, не предлагал выйти за Престора – он приказал мне, – она умоляюще посмотрела на него. –

Артас, когда ты станешь королем, пообещай, что не сделаешь такого со своими детьми!

Детьми? Артас совсем еще не готов был думать об этом. У него не было даже... Нет, была, но он даже не думал об ней, как...

— И когда ты поженишься — а папа не может приказать тебе так же, как и мне — убедись, что ты можешь заботиться о той девушке, а она — о тебе. Ну, или хотя бы спроси ее, с кем она хочет разделить постель.

Она вновь зарыдала, но Артас был слишком ошарашен тем, что перед ним открылось. Ему было всего четырнадцать, но спустя три коротких года он достигнет совершеннолетия. Он внезапно вспомнил отрывки бесед о будущем рода Менетилов, которые частенько слышал там и тут. Его жена была бы матерью королей. Он должен был выбирать тщательно, а еще, как попросила Калия, с любовью. Его родители, очевидно, любили друг друга. Это отражалось в их улыбках и жестах даже после стольких лет брака. Артас хотел того же. Он хотел спутника жизни, друга, ...

Он нахмурился. А что, если он такую не встретит?

— Прости, Калия, но, быть может, тебе повезло. Могло быть иначе — и ты смогла бы выбирать сама, и не найти того, что ищешь.

— Лучше это, чем быть... к-куском мяса на продажу.

— У каждого есть свой долг, — спокойно и мрачно сказал Артас. — Твой — выйти за того, кого укажет Отец, мой — жениться на той, что хороша королевству.

Он резко встал.

— Мне жаль, Калия.

— Артас... Куда ты?

Он не ответил, но уже мчался сквозь дворец к конюшням и, не дожидаясь конюха, сам вскочил на Неукротимого. Артас знал, что это выход лишь на время, но в четырнадцать и временный решение — тоже выход.

Он опустился на спину Неукротимому, и белая грива хлестала лицо Артаса, пока конь скакал вперед, и в каждом его движении видна была сила и изящество. Артас от всей души улыбнулся. Никогда он не бывал так счастлив, как верхом на этом коне, когда они двое сливались в великолепное

единое целое. Он долго ждал возможности скакать на коне, рождение которого он видел своими глазами, но оно того стоило. Они были прекрасной парой. Неукротимый ничего от него не хотел, ничего никогда не просил, разве только страстно желал вырваться из тесных конюшен, как и Артас хотел вырваться со двора. Вместе они так и сделали.

Они скакали так, как любил Артас. На востоке от Столицы, возле усадьбы Бальнира, было несколько холмов. Неукротимый мчался вперед, разрывая землю копытами, прямо к краю обрыва. Он резко повернулся, так, что несколько камушков полетели вниз, и поскакал вдоль узкой тропы. Его сердце и сердце Артаса бешено стучали. Артас повел коня налево, вдоль набережной, самым кратким путем к имениям Бальнира. Неукротимый не противился, как не противился тогда, когда Артас попросил его прыгнуть. Они тогда собрались духом, и в какой-то короткий чудесный миг всадник и конь с замиранием сердца летели. А затем – мягко приземлились на траву и вновь умчались вдаль.

Неукротимые.

ГЛАВА 4

- Как видите, Ваше Высочество, - сказал генерал-лейтенант Аэделас Блэкмур, - налоги расходуются целесообразно. Нами были учтены все меры предосторожности. Фактически, система безопасности здесь настолько сильна, что нам удалось даже устраивать гладиаторские бои.

- Как мне и рассказывали, - ответил Артас, осматривая Дарнхольд вместе с командиром лагерей для военнопленных орков. Крепость сама по себе не была высылочным пунктом, скорее руководящим центром для остальных лагерей, она была огромна, и вокруг нее действительно витала атмосфера праздника. Воздух в этот яркий осенний денек был бодрящим, синие и белые знамена, установленные над крепостью, трепетали под бризом. Ветер развеивал длинные черные как крылья ворона волосы Блэкмура и подхватывал плащ Артаса, пока они прогуливались вдоль крепостных валов.

- Вы обязательно должны это увидеть, - настоял Блэкмур, заискивающе улыбаясь принцу.

Эта неожиданная проверка была идеей Артаса. Теренас похвалил его за инициативу и милосердие.

- Мы должны это сделать, Отец, - говорил Артас, хотя не последняя по списку причина его поездки состояла в том, чтобы удовлетворить любопытство касательно слухов о домашнем орке, которого содержал генерал-лейтенант. - Мы должны быть уверены, что деньги идут в лагерь, а не в карман Блэкмуру. Мы можем понять, действительно ли он заботиться об участниках гладиаторских сражений, а также проверить, не пошел ли Аэделас по пути своего отца.

Отец Блэкмура, генерал Эделин Блэкмур, был заклеен как предатель, которого осудили и признали виновным в продаже государственных тайн. Хотя те преступления имели место уже давным-давно, когда его сын был всего лишь ребенком, сие клеймо следовало за Аэделасом в течение всей его военной карьеры. Только многочисленные победы в боях и особая свирепость в войне с орками позволили этому Блэкмуру пойти на повышение. Однако Артас не мог не заметить запах ликера в дыхании генерал-лейтенанта, даже в столь ранний час утра. Он подозревал, что эта

столь специфическая информация не будет новостью для Теренаса, но он в любом случае включит это в свое донесение отцу.

Артас посмотрел вниз, притворившись, что ему интересно наблюдать за кучей бодрствующих охранников, стоящих прямо словно штык. Он подумал, а были ли они столь же внимательны, когда за ними не наблюдает их будущий король.

- Я с нетерпением жду сегодняшней встречи, - сказал он. - Так я увижу Вашего Тралла в действии? Я кое-что слышал о нем.

Блэкмур усмехнулся, обнажив белые зубы и поглаживая свою аккуратно выровненную козлиную бородку.

- Вообще-то мы не планировали, что он будет сражаться сегодня, но для Вас, Ваше Высочество, я подготовлю ему пару самых достойных противников.

Через два часа их тур по лагерю закончился, и Артас согласился разделить вкусный обед с Блэкмуrom и молодым лордом по имени Каррамин Лангстон, которого сам Аэделас представил как "мой протеже". Артас инстинктивно ощутил неприязнь к Лангстону, отмечая его мягкие руки и вялое поведение. По крайней мере, Блэкмур бился за свой титул; а этот мальчишка - Артас думал о нем, как о мальчишке, хотя Лангстон был старше семнадцатилетнего Артаса - получил все на тарелочке с золотой каемочкой.

- Что ж, то же самое верно про меня, - подумал принц, но он также знал, что королям иногда приходится приносить жертвы в нужный момент. Было похоже, что Лангстон никогда себе ни в чем не отказывал. И сейчас он не собирался сдерживать себя, проглотив мясо лучшего сорта, огромное количество выпечки и вина куда больше, чем одну кружку. Блэкмур, напротив, ел скромно, хотя у него было налито куда больше алкоголя, чем у Лангстона.

Неприязнь Артаса к этой паре еще более усилилась, когда к ним подошла совсем юная девушка - их прислуга, Блэкмур позволил себе дотронуться до нее в самой грубой манере, как будто она была его собственностью. Девочка с золотыми волосами, одетая по-простому, с лицом, которое не нуждалось ни в каких уловках, чтобы быть красивым, лишь улыбнулась, как будто все было в порядке, но Артас поймал быстрый блеск несчастья в ее синих глазах.

- Это Тарета Фокстон, - представил ее Блэкмур, все еще лаская руку девочки, когда она собирала посуду. - Дочь моего слуги, Таммиса, с которым, я уверен, Вы встретитесь позже.

Артас подарил девушке благожелательную улыбку. Она немного напомнила ему Джайну - своими волосами цвета солнца и загорелой кожей. Она сразу улыбнулась в ответ, а затем скромно отвела свой взгляд, поскольку уже собрала всю кухонную утварь, быстро сделала реверанс и поспешно удалилась.

- Скоро Вам представят точно такую же, - заявил Блэкмур, посмеиваясь. Артасу потребовалась секунда, чтобы понять смысл сказанного, после чего он зажмурился от поражения. Те двое лишь засмеялись еще сильнее, и Блэкмур поднял свой кубок.

- За светловолосых дам, - сказал он мурлычащим голосом. Артас оглянулся назад, где была Тарета, подумал о Джайне, и заставил через себя поддержать тост.

Еще через час Артас уже забыл о Тарете Фокстон и своем негодовании. Его голос охрип от крика, его руки болели от аплодисментов, и он отлично проводил время.

Поначалу он чувствовал себя несколько неудобно. Первыми на ринге бились простые животные, натравленные друг против друга, борясь до смерти без всяких на то причин, кроме как для удовлетворения публики.

- Как вы присматриваете за ними до схватки? - спросил Артас. Он любил животных; его расстроило, что их так используют.

Лангстон открыл было рот, но Блэкмур остановил его быстрым жестом. Он улыбнулся, откинулся назад в своем ложе и взял гроздь винограда.

- Ну, конечно, мы хотим, чтобы они были на пике своих сил перед боем, - сказал он. - Так что за ними присматривают и ухаживают очень хорошо. Как Вы можете видеть, битвы проходят быстро. Если животное выживет, но больше не будет в состоянии продолжать сражаться, мы быстро и милостиво их добьем.

Артас надеялся, что ему не солгали. Колики в груди подсказывали ему, что все на самом деле не так, но он решил не обращать на это внимания. То

чувство исчезло, когда в битву пошли люди против зверей. Пока он был прикован к действию, Блэкмур пояснял: «Воинам хорошо за это платят. Даже можно сказать, они становятся местными знаменитостями».

И все же орка пока не было. И Артас понимал почему, и был даже не против. Ведь этого он ждал больше всего - увидеть питомца Блэкмура, орка, найденного еще младенцем и воспитанного, чтобы сражаться на этом ринге.

И он не был разочарован. Очевидно, все, вплоть до этого, было лишь подогревом для толпы. Когда ворота закрипели и открылись, и огромная зеленая фигура вышла вперед, все вскочили и закричали. И Артас был среди них.

Тралл был огромен, он выглядел даже больше других представителей его же расы, ибо был куда здоровее и живее остальных орков, которых показывали Артасу в лагерях. Брони на нем было немного, а шлема не была вовсе, так что сильные мускулы были отчетливо видны на его зеленой коже. Также можно было отметить, что он неплохо держится на арене, лучше, чем остальные гладиаторы. Приветствие оказалось оглушительным, Тралл обошел ринг, вознося к небу свои кулаки, позволяя падать на его уродливое лицо разбрасываемым лепесткам роз, которые обычно готовили для празднеств.

- Это я научил его этому, - сказал Блэкмур с гордостью. – Если подумать, это довольно странно. Толпа приветствует его, и при этом каждый надеется, что с ним будет покончено.

- Он когда-нибудь проигрывал?

- Никогда, Ваше Высочество. И этого никогда не произойдет. И все же люди продолжают надеяться, а деньги продолжают течь рекой.

Артас оглянулся на него.

- Пока королевская казна получает свой надлежащий процент от Вашего дохода, генерал-лейтенант, Вам разрешат продолжать эти игры. - Он снова посмотрел на орка, наблюдая за ним, ибо он закончил свой обход. - Он ... полностью контролируем, не так ли?

- Абсолютно, - немедленно высказал Блэкмур. - Он был воспитан людьми, его научили бояться и уважать нас.

Как будто услышав эти слова, что было не возможно - гам толпы оглушал, Тралл посмотрел туда, где сидели Артас, Блэкмур и Лангстон. Он ударил кулаком в свою грудь в знак приветствия и затем низко поклонился.

- Вы видите? Это существо абсолютно предано мне, - промурлыкал Блэкмур. Он встал и снял флаг, махнул им, и на другом конце ринга крепко сложенный рыжеволосый человек махнул другим флагом. Тралл повернулся к воротам, сжимая огромный топор, который был, на сей раз, его оружием.

Охранники начали поднимать решетку, и прежде, чем она открылась полностью, из нее вылетел медведь размером с Неукротимого. Его мех ошетинился, сам он тут же бросился на Тралла, как будто им выстрелили из пушки, его рев прорывался даже сквозь рев толпы.

Тралл продолжал спокойно стоять, отступив в последний миг и взмахнув огромным топором с такой легкостью, как будто тот ничего и не весил. Оружие нанесло страшную рану в боку медведя, животное безумно заревело от боли, кружась и разбрызгивая повсюду свою кровь. И снова орк выбрал выжидательную позицию, но как только его атаковали, он ринулся в лобовую со скоростью, которая казалась невозможной при его размере. Оказавшись рядом с мордой медведя, он выкрикнул насмешку своим гортанным голосом на прекрасном Всеобщем, за которой последовал взмах топора и хруст. Голова медведя почти отлетела от шеи, но тот продолжал бежать еще пару секунд, прежде чем замертво свалиться наземь.

Тралл отбросил голову зверя в сторону и издал победоносный клич. Толпа словно сошла с ума. Артас внимательно смотрел на триумфатора.

На орке не было ни царапины, и насколько Артас мог сказать, этот монстр даже не особо устал.

- Это лишь начало, - сказал Блэкмур, улыбаясь на реакцию Артаса. - Затем его будут атаковать сразу три человека. При этом у него есть ограничение: он не должен убивать их, только победить. Это больше стратегическое сражение, нежели грубая сила, но, признаюсь, есть что-то в том, как он обезглавливает медведя одним-единственным ударом; это всегда заставляет меня гордиться им.

Три гладиатора, все большие, сильные и мускулистые мужчины, вышли на арену и поприветствовали своего противника и толпу. От Артаса не укрылось, что Тралл расценивал их, и принц задумался, а нужно ли было

Блэкмуру обучать своего питомца так чертовски хорошо сражаться. Если Тралл когда-либо сбежит, то он может обучить этим навыкам других орков.

Это было вполне возможно, несмотря на усиленные меры безопасности. В конце концов, если Оргримму Молоту Рока удалось сбежать из Подгорода в самом центре дворца, то Траллу не составит труда удрать из Дарнхольда.

Визит Артаса продлился еще пять дней. В один из них, поздно вечером, Тарета Фокстон заглянула в заезжий дом к принцу. Это его озадачило, ибо слуги не ответили на ее стук в дверь, еще более он был поражен, увидев, что белокурая девица принесла с собой поднос, полный деликатесов. Судя по глазам, она была крайне удручена, но ее платье было настолько раскрытым, что Артас поначалу лишился дара речи.

Она поклонилась ему: Мой лорд Блэкмур послал меня с этим, чтобы Вы хорошо провели время, - передала она. Ее щеки запылали. Артас тоже был смущен.

- Я... передайте своему хозяину благодарность, хотя я не голоден. Вы случайно не знаете, что он сделал с моими слугами.

- Их пригласили на трапезу другие слуги, - объяснила Тарета. Она все еще боялась посмотреть принцу в глаза.

- Понятно. Что ж, это весьма в духе генерала-лейтенанта; я уверен, что местные мужчины ценят это.

Она не двигалась.

- Что-нибудь еще, Тарета?

Ее щеки вспыхнули еще сильнее, и она подняла свою голову. Ее глаза были спокойны, отрешены.

- Мой лорд Блэкмур послал меня, чтобы Вы хорошо провели время, - повторила она. - Чтобы Вы могли насладиться.

Понимание происходящего внезапно ошарашило его. Понимание и смущение, возбуждение и гнев. Он едва сдержался - это была не ошибка девушки, более того, она была тут жертвой.

- Тарета, - сказал он, - я приму с благодарностью пищу. Я не нуждаюсь ни в чем ином.

- Ваше Высочество, боюсь, что он настаивает на обратном.

- Передайте ему, что все прекрасно.

- Сэр, Вы не понимаете. Если я вернусь вот так, он...

Он мельком взглянул на ее руки, держащие поднос, на ее длинные спадающие волосы. Артас подошел к ней, поднял ее локоны и нахмурился, глядя на коричнево-синие заживающие следы на ее запястьях и горле.

- Ясно, - сказал он. - Тогда проходите внутрь.

Как только она зашла, он закрыл дверь и обратился к ней.

- Оставайтесь здесь столько, сколько Вы считаете нужным, а затем можете вернуться к нему. А мне тем временем понадобится помощь съесть все это.

Он жестом попросил ее сесть, сам он взял стул напротив нее, тут же схватив маленькое печенье.

Тарета закрыла глаза. Она прождала целую минуту, прежде чем понять, что он ей предложил, затем ее лицо озарилось робким облегчением и искренней благодарностью, она даже попробовала вино. Скоро она перестала открещиваться от его вопросов всего лишь несколькими вежливыми фразами, и они провели следующие несколько часов, что-то обсуждая, пока не поняли, что ей уже надо возвращаться. Забирая поднос, она сказала ему: "Ваше Высочество... Мне было приятно узнать, что у человека, который будет нашим будущим королем, столь доброе сердце. Леди, которую Вы сделаете Вашей королевой, очень повезло".

Он улыбнулся и закрыл за ней дверь, и на секунду оперся о проем.

Леди, которую бы он хотел сделать своей королевой. Он вспоминал свою беседу с Калией; к счастью для его сестры, у Теренаса зародились подозрения начет Престора - вроде бы ничего нельзя было доказать, но этого было достаточно, чтобы задуматься.

Артас уже старше, чем была Калия, когда их отец почти сосватал ее с Престором. Похоже, ему надо начать думать о поисках своей королевы, рано или поздно.

А завтра он уедет отсюда, ни на минуту здесь больше не задерживаясь.

В воздухе витал зимний морозец. Чудные осенние деньки прошли, и деревья скинули свой золотой, красный и оранжевый наряды, превратившись в голые скелеты под серым угрюмым небом. Еще через несколько месяцев Артасу должно было исполниться девятнадцать, и тогда он вступит в орден Серебряной Длани, и он был более чем готов к этому. Его обучение у Мурадина закончилось несколько месяцев назад, и теперь его учителем стал Утер. Наука оказалась несколько не та, но схожая. Мурадин преподавал внимательность и готовность выиграть сражение любой ценой. Паладины проповедовали более ритуалистический взгляд на битвы, сосредоточиваясь больше на настрое в пылу боя, чем на владении мечом. Артасу оба метода показались действенными, хотя периодически он задумывался, а будет ли у него когда-либо шанс использовать то, что он узнал, в настоящем сражении.

Обычно в это время он посещал молитвенные занятия, но его отец ушел на дипломатическую встречу в Стромгард, а Утер сопровождал его. Это означало, что теперь у Артаса появилось свободное время, несколько дней, которых он не собирался тратить впустую, даже если тому не способствовала погода. Он прижался к Неукротимому, мчащемуся по поляне, снег на земле почти не замедлял могучее животное. Принц видел свое дыхание и дыхание великолепного белого коня, когда Неукротимый качнул головой и фыркнул.

С неба вновь посыпал снег, не мягкие пушистые хлопья, которые лениво ниспадали вниз, а маленькие твердые и жалящие при падении кристаллики. Артас нахмурился и прижался к коню. Еще немного, и он повернет назад, сказал он самому себе. Он мог бы даже остановиться в усадьбе Бальнира. Его давненько там не было; Джорум и Джарим наверняка будут рады увидеть великолепного коня, в которого превратился тот неуклюжий маленький жеребенок.

Повинуясь этому импульсу, Артас легким ударом левой ноги велел Неукротимому разворачиваться. Конь послушно обернулся, четко исполняя желания своего господина. Пошел снегопад, крошечные иглы кололи его в открытые участки тела, и Артас завернулся в плащ, чтобы хоть как то защититься. Неукротимый встряхивал свою голову, его тело подергивалось, также, как когда летом его раздражали насекомые. Он скакал галопом вниз по дороге, вытянув вперед свою шею, наслаждаясь каждым мгновением скачки, как и Артас.

Они приближались к месту для скачка, вскоре после которого коня ждала теплая конюшня, а его наездника - горячий чай, прежде чем они вернутся во дворец. Лицо Артаса начало цепенеть от холода, его руки в изящных

кожаных перчатках чувствовали себя ненамного лучше. Он натянул своими мерзлыми руками узды, приказывая своим пальцам согнуться, и подготовился к прыжку Неукротимого - нет, к полету, так он обычно себе это представлял, за одним лишь исключением...

... Все же они не могли летать. В последнее мгновение Артас к своему ужасу почувствовал, как передние копыта Неукротимого заскользили на ледяном камне, конь в воздухе закрутился, заржал, его ноги отчаянно пытались найти точку опоры в разреженном воздухе. Горло Артаса внезапно пересохло, и он понял, что кричит, поскольку остроконечный камень, а не гладкая покрытая снегом трава, мчался к ним со смертоносной скоростью. Он что есть силы тянул узды, как будто это могло что-то изменить, что-то исправить...

Шум прервал его оцепенение, он сразу пришел в сознание, услышав леденящий душу вопль мучающегося животного. Поначалу он не мог даже шевельнуться, хотя его тело охватила судорога из-за попыток идти навстречу ужасным крикам. Наконец, ему удалось сесть. Болевой спазм прошелся по его телу, к этому прибавилась боль от удушья. Он понял, что сломал, по крайней мере, одно ребро, а может и больше.

К этому времени уже разыгралась сильная метель. Он мог видеть лишь на два метра вперед, не больше. Он попытался забыть о боли, вытянул шею, пытаясь найти...

Неукротимого. Его взгляд привлекло внимание слабое движение и растущее темно-красное пятно, расплавляющее снег.

- Нет, - прошептал Артас, и вскочил на ноги. Все вокруг потемнело, и он снова чуть не потерял сознание, но удержался. Медленно он стал пробираться к испуганному животному, сражаясь с болью и встречными ветром и снегом, угрожавшими сбить его с ног.

Неукротимый бился на окровавленном снегу, две его передние ноги были переломаны. Артас почувствовал, как его выворачивает при виде конечностей, когда-то длинных, прямых, опрятных и сильных, теперь же неестественно скочеряженных, пока Неукротимый безуспешно пытался подняться. Вскоре это зрелище было милостиво смазано снегом и потоком горячих слез, лившимся по щекам принца.

Он бил своего коня, рыдал, склонялся над коленями остервеневшего животного, но что он мог сделать? Это ведь было не царапиной, которую

можно было просто перевязать, чтобы Неукротимый оказался в тёплом стойле с горячей похлебкой. Артас пытался дотронуться до головы коня, чтобы хоть как-то успокоить его, но Неукротимый словно обезумел от агонии. И он продолжал кричать.

Помощь. Жрецы или сэр Утер, может, и могли бы излечить его...

Боль в сердце оказалась еще сильнее, чем боль в теле. Епископ ушел вместе с его отцом в Стромгард, ровно как и Утер. В другой деревне мог находиться другой священник, но Артас не знал, где именно, а при такой буре...

Он отошел от животного, закрыв глаза и уши, плача навзрыд так, что все его тело тряслось. Из-за бури ему ни за что не удастся найти целителя прежде, чем Неукротимый умрет от ран или замерзнет до смерти. Артас даже не был уверен, удастся ли ему обнаружить усадьбу Бальнира, хотя она и находилась совсем рядом. Мир вокруг стал белым, за исключением лишь того места, где умирал конь. Конь, который доверял своему хозяину настолько, чтобы прыгнуть на ледяной дороге, и теперь барахтался в красной дымящейся луже.

Артас знал, что он должен был сделать, но так он поступить не мог.

Он не почувствовал, как долго он просидел там, плача, пытаясь не слышать и не видеть своего коня, пока, наконец, битва Неукротимого сошла на нет. Он лежал на снегу, тяжело дыша, его глаза бегло страдальчески вращались.

Артас уже не чувствовал своего тела, но все же он как-то подошел к животному. Каждый вдох был мукой, но он пересиливал эту боль. Это была его ошибка. Его ошибка. Он положил большую голову скакуна себе на колени, и на краткий счастливый миг ему показалось, что он не сидит на снегу с раненым животным, а находится в конюшне, когда кобыла рожала Неукротимого. Тогда все только начиналось, и ничто не предвещало столь кошмарный конец, которого можно было бы избежать.

Его слезы упали на широкую щеку коня. Неукротимый вздрогнул, его карие глаза раскрылись, и сейчас в них была лишь тихая боль. Артас снял свои перчатки и погладил рукой вдоль его багрово-серой морды, почувствовав теплоту дыхания жеребца. Затем, медленно, он снял голову коня со своих коленей, встал на ноги, и потянулся согревшейся рукой за

своим мечом. Его обувь впитывала красную лужу посреди расплавленного снега, когда он приблизился к павшему животному.

- Мне жаль, - сказал он. - Мне очень жаль.

Неукротимый вел себя спокойно, доверчиво, как будто он понял и что должно пройти в следующую секунду, и что это необходимо. Этого Артас не мог вынести, слезы вновь полились, снова закрыв ему кругозор. Он с трудом вытер их.

Артас поднял меч и нанес колющий удар вниз.

По крайней мере, он сделал все правильно; прямым в горячее сердце Неукротимого одним сильным ударом холодного оружия. Он чувствовал, как меч проникал в кожу, плоть, резал кости и пронзил даже землю. Неукротимый изогнулся один раз, а затем замер и продолжал лежать неподвижно.

Джорум и Джарим нашли его там спустя некоторое время, после того, как снегопад пошел на убыль. Он согнулся над остывшим трупом некогда великолепного коня, полного жизни и энергии. Когда старик наклонился, чтобы подобрать его, Артас вскрикнул от боли.

- Мне жаль, парень, - молвил Джорум невыносимо добрым голосом. - И за то, что причинил тебе боль, и за несчастный случай.

- Да, - слабо ответил Артас, - несчастный случай. Он потерял опору...

- Неудивительно, при такой-то погоде. Эта буря началась слишком быстро. Вам повезло, что остались живы. Пойдемте к нам в дом, мы пошлем кого-нибудь во дворец.

Подчинившись сильной хватке фермера, Артас спросил: «Вы похороните его... здесь? Чтобы я мог его навещать?»

Бальнир обменялся взглядом со своим сыном, затем кивнул.

- Да, конечно. Он был благородным конем.

Артас вытянул шею, чтобы в последний раз посмотреть на тело коня, которого он назвал Неукротимым. Он оставил им всем верить, что это был лишь несчастный случай, просто потому, что он не мог перенести правды, что все произошло из-за него.

И он дал клятву, что если кто-нибудь еще когда-либо потребуется в защите - что если нужно будет принести жертву ради благополучия других - то он сделает это.

Чего бы это ни стоило, - подумал он.

ГЛАВА 5

Лето было в самом разгаре, и беспощадное солнце пекло Его Высочество Принца Артаса Менетила, пока он ехал по улицам Штормграда. Он был в плохом настроении, несмотря на то, что это был тот самый день, которого, как он полагал, принц с нетерпением ждал всю свою жизнь. Солнце нагрело броню, что была на нем, и Артас думал, что зажарится до смерти прежде, чем достигнет собора. Сидя на своем новом скакуне, который лишний раз напоминал, что эта сильная, хорошо обученная и воспитанная лошадь не была Неукротимым, погибшим несколько месяцев назад и по которому он горько тосковал. Внезапно он заметил, что в его голове не было ни единой мысли относительно того, что он будет делать, как только начнется церемония.

Отец ехал рядом, и, казалось, не замечал раздражения сына.

- Это долгожданный день, сын мой, - сказал Теренас, поворачиваясь, чтобы улыбнуться Артасу.

Несмотря на жару и вес шлема, Артас был ему рад; он скрывал лицо, а сам он совсем не был уверен, что смог бы сейчас убедительно улыбнуться.

- Действительно, Отец, - спокойным голосом ответил он.

Это было одно из самых больших празднований, которые когда-либо видел Штормград. Кроме Теренаса, многие из других королей, знати и знаменитостей присутствовали на нем, проезжая как парад через белые мосты города к большому Собору Света, разрушенному во время Первой войны, но теперь восстановленному в еще большем великолепии чем раньше.

Друг детства Артаса - Вариан, король Штормграда, теперь был женат и стал отцом. Он открыл дворец всем приехавшим властителям и их свитам. Сидеть с Варианом вчера вечером, выпивать мед и разговаривать, вот что пока что было самым замечательным для Артаса за время его путешествия. Болезненный, травматичный юноша за десять лет превратился в уверенного, красивого, сосредоточенного короля. Где-то раним утром, после полуночи и на рассвете, они пошли в склад оружия, достали деревянные учебные мечи, и долгое время дрались друг против друга, смеясь, вспоминая прошлое, хоть и их мастерство слегка ухудшилось после выпитого ими алкоголя. Вариан,

которого обучали с раннего детства, всегда был хорош, и теперь он был лучшим. Но Артас был таков, что выкладывался так хорошо, как только мог.

Но теперь это была простая формальность, невероятно горячая броня, и внутренний голос, ворчащий, что он не заслужил той чести, что намеревались ему оказать.

В редкие моменты, Артас делился своими чувствами с Утером. Грозный паладин, который был олицетворением Света для Артаса, с тех самых пор как он его помнил, ошеломил его своим ответом.

- Парень, никто не чувствует себя готовым. Никто не чувствует, что он заслуживает этого. И знаешь почему? Потому что никто не заслуживает. Его сияние, чистоту и простоту. Мы никогда не достойны, просто потому, что мы человечны, и все люди, да и эльфы, и дворфы, и все другие расы - развращены. Но, так или иначе, Свет любит нас. Эта любовь дает нам то, что изредка может возвысить нас. Он любит нас за то, что мы можем сделать, чтобы помочь другим. И он любит нас, потому что мы можем помочь ему разделить его послание, каждый день стремясь быть достойными, даже понимая, что мы никогда не сможем стать таковыми.

Он хлопнул по плечу Артаса, дав ему свою редкую простую улыбку. - Так стой там сегодня, как стоял я, чувствуя, что ты, возможно, не сможешь заслужить его или никогда не станешь достойным, и знай, что ты находишься на том самом месте, где когда-то стоял каждый паладин.

Это немного успокоило Артаса.

Он распрямил свои плечи, убрал забрало, и, улыбнувшись, помахал толпе, которая весело приветствовала его. На него бросали лепестки роз, и откуда-то проревела труба. Они достигли собора. Артас спешил, и конюх увел его скакуна. Другой слуга взял шлем, который только что снял принц. Его светлые волосы были влажными от пота, и он быстро стянул с себя латные рукавицы.

Артас никогда не был прежде в Штормграде, и он был впечатлен смесью мощи и благоговения, излучаемого собором. Медленно он двинулся по покрытой коврами резной лестнице, радуясь прохладе в здании. Аромат ладана успокаивал и был знаком; такой же его семья жгла в маленькой часовне.

Теперь здесь не было толпы, только тихие, почтительные ряды видных персон и духовенства. Артас узнал некоторых: Генн Седогрив, Торас Троллебой, Адмирал Даэлин Праудмур...

Артас моргнул, затем его губы изогнулись в улыбке. Джайна! Она, конечно, выросла за эти годы, с тех пор как он видел ее последний раз. Она не была ошеломительно красива, но она была довольно умна и жизнерадостна, он тянулся к ней как мальчик, привлекаемый маяком. Она поймала взгляд Артаса и слегка улыбнулась, склонив голову в знак почтения.

Артас переключил свое внимание на алтарь, к которому он приблизился, но почувствовал, что трепет оставил его сердце. Он надеялся, что у него будет шанс поговорить с нею после завершения всех формальностей.

Архиепископ Алонсус Фаол ждал его у алтаря. Архиепископ больше напоминал Артасу Дедушку Зиму, чем любого из правителей, которых он встретил. Низенький и крепкий, с длинной гладкой белоснежной бородой и яркими глазами, даже посреди торжественной церемонии Фаол излучал теплоту и доброту. Фаол ждал, пока Артас не приблизится к нему и с уважением не станет перед ним на колени, прежде чем открыть большую книгу и заговорить.

- В Свете, мы собираемся, чтобы наделить нашего брата полномочиями. Милостью его он будет возрожден. Властью его он будет обучать народ свой. Силой его он должен сражаться с тьмой. И мудростью его он должен привести своих братьев к вечным наградам рая.

С левой стороны от себя, несколько мужчин - и несколько женщин, отметил Артас - одетых в пышные белые одежды, стояли тихо и неподвижно. Несколько блюстителей нравов почти гипнотически шатались. Другие переносили большие свечи. Один носил вышитую синим цветом меховую накидку. Артас был представлен многим из них до этого, но сейчас их имена вылетели у него из головы. Это было необычно для него - он искренне интересовался теми, кто работал на него и служил под его правлением, и старался узнать все их имена.

Архиепископ Фаол попросил, чтобы священники даровали свои благословения Артасу. Они благословили, тот, кто носил синюю накидку, вышел, чтобы накинуть ее на шею принцу и помазать его лоб миром.

- Милостью Света, да будут Ваши братья исцелены, - сказал церковник.

Фаол повернулся к мужчинам справа от Артаса.

- Рыцари Серебряной Длани, если Вы считаете этого человека достойным, дайте ему ваше благословение.

В отличие от первой группы, эти мужчины, стоящие по стойке "смирно" в тяжелой, мерцающей броне, все были известны Артасу. Они были первыми паладинами Серебряной Длани, и это был первый раз, когда они собрались вместе, начиная с их выпуска много лет назад. Конечно, Утер; Тирион Фордринг, старый, но все еще сильный и красивый, теперь губернатор Дольного Очага; двухметровый Саидан Датрохан, и набожный, Гавинрад с густой бородкой. Один из них отсутствовал - Туралион, правая рука Андуина Лотара во Второй войне, который пропал с отрядом, прошедшим через Темный Портал, когда Артасу был двенадцать.

Выступил Гавинрад, держа огромный, тяжеловесный молот с серебряным набалдашником, гравированным рунами, и крепкой рукояткой, обернутой в синюю кожу. Он положил молот перед Артасом, затем отступил, встав с его братьями. Затем выступил сам Утер Светоносный, наставник Артаса в ордене. В его руках он нес пару церемониальных плечевых пластин. Утер был самым сдержанным человеком, которого знал Артас, и все же глаза его сверкали от непролитых слез, когда он одел броню на широкие плечи Артаса. Он говорил голосом, сильным и дрожащим от эмоций.

- Силой Света, да падут Ваши враги. - Его рука на секунду задержалась на плече Артаса, затем он также отошел.

Архиепископ Фаол любезно улыбнулся принцу. Артас спокойно встретил пристальный взгляд, больше не волнуясь. Теперь он знал, что делать.

- Встаньте и поклянитесь, - предложил ему Фаол. Артас встал.

- Артас Менетил, клянетесь ли Вы поддерживать честь и кодексы Ордена Серебряной Длани?

Артас моргнул, удивленный отсутствием титула. Конечно, - рассуждал он, - меня вводят в звание как простого человека, а не принца.

- Клянусь.

- Клянетесь ли вы идти в Свете и распространять его мудрость Вашим товарищам?

- Клянусь.

- Клянетесь ли вы изгонять зло везде, где бы оно не было найдено, и защищать невинных, даже ценой вашей жизни?

- Кл... кровью и честью, клянусь, - почти, он почти оплошал.

Фаол быстро подмигнул, давая передышку, затем обратился к священникам и к паладинам. - Братья и сестры – вы все, кто собрался здесь, чтобы встретить собрата - поднимите свои руки и позвольте Свету наполнить этого человека.

Церковники и паладины подняли правые руки, которые теперь были залиты мягким золотым сиянием. Они указали на Артаса, направляя сияние к нему. Глаза Артаса были широки от удивления, и он ждал великолепного сияния, который окутает его.

Ничто не случилось.

Мгновение застыло.

На лбу Артаса выступил пот. Что пошло не так? Почему Свет не обернулся вокруг него в благословении и даровании?

И затем солнечный свет, текущий через окна в потолке, медленно начал течь к одиноко стоящему принцу в яркой броне, и Артас выдохнул с облегчением. Должно быть, об этом и говорил Утер. Чувствуя себя недостойным, как заверил его Утер, все паладины, казалось, просто наслаждались моментом. Он вспомнил слова, которые произнес Утер: Никто не чувствует, что он заслуживает этого... его сияние, чистоту и простоту... но, так или иначе, Свет любит нас.

Теперь свет сиял на него, внутри него, сквозь него, и ему пришлось зажмуриться от почти что ослепляющего свечения. Сначала он грел, затем стал обжигать так, что он слегка вздрогнул. Он чувствовал - он очищается. Освобожденный от всего, прозрачный как кристалл, он затем наполнился вновь, и почувствовал, как Свет рос внутри него, а потом спадал на прежний уровень. Он моргнул и потянулся за молотом, символом ордена. Когда его рука сжала рукоять, он взглянул на милостиво улыбающегося Архиепископа Фаола.

- Встань, Артас Менетил, паладин и защитник Лордерона. Добро пожаловать в Орден Серебряной Длани.

Артас не мог сдерживать себя. Он усмехнулся, когда схватил огромный молот, настолько большой, что на мгновение он подумал, что не совладает с ним, и с возгласом поднял его над собой. Свет, как ему показалось, словно заставлял молот в его руках весить меньше. Вслед за его ликованием собор внезапно разразился ответными криками и аплодисментами. Артас оказался окружен новыми братьями и сестрами, и когда все прочие формальности были соблюдены, его отец, Вариан и другие собрались у алтаря. Вокруг пронесся смех, ибо Вариан попытался похлопать его по плечу, но отбил себе руку, ударив о твердый сплав металла латных наплечников. Наконец, Артас обернулся и посмотрел на голубоглазую, улыбающуюся Леди Джайну Праудмур.

Между ними было всего лишь пара сантиметров, поскольку их толкала и припирала толпа, неизбежно возникшая вокруг нового члена Ордена Серебряной Длани, и Артас не мог позволить себе упустить столь уникальную возможность. Его левая рука проскользнула по ее аккуратной талии, и он потянул ее к себе. Она выглядела пораженной, но не высказала недовольства, когда он обнял ее. Она обняла его в ответ, на мгновение рассмеявшись на его груди, затем отступила, все еще улыбаясь.

На мгновение счастливые возгласы празднующей толпы этим жарким летним днем как будто исчезли, и Артас мог видеть лишь эту загорелую улыбающуюся девушку. Смел ли он поцеловать ее? Должен ли он был поцеловать ее? Он, конечно, хотел этого. Но пока он раздумывал, она вышла из толпы и отстранилась, и светловолосую девицу сменила другая. Радостная Калия сильно обняла своего брата.

- Мы все так гордимся тобой, Артас, - воскликнула она. Он усмехнулся, радуясь одобрению своей сестры и коря себя, что не вышел вперед и не поцеловал дочь адмирала. - Уверена, ты станешь замечательным паладином.

- Неплохо справился, сын мой, - сказал Теренас. - Сегодня отец гордится тобой.

Глаза Артаса сузились. Сегодня? Что бы это означало? Разве его отец не гордился им раньше? Внезапно он рассердился, и при этом не был уверен, почему и на кого. Свет, задержавший свое одобрение; Джайна, отступившая от него в момент, когда он мог поцеловать ее; Теренас с его комментарием.

Он выдавил на своем лице улыбку и начал пробираться сквозь толпу людей. С него было достаточно, здесь в действительности знали его лишь немногие, и ни один его не понимал.

Артасу было девятнадцать. В этом возрасте Вариан уже год как был королем. В эти годы он мог поступать, как ему хочется, и теперь у него было наставляющее благословение Серебряной Длани. Он не хотел просто сидеть во дворце Лордерона, или присутствовать на скучных государственных встречах. Он хотел сделать что-то... веселое. Что-то, где емугодились бы его власть, его положение, его способности.

И он точно знал, чего он хочет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:СВЕТЛАЯ ГОСПОЖА

ИНТЕРЛЮДИЯ

Джайна Праудмур не любила такие дни, как этот – грустные, дождливые и очень холодные. Морские бризы всегда создавали в Тераморе прохладу, даже в жаркие летние месяцы холодные ветра и проливные дожди заставляли жителей продрогнуть до костей. Море грозно бурлило, и над ним угрожающе нависало серое небо. И не было надежды, что что-то изменится. Тренировочные площадки снаружи покрылись слякотью, путешественники попрятались в трактире, а доктор ван Склифф, в чьи обязанности входило наблюдение за ранеными, лечил болезни, вспыхнувшие от холода и влажности. Стражники Джайны верно стояли под ливнем. Им, несомненно, было плохо. Джайна приказала, чтобы один из ее слуг взял котелок чая, который она сделала для себя и своего канцлера, и отнес вниз, стражникам, что мужественно исполняли свой долг. Она могла себе сварить еще один.

Прогремел гром, и вспыхнула молния. Джайна, в своей уютной башне, в окружении книг и свитков, в которых она души не чаяла, вздрогнула и покрепче укуталась в плащ, а затем обернулась к той, что чувствовала себя еще менее уютно, чем она сама.

Магна Эгвин, бывший СтражТирисфаля, мать великого Волхва Медива, когда-то самая могущественная женщина в мире, сидела на стуле, пододвинутому к огню, и спокойно пила чай. Ее руки замкнулись вокруг чашки, ища в ней тепло. Ее волосы, белые, как только выпавший снег, свободно падали на плечи. Она поймала взгляд Джайны и встала, чтобы присесть на стул напротив нее. Ее зеленые и глубокие изумрудного цвета глаза не упускали ничего.

– Ты думаешь о нем.

Джайна нахмурилась и взглянула на танцующие языки пламени, чтобы отвлечься.

– Я не знала, что Стражи умеют читать мысли.

– Мысли? Пфф... На твоём лице все видно, как на учебнике для первоклашек, дитя мое. Вон та морщина над твоими бровями появляется, когда ты вспоминаешь его. К тому же, ты всегда в таком настроении в эту жуткую погоду.

Джайна вздрогнула.

– Меня и вправду так легко раскусить?

Острые черты Эгвин смягчились, и она ласково погладила руку Джайны.

– Благо, у меня за спиной тысяча лет наблюдений. Я разбираюсь в людях немного больше, чем другие.

Джайна вздохнула.

– Это верно. Когда холодает, мои мысли всегда – о нём. И о том, как такое могло произойти. О том, могла ли я что-то исправить.

Эгвин вздохнула.

– Я прожила тысячу лет – и не знаю, влюблялась ли когда-нибудь. От этого слишком много ненужного волнения. Но, если это тебя успокоит – я тоже думала о нём.

Джайна моргнула, удивленная и сбитая с толку этой фразой.

– Ты думала об Артасе?

– О Короле-Личе, – строго поправила Страж – Он больше не Артас.

– Не стоит напоминать мне об этом, – сказала Джайна как-то слишком резко – Зачем ты...?

– А ты чувствуешь это?

Джайна медленно кивнула. Она списала это на влияние погоды и напряженности, которая появлялась от мрачности и слякоти. Но Эгвин знала, что за этим кроется что-то большее, и Джайна Праудмур, тридцатилетняя правительница Терамора, могла бы согласиться со старухой. Старухой. Улыбка блеснула на ее губах при мысли об этом слове. Она и сама хорошо прожила свою молодость, молодость, где Артас Менетил играл не последнюю роль.

– Расскажи мне о нем, – попросила Эгвин, откинувшись на стуле. Один из слуг вошел в комнату с новым горшочком чая и печенья с пылу и жару. Джайна с благодарностью взяла чашку.

– Я рассказала все, что знаю, честно.

– Нет, – возразила Эгвин, – Ты рассказала мне о случившихся событиях. А теперь я хочу, чтобы ты рассказала о нем. Артасе Менетиле. Ведь что бы там сейчас не творилось – а что-то сейчас-таки да творится – в Нордсколе, это будет рассказ об Артасе, не Короле-Личе. Во всяком случае, отчасти. И, к тому же... - старуха усмехнулась, и морщины на ее лице стали не заметны за девичьей озорной вспышкой в глазах, – Это – холодный и дождливый день. Подобные рассказы созданы для таких дней.

ГЛАВА 6

Джайна Праудмур тихонько мурлыкала мелодию, гуляя по даларанскому саду. За восемь лет, проведенных в этом городе, он не переставал ее удивлять. Все тут источало магию, и она казалась ей духами, ароматом распустившихся бутонов, и она вдыхала его с улыбкой.

Хотя это и вправду был лишь аромат цветущего сада, но этот сад был самым волшебным в мире. Нигде и никогда Джайна не видела цветов красивее, и не ела таких вкусных фруктов.

А сколько новых знаний! За последние восемь лет она узнала больше, чем за всю прежнюю жизнь – а точнее даже за последние два года, ведь лишь недавно Антонидас сделал ее своей ученицей. И мало что ей было милее, чем сидеть здесь, в саду, под закатным солнцем, с кубком сладкого нектара и кучей книг под рукою. Конечно, немногие свитки выдерживали лучи солнца и пролитый нектар, и вторым любимым делом для нее было сидеть в темной библиотеке с перчатками на руках – чтобы руки не повредили тонкому пергаменту – и постигать знания столь давних времен, что трудно и представить.

Но сейчас ей хотелось просто гулять по саду, чувствовать траву под ногами, ощущать невероятное сплетение запахов, и, когда голод напомнит о себе, сорвать спелое золотистое яблоко, и с радостной улыбкой отгрызть кусочек.

– В Кель’Таласе, – молвил сильный и мягкий голос, – Есть деревья, подобные высокой башне в белой коре и золотых листьях, что почти поют в вечернем ветерке. Думаю, ты когда-нибудь увидишь и полюбишь их.

Джайна обернулась, чтобы одарить принца Кель’Таса Солнечного Скитальца, сына Анастериана, короля кель’дореев, улыбкой и сделала реверанс.

– Ваше высочество, – сказала она, – Я не знала, что вы вернулись. Замечательно. И да, я уверена, что полюблю их.

Джайна была дочерью если не королевского рода, то точно правящего и знатного. Ее отец, адмирал Праудмур, правил городом-государством

Кул'Тирас, и Джайне пришлось приучиться к благородным манерам. Но принц Кель'Тас весьма ее смущал. Она не знала почему. Он был прекрасен, само собой, и как все эльфы обладал красотой и изяществом. Высокий, с волосами цвета чистого золота, что падали ему на плечи и спину, он всегда казался ей героем сказок, а не кем-то живым и настоящим. Даже теперь, когда он был в фиолетовой в золоте робе мага Даларана, а не пышном наряде, который одевал на церемонии, он не утратил свою чопорность. Возможно, это было... было чем-то вроде старомодной формальности. Еще бы, он был намного старше ее, хоть и выглядел ее ровесником. Он был на редкость умен, чрезвычайно талантливым и сильным магом, и среди студентов Даларана ходили слухи, что он – один из Шести, секретного собрания правителей Даларана. Так что она лишь надеялась, что она не такая уж деревенщина, чтобы чуждаться его.

Он дотянулся, сам сорвал яблоко и откусил его.

– Есть какое-то дивное простодушие в пище, рожденной на землях людей, познать которые я приехал, – он скрытно улыбнулся, – Иногда эльфийская пища, восхитительная на вкус и прекрасная на вид, оставляет голодным к чему-то более существенному.

Джайна улыбнулась. Принц Кель'тас всегда пытался позволить ей почувствовать себя непринужденно. Жаль только получалось у него не очень.

– Мало что может быть вкуснее яблока и ломтика острого сыра Даларана, – согласилась она. Затем воцарилась тишина, неуклюжая, несмотря на непринужденность обстановки и теплые лучики солнца, – Так вы недавно вернулись?

– Да. Я закончил все свои дела в Луносвете. Так что в ближайшее время мне не придется туда возвращаться.

Он посмотрел на нее, откусив еще кусочек яблока, и его лицо, как и полагалось по статусу, оставалось безразличным. Но Джайна знала, что он ждал ее ответа.

– Мы всегда рады вашему возвращению, Ваше Высочество.

Он погрозил ей пальцем.

– Ох, я же просил называть меня просто Кель.

– Извини, Кель.

Он взглянул на нее, и тень печали упала на его прекрасное лицо, но так быстро исчезла, что Джайна задалась вопросом – а не показалось ли это ей?

– Как проходят твои занятия?

– Прекрасно, – сказала она, радуясь, что беседа теперь ушла по пути схоластики – Взгляни!

Она указала жестом на белку, что важно сидела на высокой ветви и грызла яблоко, и пробормотала заклинание. На месте белки оказалась овца. Животное недоуменно посмотрело вниз, когда ветка сломалась под ее весом, и полетело вниз. Джайна тут же протянула руки, и овце-белка замерла прямо в воздухе, а затем мягко спустилась на землю. Овца жалобно заблеяла, вертя ушами, и спустя мгновение вновь превратилась в ошарашенную белку. Она стала на задние лапки, сердито что-то проворчала, и, подняв вверх пушистый хвост, снова запрыгнула на дерево.

Кель’тас засмеялся.

– Хорошо сделано! Надеюсь, ты ведь больше не сжигаешь книги?

Лицо Джайны залилось краской. Она хорошо помнила тот случай. Когда она только приехала в город, ее навыки с огнем нуждались в усиленных тренировках. Во время занятий с Кель’тасом она случайно сожгла старый фолиант – фактически, единственный в своем роде. В ответ Кель’тас настоял, чтобы несколько последующих месяцев она оттачивала все огненные заклинания возле прудов у тюремной зоны

– Эм... нет, это больше не повторялось.

– Рад слышать. Джайна... – он шагнул вперед, отложив в сторону до половины съеденное яблоко, и мягко улыбнулся, – Я не бросал слова на ветер, когда пригласил тебя навестить Кель’Талас. Даларан – изумительный город, и тут собрались одни из лучших магов Азерота. Я знаю, ты все время в учебе. Но я думаю, тебе любопытно было бы побывать в стране, где магия – часть культуры. Не только удел города или забава богачей, но законное право каждого жителя. Нас всех единит Солнечный Колодец. Наверное, тебе интересно было бы взглянуть на него?

– Я думаю – да, – она улыбнулась ему, – И когда-нибудь я там обязательно побываю. Но сейчас мою учебу лучше всего продолжить там, где люди готовы к тому, что я начну поджигать фолианты.

Он улыбнулся в ответ, но взгляд его был грустен.

– Быть может, ты и права. А теперь, если позволите, – он криво усмехнулся, – Верховный маг Антонидаас захочет услышать отчет о моем пребывании в Луносвете. Но помни, что этот принц и этот маг всегда готов посмотреть на результаты твоей учебы... и провести с тобой немного времени.

Кель'тас положил руку на сердце и склонился. Джайна знала, как полагается ответить, и сделала реверанс, а затем посмотрела вслед принцу, идущему сквозь сад, источая уверенность и изящество. Казалось, даже грязь не цеплялась к его ботинкам и краю плаща.

Джайна в последний раз откусила кусочек яблока и отложила его сторону. Белка, которая только что была овцой, спрыгнула вниз со ствола, чтобы забрать огрызок – трофей более достижимый, чем все еще висевшее на ветке дерева яблоко.

И тогда пара рук закрыла ей глаза.

Она вздрогнула, но лишь от легкого удивления – ведь никакая угроза не может проникнуть сквозь сильную защиту города.

– Угадай, кто? – шепнул ей мужской голос, едва сдерживая радость в голосе. Джайна улыбнулась.

– Хм... У тебя грубые руки – так что ты не волшебник, – сказала он, – Ты пахнешь лошадьми и кожей...

Она провела рукой вдоль сильных пальцев, что закрывали ее взор. Она нащупала грубое кольцо, на котором на ощупь узнала печать Лордерона.

– Артас! – воскликнула она с восхищением и удивлением и резко оглянулась. Он сразу раскрыл ей глаза и улыбнулся. На вид он был не так прекрасен, как эльфийский принц. Его белокурые, как и у Кель'таса, волосы, были просто желтыми вместо цвета золотой пряжи. Он был высок и хорошо сложен, скорее груб и непосредственен чем приторно-изящен к ней. И хоть он и имел один ранг с Кель'тасом – хотя Джайна сомневалась в том, что Кель мог бы это признать, ведь любой эльф считает себя выше людей любого

ранга и титула – но он вел себя непринужденно, и Джайна немедленно ответила тем же.

Вспомнив об этикете, она склонилась в реверансе.

– Ваше Высочество, это для нас приятная неожиданность. Позвольте спросить, что привело Вас сюда? – ее отрезвила внезапная мысль, - В Столице ведь все в порядке, правда?

– Просто Артас, будь так любезна. В Даларане правят маги, и это простые люди должны склоняться, – его глаза цвета морской волны мерцали в хорошем настроении, – И мы ведь – товарищи во вредности, после нашего приключения в лагерях орков, не так ли?

Она расслабилась и улыбнулась.

– Думаю, так и есть.

– Отвечая на Ваш вопрос – все прекрасно. Да так прекрасно, что мой отец даже согласился отправить меня сюда на учебу, на пару месяцев.

– Учебу? Но ведь ты – член ордена Серебряной Длани! Или ты вдруг захотел стать магом?

Он засмеялся и взял ее за руку, направившись в сторону квартир учеников. Она легкой походкой пошла за ним.

– Вряд ли. Боюсь, такая преданность науке – не для меня. Но, мне кажется, что здесь, в Даларане, лучше всего можно изучить историю, природу магии и много всяких разностей, которые должен знать король. Мой отец и ваш верховный маг с этим полностью согласны.

Говоря это, он манерно выставил руку, чтобы Джайна могла об нее опереться своими руками. Это был учтивый дружеский жест, но Джайна почувствовала, что от этого прошла небольшая искра. Она взглянула ему в лицо.

– Ты меня удивляешь. Мальчик, что когда-то вытащил меня ночью из лагеря, чтобы шпионить за орками, не сильно интересовался историей и знаниями.

Артас хмыкнул и заговорщически взглянул на нее сверху вниз.

– Честно? А так оно до сих пор и есть. То есть, возможно, и не совсем так, но это – не единственная причина, ради которой я здесь.

– Отлично. Теперь я ничего не понимаю. Зачем тогда ты приехал в Даларан? – они подошли к ее дому, и она, остановившись, выпустила его руку и повернулась к нему.

Он не ответил, а просто пристально взглянул на нее и улыбнулся. Затем он взял ее руку и поцеловал – изысканный жест, который она испытала множество раз от многих знатных господ. Его губы задержались на мгновение дольше, чем полагалось, и он не выпустил ее руку.

Ее глаза расширились в удивлении. Он хочет сказать... Он умудрился приехать в Даларан – а это было почти подвигом, ведь Антонидаас был известен своей подозрительностью к ученикам из других стран – просто чтобы... повидаться с нею? Прежде чем она смогла прийти в себя, чтобы задать этот вопрос, он подмигнул ей и поклонился.

– Встретимся сегодня вечером за ужином, миледи.

Ужин был абсолютно формальным. Возвращение принца Кель'таса и прибытие принца Артаса в город в один день заставили Кирин Тор немного встрепунуться. Был накрыт большой стол в обеденной комнате, которую использовали только в самых торжественных случаях.

Стол, на котором легко бы уместились две дюжины гостей, простирался от одного конца комнаты к другому. Наверху сияли три люстры с яркими свечами, свечи были и на столе. На подпорках вдоль стен горели факелы, а вокруг стен парили маленькие сферы, которые в любой момент могли бы усилить освещение. Слуги редко появлялись на вид, разве чтобы вынести пустые блюда. Вино само разливалось с бутылки по бокалам щелчком пальцев. Флейта, арфа и лютня играли спокойную мелодию без участия людских рук, лишь с помощью волшебства или дыхания ветра.

Верховный маг Антонидаас сидел во главе стола. Это был сам по себе высокий человек, но он казался еще выше из-за тонкого сложения. Его длинная борода, что была когда-то приятного коричневого цвета, совсем покрылась сединой, а на голове сияла плешь, но глаза были мудрыми и проникновенными. Был и верховный маг Крас, при параде и начеку. Его волосы, отражая свет огоньков свеч, мерцали серебром – с красными и черными полосами. Были и другие, и все – высших чинов. Среди них Джайна имела самое низшее звание – она была лишь ученицей верховного мага.

Джайна была из рода военных, и с детства отец внушил ей, что всегда нужно четко осознавать свои силы и слабости. «Ведь это так просто – недооценить себя, или оценить слишком высоко» - говорил ей Даэлин – «Обманчивая скромность – это так же плохо, как и обманчивая гордость. Всегда знай, чего ты стоишь, и действуй соответственно. Иначе делать глупо – а во время битвы и смертельно опасно».

Она знала, что ей хорошо удавалась магия. Она была умна и целенаправленна, и за короткое время учебы ей уже многое удалось. Конечно, Антонидас не взял бы ее к себе в ученицы лишь от доброты душевной. Без лишней гордости, как и учил отец, она твердо знала, что имеет все шансы стать могущественным магом. Она хотела добиться этого самостоятельно, а не потому, что ее обществом наслаждался эльфийский принц. И, чтобы ее лицо не выдавало раздражение, она набила рот черепашным супом.

Поскольку возле Даларана находился один из лагерей для интернированных, не удивительно, что беседа зашла об орках – хотя в городе магов считалось, что они выше таких вещей.

Кель взял длинной изящной рукой кусок хлеба и стал намазывать на него масло.

– В летаргии они или нет, – сказал он, – Они все еще опасны.

– Мой отец, король Теренас, согласен с вами, принц Кель’тас, – сказал Артас, улыбаясь очаровательному эльфу, – Для этого и были возведены лагеря. К несчастью, они очень дорого нам обходятся, но горстка золота – небольшая цена за безопасность народов Азерота.

– Они – не больше, чем животные, – сказал Кель’тас, и его обычный тенор легко исказился в отвращении, – Они со своими драконами принесли много бед лесам Кель’Таласа. Лишь силы Солнечного Колодца смогли препятствовать еще большей разрухе. Вы, люди, могли бы решить эту проблему, не облагая свой народ высокими налогами – просто казнить этих зверей.

Джайна вспомнила тот единственный раз, когда она видела орков. Они показались ей сломленными, уставшими и несчастными. И у них были дети.

– Вы когда-нибудь были в их лагерях, принц Кель’тас, – спросила она прежде, чем смогла себя остановить, – Вы видели, во что они превратились?

Кель'тас на мгновение покраснел, но сдержал приятное выражение на лице.

– Нет, Джайна, и даже не хочу. Зачем это? Я вижу следы их злодеяний каждый раз, когда смотрю на сожженные стволы великолепных деревьев моей родины. Я скорблю за невинно убитых в той войне. И я сомневаюсь, что вы там бывали. Вряд ли такой утонченной госпоже устраивали бы экскурсии в лагеря.

– Хотя его высочество и сделал мне такой милый комплимент, по-моему, его утонченность не имеет никакого отношения к нежеланию увидеть справедливость, – Джайна тщательно старалась не смотреть на Артаса, – Право, я считаю, что утонченная личность не захочет смотреть, как разумных существ истребляют подобно зверям.

Она приятно улыбнулась и стала дальше есть суп. Кель'тас недоуменно посмотрел на нее, смущенный ее реакцией.

– Закон в этом деле – за Лордероном, и король Теренас вправе делать все, что найдет целесообразным в своем королевстве, – вмешался Антонидас.

– Даларан и все королевства Альянса платят свою часть налога на их содержание, – сказал маг, которого Джайна не знала, – Мы ведь имеем право вмешаться в дело, раз мы платим за это?

Антонидас отмахнулся тонкой рукой.

– Не важно, кто платит за лагеря. Неважно даже, есть ли в них необходимость. Меня интересует именно странная летаргия орков. Я изучил то небольшое, что мы знаем об их истории, и я не верю, что они спят из-за своего заключения. И также я не думаю, что это болезнь... Уже ради этого нам стоит не волноваться насчет соглашений.

Антонидас никогда не любил болтать просто так, и все тут же прекратили споры, чтобы выслушать его. Джайна удивилась. Никогда раньше она не слышала, чтобы хоть кто-то из магов обсуждал ситуацию с орками. Она и не сомневалась, что Антонидас завел этот разговор не случайно. Здесь присутствовали Артас и Кель'тас, и его речи могли быстро распространиться в высших кругах Лордерона и Кель'Таласа. Антонидас мало что делал случайно.

– Если это не болезнь и не прямой результат их заключения, – приятным тоном сказал Артас, – То скажите нам, что это?

Антонидас повернулся к юному принцу.

– Я считаю, что орки не всегда были так кровожадны. Кадгар рассказывал мне, что он узнал от Гароны, что...

– Гарона была полукровкой, что убила короля Ллэйна, – сказал Артас, и от его приятного тона не осталось и следа, – Не думаю, что можно верить словам этого существа.

Антонидас поднял руку, призывая собравшихся успокоиться, ведь после слов принца раздался одобрителный гул.

– Ее слова были записаны еще до предательства, – сказал он, – И они были подтверждены... иными источниками.

Он улыбнулся, давая знать, что не желает разглашаться об этих «иных источниках».

– Они поддались влиянию демонов. Их кожа стала зеленой, а глаза стали кроваво-красными. Я полагаю, что они питались этим злом извне во времена первого вторжения. Теперь они оторваны от его источника. Думаю, это не болезнь – это слабость от голода. Демонические силы весьма могущественны. Отказ от них может привести к страшным последствиям.

Кель’тас махнул рукой.

– Пусть даже теория верна – зачем нам заботиться о них? Они оказались достаточно глупыми, чтобы довериться демонам. Они были достаточно беспечными, чтобы увлечься их губительными силами. С моей точки зрения, было бы не слишком мудро пытаться «вылечить» от этой зависимости, даже если это могло бы сделать их миролюбивыми. Теперь они – сокрушенные и бессильные. И я, как и любой другой в здравом уме, предпочел бы, чтобы после всего содеянного они оставались такими, какие есть.

– Ох, но если они вновь станут мирным народом, то мы избавимся от необходимости содержать их в лагерях, и деньги можно будет распределить для других целей, – мягко сказал Антонидас, прежде чем все собравшиеся начали спор, – Я уверен, что король Теренас оплачивает содержание орков не просто чтобы облегчить казну. Как поживает Ваш отец, принц Артас? Жаль, я не смог посетить твой обряд посвящения, но я слышал, что это было весьма интересное событие.

– Штормград был гостеприимен ко мне, – ответил Артас, тепло улыбаясь и нанизывая на столовый прибор второй кусок изящно прожаренной форели, поданной с красивым салатом, – Было приятно снова повидаться с королем Варианом.

– Его прекрасная королева недавно родила ему наследника, так ведь?

– Так. И если маленький Андуин станет когда-нибудь сжимать меч в руках так же крепко, как сжимал недавно мой палец – то он станет великим воином.

– А, хоть все мы молимся, чтобы Ваш день коронации отложился на много долгих лет, королевскую свадьбу мы рады отпраздновать как можно скорее, – продолжил Антонидас, – У Вас есть пассия среди молодых особ, или Вы до сих пор самый завидный жених Лордерона?

Кель’тас принялся рассматривать свою тарелку, но Джайна знала, что он внимательно следит за беседой. Сама она старалась держаться непринужденно.

Артас и не посмотрел в ее сторону, но засмеялся и обмочил губы вином.

– Ах, а что, если я скажу – нет? Где в этом забава? Есть еще много времени, чтобы решить этот вопрос.

На Джайну нахлынули смешенные чувства. Она немного разочаровалась, но и чувствовала себя свободнее. Возможно, будет даже лучше, если они с Артасом останутся просто друзьями. В конце концов, она приехала сюда, чтобы стать великой волшебницей, а не флиртовать. Ученик Даларана должен быть дисциплинированным, и руководствоваться логикой, а не чувствами. У нее были обязанности, и ей нужно уделять им все свое время.

Ей нужно учиться.

– Мне нужно учиться! – возмутилась Джайна спустя несколько дней после ужина, когда Артас подошел к ней, ведя за собой двух лошадей.

– Да ну, Джайна! – усмехнулся Артас, – Даже самой прилежной ученице порой нужно отдыхать. Такой замечательный день – ты должна выйти и насладиться им.

– Так я и делаю, - ответила она. Это была правда – она сидела с книгами в саду, а не взаперти в читальном зале.

– Небольшая разминка пойдет тебе на пользу, - сказал Артас, протягивая ей руку, чтобы помочь подняться. Джайна улыбнулась.

– Когда-нибудь ты станешь великим королем, – сказала она, становясь на ноги – Никто не может отказать тебе в просьбе.

Он рассмеялся и помог ей придержать лошадь, чтобы она взобралась в седло. В тот день она носила легкие льняные брюки и могла спокойно сидеть верхом, а не в дамском седле. Спустя мгновение он легко взобрался на своего коня.

Джайна поглядела на его лошадь – гнедая кобыла вместо белого жеребца.

– Я ведь никогда не говорила, как сожалею о Неукротимом, – тихонько сказала она. Его лицо тут же погрузнело – будто по солнцу пробежалась тень – но затем он вновь улыбнулся куда более трезвой улыбкой.

– Все в порядке, спасибо. А теперь... У меня есть все, что нужно для пикника и нас ждет чудесный день. Значит – вперед!

Этот день Джайна запомнила на всю оставшуюся жизнь. Это был тот прекрасный день позднего лета, когда солнечный свет казался густым и золотым как мед. Артас ехал сложным аллюром, но Джайна была опытной наездницей и легко держалась на его уровне. Он отвел ее далеко от города, вдоль широких зеленых холмов. Кони, казалось, были довольны прогулкой не меньше, чем их наездники, их уши бодро тянулись вверх, а ноздри широко вдыхали запахи лугов.

Пикник был прост, но восхитителен – хлеб да сыр, и немного легкого белого вина. Артас откинулся назад, закинув руки за голову, и тихонько вздремнул, пока Джайна, сбросив ботинки, спрятала ноги в высокой траве и, прислонившись к дереву, принялась читать. Книга была весьма интересной – Трактат о природе Телепортации – но вялое тепло дня, усталость после конной прогулки и приятный гул цикад убаюкали и ее.

Джайна проснулась, когда завяло прохладой. Солнце начало клониться к закату. Она сидела, отгоняя от себя дремоту, и поняла что Артаса нигде не

видно. Его лошади тоже. Ее собственный конь, с уздами, привязанными к ветвям, довольно гулял по траве.

Хмурясь, она поднялась на ноги.

– Артас?

Ответа не последовало. Вероятно, он решил, как всегда, разведать местность, и вернется в любой момент. Она попыталась уловить стук копыт хотя бы где-то вдалеке – но не смогла.

Где-то в этих краях, если верить слухам, все еще жили свободные орки. И горные кошки с медведями – они меньше размерами, но оттого не менее опасны. Джайна мысленно пробежалась по всем известным ей заклинаниям. Она была уверена, что сможет защитить себя в случае нападения.

Надо сказать – справедливо уверена.

Но напали тихо и внезапно.

Ее ударило в шею чем-то холодным и мокрым. Она вскрикнула и быстро оглянулась, пытаясь найти напавшего. Напавший оказался размытым пятном, что прыгал с места на место со скоростью молодого оленя, остановившись лишь для того, чтобы метнуть в нее другой снаряд. Он попал ей в рот, и она со смехом вздохнула. Снежный комок из ее рта покатился по рубашке.

– Артас! Это не честный бой!

В ответ в ее сторону полетело четыре снежка, и она присела, чтобы поднять их. Артас, видимо, зашел далеко на север, к горам, где очень рано наступала зима, и вернулся оттуда со снежками. А где он сам? Вон там – это его красная туника...

Схватка продолжалась до тех пор, когда у обоих закончились боеприпасы.

– Мир! – крикнул Артас, и Джайна кивнула, не имея возможности ничего сказать в ответ из-за громкого смеха. Он выскочил из своего укрытия в скалах и побежал к ней. Он обнял ее, тоже смеясь, и она с радостью отметила, что и на его волосах были следы снега.

– Я знал это много лет назад, - сказал он.

– З-знал что? – в Джайну попало множество снежков, и, хоть и стоял летний вечер, ей было холодно. Артас чувствовал, что она дрожит, и крепко

обнял ее. Джайна поняла, что пора бы отступить. Дружественное объятие – это одно, но такое долгое и нежное – совсем другое. Но она осталась, положив голову ему на грудь и слушая громкие и частые удары его сердца. Она закрыла глаза, проводя одной рукой по его волосам, чтобы убрать оттуда хлопья снега.

– В день, когда я тебя впервые увидел, я понял, что с тобой можно весело провести время. Что ты не будешь возражать против того, чтобы прогуляться в жаркий летний день или, – он стер с ее лица комочек снега, – или получить снежком по лицу. Тебе больно?

Она улыбнулась. Ей внезапно стало тепло.

– Нет. Вовсе нет, – они посмотрели друг другу в глаза и ее щеки запылали. Она попыталась отойти на шаг от него, но его рука крепко прижимала ее к себе, будто стальная. Он касался ее лица, проводя мозолистыми пальцами вдоль ее щеки.

– Джайна, – тихонько сказал он, и она задрожала, но на этот раз не от холода. Так не должно быть. Она должна отойти от него. Но вместо этого лишь закрыла глаза.

Их поцелуй был сладким и нежным – это был первый поцелуй Джайны. Как по собственной воле ее руки поднялись по его спине и обхватили шею, и она прижалась к нему поближе. Она чувствовала, что сейчас утонет, а он – единственная вещь в мире, за которую можно схватиться.

Это было то... Это был тот, кто ей нужен. Этот юноша, что был ее другом, несмотря на титул, что знал и понимал ее ученый характер, но также видел игривую и веселую девчонку, какой она могла стать вместе с ним – а ее мало кто замечал.

Но он видел, кто она на самом деле, а не только лицо, которое видел весь мир.

– Артас, – шепнула она, вцепившись в него, – Артас...

ГЛАВА 7

Несколько месяцев в Даларане пролетели незаметно. Артас с удивлением обнаружил, что в городе магов можно было научиться многому, что полезно знать королю. Также здесь он мог свободно наслаждаться затянувшимся летом и первыми прохладными осенними деньками. Он каждый день ездил верхом, хотя и ощущал, как его сердце сжимается каждый раз, когда усаживался на коня и понимал, что это не был Неукротимый.

А еще здесь была Джайна.

Поначалу он не планировал целовать ее. Но когда она оказалась в его руках, ее глаза так сияли от радости и веселья, что он не смог удержаться. И она поцеловала его в ответ. Ее расписание было куда насыщеннее и требовательнее, чем его, и они не могли часто встречаться друг с другом, что их особо не радовало. Обычно им удавалось сойтись во время каких-нибудь общественных мероприятий. При этом оба они единогласно, без всяких обсуждений, решили не давать окружающим и повода для распространения слухов о себе.

Это придавало их отношениям особую изюминку. Они наслаждались каждым представившимся им моментом - поцелуем в альковах, мимолетным взглядом на официальном обеде. Их первый пикник был невинен в начале; но теперь они усердно подобного избегали.

Он запомнил ее расписание, чтобы "случайно" наткнуться на нее в коридорах. Она находила причины, чтобы наведываться в конюшни или во внутренний двор, где Артас и его люди обычно оттачивали свои навыки сражения.

Артас наслаждался каждой опасной и дерзкой встречей с ней.

Теперь он выжидал в редко посещаемом проходе с книжными полками по краям, притворяясь, что рассматривает их названия. У Джайны должна была закончиться практика огненных заклятий; однажды она проболталась ему, что до сих пор занимается возле острога, где было много воды, после чего она жутко застеснялась. Она должна была пересечь этот коридор, чтобы добраться до своей комнаты. Он тщательно вслушивался. И вот они - мягкие, быстро семенящие шаги ее ног. Он обернулся, потянувшись за книгой, делая вид, что она ему интересна, а сам искоса наблюдал за нею.

Джайна был одета как обычно, в традиционное одеяние ученика. Ее волосы словно испускали свет, ее лицо застыло в типичном для нее сконцентрированном выражении, лоб был нахмурен в глубоком, но судя по всему, приятном раздумье. Она даже не заметила его. Он быстро положил книгу на место и выбежал из прихожей прежде, чем ей удастся уйти слишком далеко, схватил ее за руку и потащил в тень.

Как всегда, она ничуть не удивилась, и даже опередила принца: сжимая книги к своей груди одной рукой, другой он обняла его шею, когда они потянулись друг к другу, чтобы поцеловаться.

- Добрый день, моя леди, - прошептал он, целуя ее шею.

- Добрый день, мой принц, - радостно вздохнула она.

- Джайна, - прозвучал сзади голос, - почему ты...

Они подскочили и виновато посмотрели на своего незваного гостя. Джайна слегка сглотнула и зарделась.

- Кель...

Лицо эльфа было невозмутимо, но в его глазах полыхал гнев, а зубы крепко сжаты.

- Ты уронила книгу, когда уходила, - процедил он, протягивая том. - Я последовал за тобой, чтобы вернуть его.

Джайна поглядела на Артаса, закусывая нижнюю губу. Он был поражен не меньше ее, но выдавил слабую улыбку. Он, все еще держась за талию Джайны, обратился к Кель'тасу.

- Это было очень любезно с твоей стороны, Кель. Спасибо.

На мгновение ему показалось, что Кель'тас набросится на него. Маг просто излучал злость и возмущение. Он был силен, и Артас знал, что у него нет ни единого шанса против него. Но даже в этом случае, он не сводил своего взгляда с эльфийского принца, не отступая ни на шаг. Кель'тас сжал кулаки, оставаясь там, где стоял.

- Ты стыдишься ее, Артас? - прошипел Кель'тас. - Она важна тебе, лишь когда никто не смотрит на вас?

Глаза Артаса сузились.

- Я хотел бы избежать дурных слухов о ней, - спокойно возразил он ему. - Ты же знаешь, как это обычно бывает, не так ли, Кель? Кто-то говорит одно, потом это перешептывается, и потом всеми это воспринимается на веру. Я лишь хотел защитить ее репутацию...

- Защитить? - рявкнул Кель'тас. - Если бы ты заботились о ней, то ухаживал бы за ней открыто, гордо. Так поступил бы любой человек. - Он посмотрел на Джайну, и его гнев прошел, сменившись на мимолетное выражение боли. Которое, впрочем, сразу исчезло. Джайна смотрела в пол. - Я больше не помешаю вашему... свиданию. И не бойтесь, я ничего не скажу.

С сердитым шипением он презрительно бросил книгу в сторону Джайны. Том, вероятно бесценный, поскольку Джайна вскрикнула, с громких стуком упал к ее ногам. Затем Кель удалился, тряся своими фиолетовыми и золотыми одеяниями. Джайна выдохнула и положила свою голову на грудь Артаса.

Артас осторожно погладил ее по спине.

- Все в порядке, он ушел.

- Мне жаль. Думаю, я должна была предупредить тебя.

Он нахмурился.

- О чем предупредить? Джайна, неужели ты и он...

- Нет! - она сразу прервала его, пристально глядя на него. - Нет. Но... Мне кажется, что он - да. Я только... он - хороший эльф и могущественный маг. И принц. Но он не... - Ее голос затих.

- Он не - что? - Фраза вышла слишком резкой, нежели ему хотелось. Кель обладал многими преимуществами, которых не было у Артаса. Он был старше его, образованнее, опытнее, сильнее, а его эльфийская красота была физически недостижима человеку. Он чувствовал, как внутри него зарождается холодный комок ревности. Если бы Кель вновь появился, то Артас не был столь уверен, что не набросится на него.

Джайна нежно улыбнулась, морщины на ее лбу разгладились.

- Он не ты.

Ледяной комок в нем растаял, будто зима отступила перед теплом весны, и он потянул ее к себе и поцеловал ее снова.

Кого беспокоит, что на уме у этого тщедушного эльфийского принца?

Год промчался без всяких потрясений. Лето уступило свое место прохладной осени, а затем зиме, недовольство из-за увеличения налогов для содержания орочьих лагерей росло среди населения, что не было сюрпризом для Теренаса и Артаса. Принц продолжал обучаться у Утера. Паладин был непреклонен в своей вере, что молитва и самосозерцание не менее важны, чем навыки владения оружием.

- Да, мы должны знать, как справиться с нашими врагами, - говорил он. - Но мы также должны знать, как излечить наших союзников и самих себя.

Артас вспоминал о Неукротимом. Его мысли всегда возвращались к тому событию с его конем зимой, и замечание Утера лишь напомнило ему то, что он считал своим главным провалом в жизни. Если бы только он начал свое обучение чуть-чуть раньше, то большой белый жеребец был бы еще жив. Он так никому и не рассказал, что произошло на самом деле в тот ненастный день. Все думали, что это был несчастный случай. Так оно и было, постоянно твердил Артас самому себе. Он не собирался причинять боль Неукротимому. Он любил своего коня; скорее бы Артас принял удар на себя. И если бы он начал обучаться на паладина раньше, как это сделал Вариан с битвой на мечях, то тогда ему удалось спасти от смерти Неукротимого. Он поклялся, что подобное больше не повторится. Он сделает все, что необходимо, но больше никогда не окажется в ситуации, где он окажется бессилен и не сможет поступить правильно.

Зима, как ей и полагается, прошла, и на полях Тирисфали вновь воцарилась весна. Вместе с ней Джайна Праудмур стала, по мнению Артаса, столь же красивой, цветущей и приветливой на вид, сколь свежие бутоны цветов на пробудившихся деревьях. Она пришла к нему, чтобы присутствовать на Саде чудес, главном весеннем празднике в Лордероне и Штормграде. Артас узнал, что не ложиться спать ночью, потягивая вино и готовясь к празднику, оказывается, не так уж и скучно, если рядом находится Джайна, чей лоб всегда нахмуривался присущей только ей покоряющей принца манере, когда она тщательно и пристально разукрашивала скорлупу яйца.

Хотя еще не было озвучено никаких общественных заявлений, Артас и Джайна уже знали, что их родители переговорили друг с другом, и дали

молчаливое добро на встречи их отпрысков. К тому же, Артас, и так любимый своим народом, стал все чаще появляться на публичных мероприятиях как представитель власти Лордерона, нежели Утер или Теренас. Сам Утер тем временем все более и более углублялся в духовные изыскания Света, а Теренас, казалось, был и сам рад своим воздержанием от утомительных поездок.

- Ехать сутками верхом и спать под звездным небом - это, конечно, увлекательно, но только когда ты молод, - говорил он по этому поводу Артасу. - А когда ты достигаешь моего возраста, то понимаешь, что лучше поездку на лошади разменять на покой, а звезды из окна твоего замка находятся ничуть не дальше, чем на открытом воздухе.

Артас усмехнулся и с головой нырнул в свои новые обязательства. Адмирал Праудмур и архимаг Антонида, очевидно, пришли к тем же самым выводам, что и его отец. И все чаще, когда из Даларана в Столицу отправлялся посыльный, леди Джайна Праудмур сопровождала его.

- Приезжай к нам на фестиваль Огненного Солнцеворота летом, - внезапно предложил он ей. Она взглянула на него, осторожно держа яйцо в одной руке, другой смахивая упавшие ей на лицо золотые волосы.

- Мне не удастся. Лето - очень важное время для учеников Даларана. Антонида уже предупредил меня, чтобы на это время я не планировала никаких поездок, - сказала она с сожалением в голосе.

- Тогда я приеду к тебе на фестиваль, а ты ко мне - на Тыковин, - сказал Артас. Она покачала головой и засмеялась.

- Какой ты настойчивый, Артас Менетил. Что ж, я попробую.

- Нет, ты обязательно приедешь. - Он потянулся через стол, осторожно раздвинув ярко выкрашенные яйца и маленькие леденцы, и взял ее за руку.

Она улыбнулась, немного застенчиво, и ее щеки порозовели.

Она приедет.

Перед Тыковином было еще несколько небольших празднеств. Некоторые из них были мрачными, другие веселыми, а этот обладал сразу двумя этими качествами. Было поверье, что во время этого праздника барьер между мирами живых и мертвых становился слабее, что эту грань можно

было преступить и вновь увидеть давно почивших. Традиционно Тыквовин отмечали по завершению сезона урожая, прежде чем начинали дуть зимние ветры, а также неподалеку от дворца устанавливали большое соломенное чучело. На закате ночью церемонии чучело предавали огню. Гигантский ивовый человечек, горящий ярким пламенем, сгоняя прочь покров темной ночи - это всегда было удивительным и устрашающим зрелищем. Каждый желающий мог подойти к пылающему человечку и бросить ветвь в трескучий огонь, при этом метафорически "сжечь" что-нибудь, чего он не желал брать с собой в тихий период раздумий зимней бездеятельности.

Этот крестьянский ритуал возник еще с незапамятных времен. Артас подозревал, что ныне немногие верят, что бросание ветви в огонь действительно решит их проблемы; еще меньше - что можно общаться с мертвыми. По крайней мере, он в это точно не верил. Но этот фестиваль был очень популярен, к тому же, Джайна должна была вернуться в Лордерон на время его проведения, так что Артас с нетерпением ждал.

У него был готов небольшой сюрприз для нее.

Это произошло прямо после заката. Толпа начала собираться еще днем. Некоторые устраивали пикники, празднуя последние дни осени на лугах Тирисфалия. Стража тоже была наготове, бдительно следя, чтобы не было несчастных случаев, которые вполне могли случиться, когда большое количество людей собирается в одном месте, но Артас не думал, что нынче будут какие-нибудь проблемы. Когда он вышел из дворца, одетый в тунику, брюки и плащ ярких осенних оттенков, раздались приветствия. Он выдержал паузу и помахал зрителям, принимая их аплодисменты, затем повернулся и протянул руку Джайне.

Она немного удивилась, но улыбнулась, и теперь крики возносили ее имя к темнеющему небу также, как и его. Артас и Джайна подошли к гигантскому ивовому человеку. Артас поднял руку, прося тишины.

- Мои соотечественники, я присоединяюсь к вам на праздновании наиболее почитаемой ночи - ночи, когда мы вспоминаем тех, кто больше не с нами, и когда мы отрекаемся от того, что сдерживает нас. Мы сжигаем чучело ивового человечка как символ уходящего года, подобно тому, как фермеры сжигают остатки прошлого урожая на своих полях. Пепел кормит почву, и этот обряд кормит наши души. Я рад видеть, что сегодня вечером здесь собралось так много народу. Я и рад предложить почетную роль по сожжению ивового человечка леди Джайне Праудмур.

Глаза Джайны расширились. Артас повернулся к ней, злорадно ухмыляясь.

- Дочь Адмирала героя войны Даэлина Праудмура, когда-нибудь она станет сильным магом. Поскольку маги - мастера огня, думаю, будет правильно, если именно она зажжет нашего ивового человечка этой ночью. Вы согласны?

Восхищенные собравшиеся одобрительно зашумели, как и предполагал принц. Артас поклонился Джайне, затем наклонился к ней и прошептал: "Покажи им маленькое представление - им обязательно понравиться".

Джайна незаметно кивнула, затем подошла к толпе и помахала ей. Крики толпы стали еще сильнее. Она задернула локоны своих волос за уши, бегло скрыв свое волнение, и затем сосредоточилась. Она закрыла глаза и подняла свои руки, бормоча заклинание.

Джайна надела на праздник платье огненно красных, желтых, и оранжевых оттенков. Когда маленькие шары пламени, появившиеся в ее руках, стали сиять все ярче и ярче, Артасу на мгновение показалось, что Джайна стала сама похожа на костер. Она держала огонь в своих руках с таким непринужденностью, спокойствием и мастерством, что он понял, что те дни, когда она плохо контролировала свои заклятья, давно уже прошли. Она не собиралась "стать" сильным магом; она уже была таковым, хоть и не обладала титулом.

И затем она протянула обе руки вперед. Шары огня помчались, словно пуля из пистолета, к огромному соломенному чучелу. Ивовый человечек вспыхнул сразу, толпа сначала затихла, а потом взорвалась в дикой овации. Артас усмехнулся. Ивовый человечек никогда не загорался столь быстро, когда его поджигали обычным способом.

Джайна открыла свои глаза на звук публики и помахала всем, восхищенно улыбаясь. Артас опять наклонился и прошептал: "Захватывающе, Джайна".

- Ты же просил, чтобы я показала им маленькое представление, - ответила она ему, усмехаясь в ответ.

- Так и есть. Но это было чересчур хорошо. Боюсь, теперь они наверняка потребуют, чтобы ты зажигала ивового человечка каждый год.

Она обернулась и посмотрела на него.

- А разве это проблема?

Сияние от сверкающего огня танцевало по ней, освещая ее оживленное лицо, ловя блеск золотой диадемы, украшавшей ее голову. Артас задержал дыхание, пока рассматривал ее. Она всегда любовался ей, она понравилась ему с того самого момента, как они повстречались. Она была его подругой, верным товарищем и причиной будоражащего кровь флирта. Но сейчас он ничего не мог поделать, кроме как смотреть на нее буквально в новом для него свете.

Потребовалась минута, чтобы он вновь обрел дар речи.

- Нет, - сказал он нежно. - Нет, это не проблема.

Они присоединились к танцующим у костра людям, обмениваясь рукопожатиями и поздравлениями с народом и не на шутку перепугав охрану. А затем они вообще повергли исполнительных охранников в шок, растворившись в толпе и ускользнув от всех незамеченными. Артас повел ее через задние коридоры к частным жилым помещениям дворца. Как только их дорогу пресекали снующиеся слуги, сокращающие себе путь до кухни, парочка сливалась с темной стеной и тихо стояла там, в течение нескольких долгих секунд, пока опасность не минует.

Так они пробрались в покои Артаса. Он захлопнул дверь и охватил Джайну руками, страстно поцеловал ее. Однако именно она, застенчивая и прилежная, прервала поцелуй и двинулась к кровати, ведя его за руку. Оранжевое зарево от пылающего ивового человечка до сих пор танцевало на их коже.

Он последовал за ней, изумленный, словно все это было во сне. Они встали возле кровати, сжимая друг другу руки так сильно, что Артас забеспокоился, а не сломаются ли ее хрупкие пальцы в его хватке.

- Джайна, - прошептал он.

- Артас, - словно простонала она и поцеловала его снова, ее руки выскользнули из объятий и сжали его лицо. Его голова шла кругом, он так желал ее, что почувствовал себя внезапно лишенным, когда она отдалилась. Ее дыхание на его лице было слабым и теплым, когда она прошептала: "Я... мы готовы к этому?"

Он хотел было ответить ей легкомысленно, но он понял, что она имела в виду. Он был более чем готов провести оставшуюся часть своей жизни с этой

девушкой в сердце. Он отказался от прекрасной Тареты, а она была даже не первой, кому он сказал "нет". Джайна, как он знал, была еще менее опытна, чем он, в подобных делах.

- Я готов, если только ты готова, - хрипло прошептал он, и когда он согнулся снова для поцелуя, то увидел, как знакомые ему морщинки беспокойства охватили ее лоб. Я уберу их поцелуем, - поклялся он, положив ее на кровать рядом с собой. - Я сделаю все, чтобы все твои волнения ушли навсегда.

Позже, когда ивовый человечек, наконец, сгорел дотла, и когда единственным светом на спящую фигуру Джайны стало спокойное сине-белое сияние луны, Артас все еще лежал с открытыми глазами, проводя своими пальцами по ее телу и поочередно размышляя, куда это все их приведет и как он был счастлив в этот момент.

Он не бросил ветвь в огонь, ибо не желал избавляться ни от чего из того, что у него было. Не желал он отказываться от чего-либо и теперь, подумал он, согнувшись, чтобы поцеловать ее. Джайна проснулась с нежным вздохом, достигшим его ушей.

- Похоже, никто не может отказать тебе ни в чем, - пробормотала она, повторяя слова, которая она сказала ему в день их первого поцелуя, - И я - меньше всего.

Он прижался к ней, внезапно его непонятно почему охватил холод.

- Не отказывай мне, Джайна. Никогда не отказывай мне. Пожалуйста.

Она посмотрела на него, ее глаза блестели в прохладном лунном свете.

- Мне никогда этого не удастся, Артас. Никогда.

ГЛАВА 8

Дворец никогда не был так весело украшен к Празднику Зимнего Покрова как в этом году. Мурадин, как добрый посол своего народа, распространил дворфийские традиции по Лордерону после своего приезда. От года в год они становились все более популярными, и, похоже, что в этом году люди приняли их близко к сердцу.

Праздничный тон был задан несколько недель назад, когда Джайна порадовала всех, театрально воспламенив плетеного человека. Ей позволили остаться на зиму, если бы она захотела, хотя Даларан не был далек для человека, умеющего телепортироваться. Что-то изменилось. Оно было незаметным и глубоким. С Джайной Праудмур стали обращаться как с кем-то большим, чем с дочерью правителя Кул Тираса, большим, чем с другом.

С ней стали обращаться как с членом королевской семьи.

Артас впервые понял это, когда его мать взяла Джайну и Калию на примерку модных платьев, необходимых для бала в Канун Зимнего Покрова. Другие гости проводили Зимний Покров здесь; Лианна никогда раньше не хотела заниматься собственноручно ни их нарядами, ни нарядами своей дочери.

В свою очередь Теренас теперь часто просил, чтобы Джайна присоединилась к нему с Артасом, когда они собирались слушать просьбы людей. Она садилась слева от короля, а Артас справа. В положении, почти равном собственному сыну короля.

Хорошо, думал Артас, он полагал, что все это было логическим заключением. Не так ли? Он вспомнил свои слова для Калии годы назад: «Я считаю, что у каждого есть свой долг. Твой – выйти за того, кого укажет Отец, мой – женится на той, что хороша королевству».

Джайна подойдет королевству. Джайна, подумал он, подойдет и ему.

Так почему же эти мысли заставляют его чувствовать себя так неловко?

Ночью перед Зимним Покровом выпал свежий снег. Артас стоял, рассматривая через большое окно Озеро Лордамер, сейчас подмерзшее. Начавшийся снегопад прекратился около часа назад. Небо было похоже на черный бархат, звезды – на маленькие ледяные бриллианты в мягкой

темноте, и под лунным светом все выглядело неподвижным, тихим и магическим.

Нежная рука скользнула по нему.

- Красиво, не правда ли? - тихо сказала Джайна. Артас кивнул, не глядя на нее.

- Достаточно снарядов.

- Чего?

- Снарядов, - повторила Джайна. - Для снежков.

Он наконец повернулся к ней, и у него перехватило дыхание. Ему не разрешали смотреть на наряды, которые она, Калия и его мать наденут на банкет и бал этим вечером, и он был ошеломлен ее красотой. Джайна Праудмур выглядела как Снегурочка. От туфель, которые казались сделанными из льда, до белого платья со светло-голубым оттенком и серебряного браслета, отражавшего теплое сияние факела, она была умопомрачительно прекрасна. Но она не была ни ледяной королевой, ни статуей; она была теплая, нежная и живая, ее золотые волосы спадали с плеч, ее щеки порозовели под его восхищенным взглядом, ее голубые глаза светились счастьем.

- Ты похожа на белую свечку, - сказал он. - Вся белая и золотая.

Он протянул руку к локону ее волос, повертев его своими пальцами.

Она улыбнулась.

- Да, - засмеялась она, протягивая руку, чтобы прикоснуться к его собственным локонам, - Дети определенно будут блондинами.

Он похолодел.

- Джайна... ты...

Она усмехнулась.

- Нет. Пока нет. Но нет причин думать, что мы не сможем завести детей.

Дети. Слово, которое приводило его в шок и необычное душевное состояние. Она говорила о детях, которые у них будут. Его мысли понеслись в будущее, в будущее, где Джайна стала его женой, во дворце живут их дети, родителей больше нет, сам он сидит на троне и несет бремя короны. Часть

его отчаянно желала этого. Он любил присутствие Джайны, любил обнимать ее по ночам, любил ее вкус и аромат, любил ее смех, чистый, как колокольчик, и мелодичный, как благоухание роз.

Он любил...

Что, если он все разрушит?

Потому что неожиданно он понял, что все, случившееся до этого момента, было детской игрой.

Он думал о Джайне как о спутнике, кем она и была со времен его отрочества, за исключением того, что их игры стали носить взрослый характер. Но что-то в нем неожиданно изменилось. Что, если бы все это стало реальностью? Что, если бы он действительно полюбил ее, а она его? Что, если бы он стал плохим мужем, королем – что, если бы...

- Я не готов, - выпалил он.

Ее брови нахмурились.

- Хорошо, мы же не собираемся заводить детей прямо сейчас.

Она сжала его руку так, что это ясно было жестом заверения. Артас неожиданно бросил ее руку и шагнул назад. Она сильнее нахмурила брови в недоумении.

- Артас, что не так.

- Джайна, мы слишком молоды, - произнес он, говоря быстро, слегка повысив голос. - Я слишком молод. Поэтому все еще... я не могу... я не готов.

Она побледнела.

- Ты же не... я думала...

Его мучило чувство вины. Она спрашивала его об этом, в ночь, когда они стали любовниками. Ты готов к этому? прошептала она. Да, если готова ты, ответил он, и он имел в виду именно это... Он действительно думал, что имел это в виду.

Артас потянулся и схватил ее руки, отчаянно пытаясь выразить эмоции, рвущиеся из него. -Я еще должен столько всего узнать. Завершить так многотренировок. И Отец нуждается во мне. У Утера столько всего, чему ему

необходимо научить меня и ... Джайна, мы всегда были друзьями. Ты всегда так хорошо меня понимала. Можешь ли ты понять меня и сейчас? Можем ли мы по-прежнему быть друзьями?

Ее бледные губы пошевелились, но ни одного слова не вылетело из них. Ее руки безвольно лежали в его руках. Он сжал их почти яростно.

Джайна, пожалуйста. Пожалуйста, пойми – даже если я не понимаю.

- Конечно, Артас, - ее голос звучал монотонно. - Мы всегда будем друзьями, ты и я.

Все, от ее осанки, до ее лица, до ее голоса, выражало боль и шок. Но Артас вместо того ухватился за ее слова, как за волну облегчения, что укрепило ослабевшие колени, дрожащие под ним. Это должно огорчить ее сейчас, немного, но вскоре она непременно поймет. Каждый из них знал это. Она поймет, что он был прав, что все это слишком рано.

- Я имею в виду – что все это не навсегда, - сказал он, чувствуя, что нуждается в пояснении. - Только сейчас. Ты должна учиться – я уверен, что только отвлекаю тебя. Антонида, вероятно, обижается на меня.

Она ничего не ответила.

- Все это к лучшему. Возможно однажды все будет по-другому, и мы сможем попробовать снова. Это не то, что я не... что ты...

Он потянул ее в свои руки и обнял ее. Мгновение она была твердой как камень, затем он почувствовал, что напряжение покинуло ее, и ее руки обхватили его. Они стояли в зале одни долгое время, Артас прислонил щеку к ее светлым золотым волосам, волосам, с какими, без сомнения, родились бы их дети. Возможно, все еще родятся.

- Я не хочу закрывать дверь, - сказал он тихо. - Я просто...

- Все хорошо, Артас. Я понимаю.

Он отступил назад, держа руки на ее плечах, заглянув в ее глаза. - Ты понимаешь?

Она легко рассмеялась. - Честно? Нет. Но все в порядке. В конечном счете, все как-нибудь продолжится. Я знаю это.

- Джайна, я просто хочу быть уверен, что все хорошо. Для каждого из нас.

Я не хочу все это испортить. Я не могу все это испортить.

Она кивнула. Она глубоко вздохнула и успокоила себя, послав ему улыбку... настоящую, хоть и болезненную, улыбку.

- Пойдем, Принц Артас. Тебе нужно сопровождать своего друга на бал.

Артас как-то сделал это в этот вечер, и также поступила Джайна, хотя Теренас бросал на них странные взгляды. Он не хотел рассказывать отцу, не сейчас. Это была долгая и несчастливая ночь, и в один момент во время паузы в танцах Артас взглянул на покрывало из белого снега и посеребренное лунной озеро и удивился, почему все плохое случилось зимой.

Генерал-лейтенант Эделас Блэкмур не выглядел очень счастливым, находясь на этой особой аудиенции у Короля Теренаса и Принца Артаса. В действительности, он выглядел так, будто отчаянно желал уйти отсюда незамеченным.

Годы не были добры к нему, ни в физическом плане, ни в том, как судьба обошлась с ним. Артас помнил статного, энергичного боевого командира, который, несомненно, хоть и любил выпить, но, по крайней мере, казался способным держать эту губительную склонность в узде. Но не теперь. В волосах Блэкмура появилась седина, он прибавил в весе, и его глаза были налиты кровью. Он был, к счастью, трезвый как стеклышко. Показался бы он на эту встречу пьяным, Теренас, твердо верящий в необходимость сдержанности во всех делах, отказался бы видеть его.

Блэкмур присутствовал здесь потому, что умудрился наломать дров. Очень много. Каким-то образом, приносящий орк-гладиатор человека, Тралл, сбежал из Дарнхольда во время пожара. Блэкмур пытался сохранить это в тайне и возглавил поиски орка лично и в небольшом масштабе, но тайна, как и большой и массивный зеленый орк, не могла скрываться вечно. После оброненного слова быстро поползли слухи, конечно – это был конкурент лорда, освободивший орка, стремясь обеспечить победу на арене; это была ревнивая любовница, решившая насолить ему; это была умная банда орков, непораженных странной летаргией – нет, нет, это был сам Оргрим Молот Рока; это были драконы, проникнувшие под видом людей, которые устроили пожар одним только своим дыханием.

Артас вспоминал, как увлеченно следил за боем Тралла, но вспомнил также, что даже тогда у него в голове вертелась мысль, было ли мудро тренировать и обучать орка. Когда пришла информация, что Тралл сбежал, Теренас незамедлительно вызвал Блэкмура для отчета.

- Довольно плохо, что вы считали, будто тренировать орка сражаться в гладиаторских боях - хорошая идея, - начал Теренас. - Но обучать его военной стратегии, учить его читать, писать... Я должен спросить, генерал-лейтенант, о чем, во имя Света, вы думали?

Артас сдерживал улыбку, поскольку казалось, будто Эделас Блэкмур сжимается прямо на его глазах.

- Вы заверяли меня, что финансовые средства и материалы идут напрямую на усиление безопасности, и что ваш домашний орк надежно охраняется, - продолжил Теренас. - А теперь каким-то образом он находится снаружи, а не в безопасности, внутри Дарнхольда. Как это возможно?

Блэкмур нахмурился и кое-как собрался.

- Безусловно, печально, что Тралл сбежал. Я уверен, Вы понимаете, как я себя чувствую.

Это был ответный удар со стороны Блэкмура; Теренас все еще переживал из-за факта, что Молоту Рока удалось сбежать почти что из под его носа. Но это не был мудрый удар. Теренас нахмурил брови и продолжил.

- Я надеюсь, это не часть какой-то беспокоящей меня тенденции. Деньги зарабатываются трудом людей, генерал-лейтенант. Они идут на поддержание их безопасности. Следует ли мне отправить с Вами уполномоченного, чтобы убедиться, что средства расходуются должным образом?

- Нет! Нет, нет, в этом нет необходимости. Я отчитаюсь за каждый пенни.

- Да, - сказал Теренас с обманчивой мягкостью, - Вы отчитаетесь.

Когда Блэкмур наконец ушел, раболепно кланяясь на всем пути к выходу, Теренас повернулся к своему сыну.

- Каковы твои мысли? Ты видел Тралла в действии.

Артас кивнул.

- Он был не совсем таким, какими я представлял орков. Я имею в виду... он был огромным. И яростно сражался. Но было очевидно, что он также был умен. И тренирован.

Теренас поглаживал свою бороду, размышляя.

- Там еще есть районы с мятежными орками. Такими, у которых, должно быть, нет той апатии, которая проявилась у заключенных. Если Тралл сможет найти их и научить тому, что знает сам, это может для нас довольно плохо обернуться.

Артас выпрямился в стойке. Это могло быть то, что он искал.

- Я упорно тренировался с Утером.

И так оно и было. Неспособный как следует объяснить остальным – и самому себе – почему он оборвал отношения с Джайной, он окунулся с головой в тренировку. Он сражался часами, пока его тело не начинало болеть, пытаясь полностью изнурить себя, чтобы выкинуть ее лицо из своих мыслей.

Это было то, чего он желал, не так ли? Она это приняла. Так почему же это он долго лежал по ночам, скучая по ее теплу, с болью, граничащей с агонией? Он замкнулся в себе до сих пор, невзирая на часы, проведенные в тихой, безмолвной медитации в попытке отвлечь себя. Возможно, если он сфокусируется на битве, на учении, как принимать, проводить и направлять Свет, он сможет превозмочь мысли о ней. О девушке, с которой он сам порвал отношения.

- Мы бы могли отправиться на поиски таких орков. Найти их, прежде чем это сделает Тралл.

Теренас кивнул.

- Утер проинформировал меня о твоём посвящении, и он был впечатлен твоим прогрессом.

Он принял решение.

- Ну хорошо. Пойди, скажи Утеру и начинай готовиться. Для тебя настало время впервые ощутить настоящую битву.

Артасу было тяжело заставить себя не издать крик возбуждения. Он воздержался, даже в своей радости он поднял огорченный, озабоченный

взгляд на лицо своего отца. Может быть, безусловно возможно, что убийство непокорных зеленокожих сотрет из памяти пораженное выражение Джайны, когда он оборвал их отношения.

- Благодарю вас, сэр. Вы будете гордиться мною.

Несмотря на сожаление в сине-зеленых глазах его отца, таких же, как у самого Артаса, Теренас улыбнулся.

- Это, сын мой, наименьшая из моих забот.

ГЛАВА 9

Джайна бежала через сады, опаздывая на встречу с архимагом Антонидасом. Она опять потеряла счет времени, уткнувшись носом в книгу. Ее учитель всегда попрекал ее за это, но она ничего не могла с собой поделать. Она пронеслась мимо рядов золотых яблонь, зрелые плоды которых тяжело свисали вниз. На секунду ее накрыла волна печали, она вспомнила встречу, что произошла здесь всего лишь несколько быстро пролетевших лет назад - когда позади нее появился Артас, закрыв ее глаза руками и прошептав: “Угадай, кто?”

Артас. Она все еще скучала по нему. Пожалуй, так оно будет всегда. Их разрыв был неожиданным и болезненным, да и время было выбрано хуже некуда - она до сих пор поживалась, вспоминая, как она держалась на праздновании Зимнего Покрова, словно ничего не произошло - но когда первоначальный шок прошел, она поняла причину его поступка. Оба они были молоды и, как он тогда указал, у них были обязанности и учеба. Она обещала ему, что они навсегда останутся друзьями, этого она желала и тогда, и сейчас. Но чтобы сдержать данное ею обещание, она должна была залечить свои раны. Так она и поступила.

Конечно, много чего произошло за те несколько коротких лет, что заставило ее напряженно трудиться и сосредоточиться на иных вещах. Пять лет назад сильный волшебник по имени Кел’Тузад навлек на себя ярость Кирина Тора своим якшаньем с противоестественной некромантской магией. Он исчез, внезапно и загадочно, сразу после того, как ему был сделан строгий выговор, и недвусмысленно сказали, чтобы он немедленно прекращал свои эксперименты. Эта тайна была лишь одной из многих последних событий, что помогали ей отвлечься за прошедшие три года.

Вне врат магического города также происходили разные вещи, хотя информация поступала хаотичными кусками вместе со слухами. Особенно Джайна отметила просочившиеся сведения, что сбежавший орк Тралл, ныне называющий себя Боевым Вождем новой Орды, начал нападать на лагеря и освобождать пленных орков. Сам Дарнхольд был сметен этим самозванным вождем, превращен лично им в руины тем, что, как показало исследование Джайны, было древней магией его народа - шаманизмом. Блэкмур также пал, но судя по донесениям, оплакивали его не слишком долго. Джайну куда

больше беспокоило, чем эта новая Орда в итоге сулит ее людям, траур по потере выселок она не испытывала. Только не после того, как она не познакомилась с ними лично.

До нее дошли голоса, один из них был полон гнева. Это было столь необычно для этих мест, что Джайна даже резко остановилась.

- Как я говорил Теренасу, ваши люди - уже пленники в своих собственных землях. Я повторяю это вам - человечество в опасности. Тьма возвращается, и мир находится на грани войны! - Голос был мужским, звонким и сильным, но Джайна его не знала.

- Ах, теперь я знаю, кто ты такой. Ты тот пророк-бродяга, о котором говорилось в последнем письме Короля Теренаса. И я не более заинтересован в твоём бреде, чем он.

Другим собеседником был Антонида, спокойный настолько, насколько настойчивым был незнакомец. Джайна знала, что ей нужно было осторожно удалиться, прежде чем ее заметят, но любопытство, то, что заставило девочку согласиться с Артасом на предложение понаблюдать за лагерем орков, теперь побудило ее сокрыть себя заклинанием невидимости и узнать о незнакомце побольше. Она подкралась поближе настолько тихо, насколько возможно. Теперь она могла видеть их обоих; того, кого Антонида саркастически прозвал "пророком", закутанного в плаще с капюшоном, украшенном черными перьями, и ее учителя верхом на лошади. - Я думал, что Теренас весьма ясно высказал свое мнение относительно твоих предсказаний.

- Ты должен быть умнее, чем король! Конец близок!

- Я уже говорил тебе, что не желаю слушать эту чушь, - спокойно и надменно отрезал архимаг. Джайна была знакома с этим его тоном голоса.

Пророк утих на мгновение, затем вздохнул:

- Значит, я попусту трачу время.

Джайна еще не успела удивиться, как фигура незнакомца расплылась. Она сжалась и изменилась, и через секунду там, где стоял человек, прикрывающий свое лицо капюшоном, теперь была большая черная птица. С расстроенным карканьем она взлетела ввысь, взмахнула крыльями и улетела прочь.

Антонидас проводил взглядом незваного гостя, пока тот не превратился в точку в синем небе и, наконец, исчез, и только потом архимаг сказал:

- Больше не нужно прятаться, Джайна. Он улетел.

Краска нахлынула на лице Джайны. Она пробормотала обратное заклятье и вышла вперед.

- Простите, Учитель. Я услышала ваш разговор, и...

- Я и рассчитывал на твое любопытство, дитя, - сказал Антонидас, слегка улыбнувшись.

- Этот глупец убежден в том, что наступает конец света. По моему мнению, это несколько чересчур для чумы.

- Чумы? - переспросила Джайна.

Антонидас вздохнул и слез с коня, отправив его погулять легким шлепком. Лошадь немного стала на дыбы, затем покорно понеслась прочь к конюшням, где за ней должен был присмотреть конюх. Архимаг подозвал свою ученицу к себе и протянул ей свою скрюченную руку.

- Ты помнишь, я недавно отправлял посыльных в Столицу?

- Я думала, что это касается ситуации касательно орков.

Антонидас пробормотал заклятье, и через несколько мгновений они появились в его частных апартаментах. Джайне нравилось это место; любимая ей неопрятность, запах пергамента, переплета и чернил, и старые стулья, на которые можно было присесть и забыться, погрузившись в чтение. Он жестом попросил ее сесть, согнув палец, он заставил переливаться струю нектара из кувшина в кубки.

- Ну да, это было на повестке дня, но мои делегаты считают, что прямо у нашего порога появилась куда более опасная угроза.

- Более опасная, чем воссоздание Орды? - Джайна протянула свою руку, и кристаллический кубок, заполненный золотой жидкостью, поплыл прямо ей в ладонь.

- Орки, в теории, могут остепениться. А вот болезнь - нет. Есть сообщения о чуме, свирепствующей в северных землях. Мне кажется, что Кирин Тор должен обратить на это пристальное внимание.

Джайна посмотрела на него, ее лоб сморщился, пока она отпила из кубка. Вообще-то болезни были привилегией жрецов, не магов. Если не...

- Вы думаете, эта болезнь – порождение магии?

Он кивнул своей лысой головой.

- Весьма вероятно. Вот почему, Джайна Праудмур, я прошу тебя отправиться туда и найти причину этой эпидемии.

Джайна чуть не поперхнулась нектаром.

- Я?

Он по-отечески улыбнулся.

- Ты. Ты изучила почти все, что я мог тебе преподать. Настало время, чтобы ты использовала эти навыки за пределами безопасности этих стен. - Его глаза вновь игриво сверкнули. - Я уже договорился о том, что тебя будет сопровождать... один человек.

Артас отдыхал, прислонившись к дереву, подняв лицо к слабому солнечному свету и закрыв глаза. Он знал, что тем самым излучает спокойствие и уверенность; он этого и хотел. Его люди слишком беспокоились из-за всего происходящего. Он не должен был показывать им, что он тоже волнуется. После всего этого времени... как они пойдут бок о бок? Возможно, все же это было не совсем мудрое решение. Но все донесения умоляли о помощи, и он знал, что ее знания наиболее подходили для этой ситуации. Они хорошо сработаются. Они должны.

Один из его капитанов, Фалрик, которого Артас знал уже многие годы, топтался на месте, немного заходя вперед на одну из четырех дорог на перекрестке, затем возвращаясь, чтобы свернуть в другую сторону. На холоде было видно его дыхание, и по нему можно было сказать, что его раздражение росло с каждой минутой.

- Принц Артас, - решился он, наконец, - мы ждали здесь в течение многих часов. Вы уверены, что этот ваш друг придет?

Губы Артаса слегка улыбнулись, когда он ответил, не открывая глаза. Его людям ничего не сообщили о ней для сохранения безопасности.

- Уверен. - Так оно и было. Он припомнил, что каждый раз ему приходилось терпеливо ее ждать. - Джайна обычно всегда немного опаздывает.

Едва его губы остановились, как послышался отдаленный рев и едва разборчивые слова: Сокрушу!

Словно пантера, дремлющая на солнце лишь чтобы внезапно атаковать, Артас вскочил с молотом наготове. Он бросился к дороге и увидел, как к нему спешит стройная женщина, появившаяся из-за холма. Позади нее вырисовалось то, что, как он знал, должно было быть элементом - циркулирующей аквамариновой массой воды с неявной головой и руками.

А позади них ... был двухголовый огр.

- Именем Света! - закричал Фалрик, собравшись броситься вперед. Артас был готов избить чудище до смерти, если бы не то одно обстоятельство, которое он заметил, посмотрев в лицо Джайны Праудмур.

Она усмехнулась.

- Оставьте свои клинки, Капитан, - сказал Артас, чувствуя, как он сам невольно усмездается. - Она может сама о себе позаботиться.

И в самом деле леди могла - да еще как эффектно. Точно выбрав момент, Джайна обернулась и начала вызывать огонь. Артас понял, что если и нужно кого-то тут жалеть, то это были бедные сбитые с толку огры, ревушие от боли, когда огонь охватил их тучные бледные тела, и смотрящий в ужасе на эту крошечную женщину, одарившую их столь неопишуемой болью. Один из них догадался сбежать, но другой, по-видимому неспособный поверить этому чуду, продолжил свое наступление. Джайна послала в него взрыв грохочущего оранжевого пламени, тот вскрикнул и намертво повалился наземь, сгорая так быстро, что сильный запах обугленной плоти достиг Артаса.

Джайна убедилась, что второй огр сбежал, потерла руки и кивнула. Ее даже не пробрал пот.

- Господа, позвольте вас познакомить с мисс Джайной праудмур, - Артас растягивал слова, идя навстречу к своему другу детства и бывшей возлюбленной. - Специальный агент Кириин Тора, и одна из самых талантливых волшебниц на земле. Похоже ты не потеряла свою хватку.

Она посмотрела ему в лицо и улыбнулась. В этот момент между ними не было никакой неловкости, лишь радость встречи. Она была рада видеть его, а он - ее, внутри него растеклось тепло.

- Рад снова видеть тебя.

Так много в этих нескольких почти формальных словах. Но она поняла его. Она всегда понимала его. Ее глаза сверкали, когда она ответила ему: Я тоже. Прошло много времени, когда принц в последний раз сопровождал меня.

- Да, - ответил он с толикой раскаяния в голосе. - Так оно и есть. - Нависла неловкая пауза, Джайна опустила голову, и он откашлялся. - Чтож, предполагаю, мы выдвигаемся.

Она кивнула, отозвав элементаря взмахом руки.

- Я не нуждаюсь в этом ухажёре будучи в обществе таких статных солдат, - сказала она, подарив Фалрику и его людям одну из самых ее лучших улыбок. - Итак, Ваши Высочество, что Вы знаете об этой чуме, которое мы собираемся исследовать?

- Не очень много, - был вынужден признаться Артас, начав свой поход. - Отец просто отправил меня сюда, чтобы помочь тебе. Утер недавно бился вместе со мной с орками. Но, полагаю, если этим делом заинтересовались волшебники Даларана, это как-то связано с магией.

Она кивнула, все еще улыбаясь, хотя ее лоб начал хмуриться знакомым ему способом. Артас чувствовал странную острую боль в сердце, заметив это.

- Ты полностью прав. Хотя я не уверена, как это связано. Именно поэтому мой наставник Антонидас отправил меня, чтобы осмотреться и сообщить о результатах. Мы должны проверить деревни вдоль Королевской дороги. Поговорим с жителями - может они скажут что-нибудь полезное. Надеюсь, они не заражены и тут не происходит ничего серьезного, просто локальная вспышка какой-то болезни.

Он, зная ее хорошо, мог расслышать нотки сомнения в ее голосе. Он все понял. Если Антонидас действительно полагал, что все это не серьезно, он не послал бы своего лучшего ученика для проверки - как и Король Теренас не послал бы своего сына.

Он решил изменить тему.

- Интересно, имеет ли это какое-либо отношение к оркам. - Она приподняла бровь, и он продолжал. - Уверен, ты уже слышала о побегах из резерваций для орков?

Она кивнула.

- Да. Я иногда спрашиваю себя, была ли та небольшая семья, что мы видели, среди тех, кто сбежал.

Он тревожно прервал ее: Ну, если это так, то они могут вновь начать поклоняться демонам.

Ее глаза расширились.

- Что? Я думала, что это искоренилось уже давным-давно - и орки больше не используют демоническую энергию.

Артас пожал плечами.

- Отец послал Утера и меня, чтобы помочь защитить Странбард. К тому времени, как я добрался туда, орки уже всю хватали сельских. Мы проследили за ними до их лагерной стоянке, и там было трое мужчин... которых они принесли в жертву.

Джайна внимательно его слушала, причем не только ушами, но и, как она всегда делала, всем телом, концентрируясь на каждом его слове. О, Свет, как она была прекрасна.

- Орки сказали, что они делали это для демонов. Язык не поворачивается назвать это небольшое приношение жертвой, они явно хотели добыть больше.

- И Антонидаас похоже думает, что эта чума магическая по своей сути, - пробормотала Джайна. - Интересно, есть ли связь? Услышнное приводит меня в уныние, что они вернулись ради этого. Но, возможно, это всего лишь единичный клан.

- Возможно - а возможно и нет. - Он вспомнил, как Тралл боролся на ринге, вспомнил, что даже тот орочий сброд на удивление неплохо сражались. - Мы не можем позволить себе рискнуть. Если мы подвергаемся нападению, у моих людей есть приказ убить их всех. - На секунду он вспомнил о ярости, что бушевала в нем, когда лидер орков ответил на

предложение Утера о сдаче. Двое мужчин, которые были выбраны, чтобы вести переговоры, были убиты, и их лошади вернулись без всадников - вот такое было из бессловесное, чудовищное сообщение.

- Давайте пойдем и покончим с этими животными! - выкрикнул он, и молот, который выдали ему при вступлении в ряды Серебряной Длани, ярко запыхал. Он немедленно бы бросился в атаку, но Утер прекрыл его путь рукой.

- Помни, Артас, - сказал он спокойным голосом, - мы - паладины. Месть не может быть частью того, что мы должны делать. Если мы позволим нашим эмоциям обратиться к жажде крови, то мы не будем ничуть лучше этих мерзких орков.

Слова каким-то образом проникли сквозь его гнев. Артас сжал зубы, наблюдая, как увели лошадей, до сих пор напуганных смертью их наездников. Слова Утера были мудры, но Артас чувствовал, что он подвел тех людей, что были на тех лошадях. Подвел их, так же, как он подвел Неукротимого, и теперь они были мертвы, как и то великолепное животное. Он глубоко, уравновешенно вдохнул.

- Да, Утер.

Его спокойствие было вознаграждено - Утер поручил ему вести наступление. Если только он прибыл вовремя, ему бы удалось спасти тех трех бедных мужчин.

Нежное прикосновение к его руке вернуло его в настоящее, и даже не думая, по старой привычке, он ухватился за эту руку. Она отдалилась, затем слегка напряжено улыбнулась ему.

- Я очень, очень рад снова видеть тебя, - сказал он импульсивно.

Ее улыбка смягчилась, стала настоящей, и она сжала его руку.

- Как и я Вас, Ваша Высочество. Между прочим, спасибо, что сдержали своего человека, когда мы встретились. - Улыбка прератилась в полноценную усмешку. - Как однажды говорила Вам, я не из фарфора сделана.

Он засмеялся.

- Ну конечно же нет, моя леди. Если что, Вы будете сражаться рядом с нами.

Она вздохнула.

- Надеюсь, у нас не будет никакой драки - только исследование. Но я сделаю то, что должна. Я всегда так поступаю.

Джайна оттянула свою руку. Артас еле скрыл свое разочарование.

- Как и все мы, моя леди.

- Ох, оставь этот тон. Я - Джайна.

- А я - Артас. Рад с вами познакомиться.

Тогда она его пихнула, они засмеялись, и внезапно барьер между ними бесследно исчез. Его сердце выпрыгивало из груди, когда он смотрел на нее, вновь идущую рядом с ним. Впервые они оказались вместе перед лицом настоящей опасности. Внутри него все перемешалось. С одной стороны он желал, чтобы она находилась в безопасности, но также он хотел позволить ей продемонстрировать свои способности. Правильно ли он поступил? Или было слишком поздно? Тогда он сказал ей, что не был готов, и это было правда - в то время он многого не понимал. Но с того Зименго Покрова изменилось очень многое изменился. А некоторые вещи не изменились вообще. Разнообразные эмоции разрывали его, и он откинул их всех, кроме одного: получения удовольствия от её присутствия.

Они разбили лагерь до наступления сумерек на небольшой опушке рядом с дорогой. Лунного света не было, лишь звезды сияли в сплошной тьме над ними. Джайна шутя разожгла костер, сотворила несколько восхитительных напитков и хлеб, затем заявила: "Все готово". Мужчины посмеялись и любезно подготовили оставшую половину ужина - зажарили кролика на вертеле и достали припасенные фрукты. Всем раздали вино, и сборище стало похоже больше на вечеринку товарищей, нежели на готовый к битве отряд, исследующая смертельно опасную чуму.

Позже Джайна отсела от группы. Ее глаза устремились в небо, улыбка украшала ее лицо. Артас присоединился к ней и предложил еще вина. Она потянулась за своим кубоком, и сделала глоток одновременно с ним.

- Что за прекрасное вино, Ваше Вы... Артас, - заметила она.

- Одно из преимуществ того, что ты принц, - на что ответил он. Он лег рядом с нею, протянув свои ноги, одну руку он подложил как подушку за

свою голову, другой рукой он поддержал кубок на своей груди, покуда он любовался звездами.

- Как ты думаешь, что мы найдем?

- Не знаю. Меня отправили сюда в качестве исследователя. Все же я не удивлюсь, если это имеет какое-то отношение к демонам, учитывая твои столкновениями с орками.

Он кивнул в темноте, но поняв, что она не может видеть его, добавил: Согласен. Странно, что среди нас нет жрецов.

Она повернулась к нему и улыбнулась.

- Ты - паладин, Артас. Свет идет через тебя. К тому же ты орудуешь своим молотом лучше, чем любой жрец, которого я видела.

Он усмехнулся. Они замолчали, и как только он начал протягивать к ней свою руку, она вздохнула и вскочила на ноги, допив свое вино.

- Уже поздно. Не знаю, как ты, но я уже без сил. Увидимся утром. Хороших снов, Артас.

Но он не мог уснуть. Он ворочился в своем спальном мешке, всматриваясь в небо, звуки ночи умудрялись привлекать его внимание, даже когда он действительно начинал клевать носом. Он мог больше смириться с этим. Он всегда был импульсивен, и он знал это, но черт возьми...

Он отбросил назад одеяло и сел. В лагере было тихо. Здесь над ними не нависала опасность, так что не было никаких часовых наеку. Артас, стараясь особо не шуметь, поднялся и пошел туда, где, как он знал, спала Джайна. Он опустился на колени возле нее и смахнул ее волосы с лица.

- Джайна, - прошептал он, - проснись.

Как и той той ночью, она вновь бесшумно проснулась и ничуть не испугалась, с любопытством уставившись на него.

Он усмехнулся.

- Готова к приключениям?

Она, улыбнувшись, окинула свою голову назад, очевидно также вспомнив прошлое.

- Что за приключение? - спросила она в ответ.

- Доверься мне.

- Я всегда верю тебе, Артас.

Они говорили шепотами, пары их дыхания поднимались в холодный ночной воздух. Она привстала, оперевшись на один локоть, он поступил также, потянувшись другой рукой, чтобы коснуться ее лица. Она не отстранилась от него.

- Джайна... я думаю, есть причина, что мы снова вместе.

Чтобы это ни было, на ее лбу появилась небольшая морщинка.

- Конечно. Твой отец послал тебя, чтобы...

- Нет, нет. Не это. Мы работаем теперь как команда. Мы... будем стараться, чтобы выполнить нашу задачу.

Она ничего не сказала. Он продолжал гладить ее гладкие щеки.

- Я... когда это закончится... может, мы сможем... поговорить... Ну ты знаешь.

- О том, как все закончилось на Зимнем Покрове?

- Нет. Не о конце. О начале. Мир кажется мне опустевшим без тебя. Ты знаете меня, как никто другой, Джайна, и я скучал по тем дням, когда мы были вместе.

Она долго молчала, затем тихо вздохнула и потерлась своей щекой об его руку. Он вздрогнул, поскольку она поцеловала его ладонь.

- Я никогда не могла отказать тебе, Артас, - сказала она с ноткой смеха в своем голосе. - И да. Все вокруг мне тоже казалось невыносимым. Я очень скучала по тебе.

Облегчение нахлынуло на него, и он склонился над ней, охватил ее руками и принялся неистово целовать. Вместе они доберутся до сути этой тайны, решат ее, и вернуться домой героями. Затем они поженятся, возможно, весной. Он хотел видеть, как на нее падают лепестки роз. А позже у них будут те светловолосые дети, о которых говорила Джайна.

Они так и не стали близки этой ночью, не здесь, будучи окруженными спящими людьми Артаса, но он присоединился к ней под одеялом, пока

суровый рассвет не заставил его неохотно возвращаться назад к его лежбищу. Тем не менее, прежде чем он ушел, он крепко-крепко обнял ее.

Потом он немного поспал, уверенный, что ничто - ни чума, ни демон и ни тайна не могут противостоять их союзу - принца Артаса Менетила, паладина Света, и Леди Джайна Праудмур, мага. Они пройдут через это вместе - чего бы это ни стоило.

ГЛАВА 10

К середине утра следующего дня они начали обходить разбросанные фермы. «Деревня находится не так далеко», - сказал Артас, сверяясь с картой.

«Ни одна из этих ферм не отмечена здесь».

«Нет», - твердо сказал Фалрик. В его речи с принцем была некая степень фамиллярности, поскольку эти двое давно знали друг друга. Артас стал полагаться на решительность людей, и Фалрик возглавлял список тех, кого бы он хотел видеть в своем сопровождении. Теперь Фалрик поднял свою седеющую голову. «Я вырос в этих местах, сэр, и большинство этих фермеров являются независимыми. Они привозят свою продукцию и домашний скот в деревни, продают ее и возвращаются домой».

«Из-за плохих отношений?»

«Не совсем, Ваше Высочество. Это просто образ жизни».

«Если это отношения», - сказала Джайна, - «тогда, если кто-нибудь заболит, они могут и не позвать помощь извне. Эти люди могут быть больны».

«Джайна хорошо подметила. Давайте посмотрим, сможем ли мы найти этих фермеров», - приказал Артас, вскочив на свою лошадь. Они приближались медленно, давая фермерам время заметить их и подготовиться. Если они жили изолированно, и чума действительно распространилась здесь, фермерам следовало бы опасаться больших групп, обрушивающихся на них.

Глаза Артаса осматривали местность, когда они приближались к ферме. «Глядите», - сказал он, указывая. «Ворота сломаны и домашний скот сбежал».

«Это нехороший знак», - тихо сказала Джайна.

«Неужели никто не выйдет поприветствовать нас», - сказал Фалрик. «Или даже бросить нам вызов».

Артас с Джайной обменялись взглядами. Артас подал знак группе остановиться.

«Приветствую вас всех!» - произнес он сильным голосом. «Я Артас, принц Лордерона, и мои люди и я не желаем вам вреда. Пожалуйста, выходите и поговорите с нами – у нас имеются вопросы, касающиеся вашей безопасности».

Тишина. Поднялся ветер, разглаживая акры травы, что, должно быть, были пастбищами для выпаса крупного рогатого скота и овец. Единственными звуками было его тихое дыхание и скрип их собственных доспехов, поскольку те двигались с трудом.

«Здесь никого нет», - сказал Артас.

«Или, возможно, они слишком слабы, чтобы выйти», - ответила Джайна. «Артас, мы должны, по крайней мере, пойти и посмотреть. Они могут нуждаться в помощи!»

Артас взглянул на своих людей. Они не выглядели особо жаждущими зайти в дом, который может кишеть жертвами чумы, и, по правде говоря, он тоже. Но Джайна была права. Это были его люди. Он поклялся помогать им. И так он и поступит, куда бы это обещание ни приведет, чего бы ни потребует.

«Пошли», - сказал он и спешился. Рядом с ним то же сделала и Джайна. «Нет, ты останешься здесь».

Ее золотые брови сдвинулись в хмуром взгляде. «Я говорила тебе, что я не маленькая хрупкая статуэтка, Артас. Меня отправили исследовать чуму, и если здесь действительно находятся жертвы, мне необходимо увидеть их лично».

Он вздохнул и кивнул. «Тогда все хорошо».

Он быстро зашагал к дому. Они были уже почти в саду, когда ветер поменялся.

Зловоние было ужасным. Джайна прикрыла свой рот, и даже Артас боролся с тем, чтобы не заткнуть свой. Это была тошнотворная сладковатая вонь скотобойни – нет, даже не свежая; это было зловоние мертвечины. Один из его людей повернулся, и его вырвало. Только благодаря сильной воле Артас не присоединился к нему. Омерзительный запах шел изнутри дома. Теперь стало очевидным, что произошло с жителями.

Джайна повернулась к нему, бледная, но решительная. «Я должна осмотреть...»

Ужасные, чисто звучащие вопли наполнили воздух вместе со смрадом смерти, когда изнутри и из-за дома к ним понеслись с удивительной скоростью существа. Молот Артаса неожиданно запылал светом, да таким ярким, что от этого ему пришлось прищурить глаза. Он побежал, поднимая свой молот, и пристально смотря в глазные впадины ходячего кошмара.

На нем была надета грубая рубашка и рабочий полукOMBинезон, а орудием служили вилы. Однажды это был фермер. Точнее был в то время, когда был живым. Теперь он был определенно мертв, серо-зеленая плоть слезала с его скелета, его гниющие пальцы оставляли на рукояти вил грязные частицы. Черная, густая жидкость сочилась из гнойников, и его булькающий рев забрызгал незащищенное лицо Артаса сгустками гноя. Он был так шокирован этим появлением, что едва успел поднять свой молот, чтобы отразить удар вил. Он воспользовался своим священным оружием как раз вовремя, чтобы выбить орудие фермера из рук ходячего мертвеца и опустить светящийся молот в сокрушительном ударе на его туловище. Существо упало и больше не поднималось. Но другие заняли его место. Артас услышал глухой звук и знак потрескивания огненных стрел Джайны, а затем неожиданно другой запах прибавился к тошнотворным испарениям – запах горелой плоти. Вокруг себя он слышал только лязг оружия, пронзительные боевые крики людей и треск пламени. Один из трупов растерянно метался по дому, его тело было и одежда были объаты пламенем. Несколько минут спустя дым начал валить из открытой двери.

Что это было...

«Все на выход, сейчас же!» - выкрикнул Артас. «Джайна! Сожги эту ферму! Сожги ее до земли!»

Несмотря на ужас и панику, что поднялись среди его людей – тренированных солдат, всех до одного, но не готовых к этому – его приказы были услышаны. Люди развернулись и побежали от дома. Артас пристально взглянул на Джайну. Ее губы были сурово сжаты, глаза сконцентрированы на доме, и огонь уютно пылал в ее маленьких руках, будто язычки пламени были безвредны как цветы.

Огромная огненная стрела размером с человека пронеслась в дом. Он вспыхнул пламенем, и Артас поднял свои руки, чтобы прикрыть лицо от взрыва. Несколько оживших трупов оказались в ловушке внутри. На мгновение Артас уставился на пламя, неспособный оторвать от него глаз, затем заставил себя переключить свое внимание на убийство тех, что не были пойманы в костре. Работа оказалась делом нескольких минут, а затем все существа были мертвы. В этот раз действительно мертвы.

Долгое время висела тишина, нарушаемая трескучими звуками огня, пожирающего пылающий дом. С тихим скрипом здание развалилось. Артас был рад, что не видит трупы, поскольку они обратились в пепел.

Он успокоил свое дыхание и повернулся к Джайне. «Что...»

Она с трудом глотнула. Ее лицо было черным от копоти, местами смытой стекающими потоками пота. «Они – их называют нежитью».

«Сохрани нас Свет», - пробормотал Фалрик, его глаза были выпучены а лицо бледным. «Я думал, подобные существа были просто байками, которыми пугали детей».

«Нет, они достаточно настоящие. Я просто – я никогда не видела ни одного прежде. И никогда не ожидала увидеть. Мертвые...». Она сделала глубокий вздох и успокоила себя, снова контролируя свой голос. «Мертвые иногда задерживаются, если их смерть была травматической. Вот что дает начало историям о призраках».

Ее поведение успокоилось после кошмара. Артас заметил, что его люди повернулись послушать ее, желая хоть немного понять, что, черт возьми, только что произошло с ними. Он тоже был более признателен за ее книжные знания, чем он мог раньше предположить.

«Ож... Оживление трупов отдельными могущественными некромантами не новость. Мы видели примеры этому как в Первой Войне, когда орки могли поднимать остатки скелетов, так и во Второй с появлением тех, что станут известны как рыцари смерти», - продолжила Джайна, скорее повторяя отрывок, чем пытаясь объяснить ужас, который мог осмыслить разум. «Но как я уже сказала – я никогда не видела их прежде».

«Хорошо, теперь они действительно мертвы», - произнес один из его людей. Артас ободряюще улыбнулся ему.

«Мы должны поблагодарить за это ваши мечи, Свет и огонь Леди Джайны», - сказал он им.

«Артас», - спросила Джайна. «Можно тебя на минутку?»

Они отошли на небольшое расстояние, пока люди стали очищаться и приводить себя в чувство после пугающего столкновения. «Похоже, я знаю, что ты собираешься сказать», - начал Артас. «Тебя послали сюда выяснить, была ли эта чума магической природы. И похоже, что так оно и есть. Магия некромантов».

Джайна молча кивнула. Артас взглянул на своих людей. «Мы даже еще не достигли основных деревень. У меня такое чувство, что нам еще предстоит столкнуться с этой... нежитью».

Джайна нахмурилась. «У меня такое чувство, что ты прав».

Когда они оставили скопление ферм, Джайна потянула свою лошадь и остановилась.

«Что ты ищешь?» - подъехал к ней Артас. Джайна указала. Он последовал за ее взглядом, чтобы увидеть зернохранилище, одиноко стоящее на холме. «Амбар?»

Она помотала головой. «Нет... земля вокруг него. Она спешилась, встала на колени и коснулась почвы, зачерпнув рукой сухой земли и мертвой травы. Она осмотрела ее, потыкав маленькое насекомое, шесть ножек которого сжались в смерти, затем просеяла землю сквозь свои пальцы, как слабый ветерок подхватил пылевидную почву и унес ее небольшим облаком пыли. «Как будто земля вокруг этого амбара... умирает».

Артас перевел взгляд с ее руки на землю. Он понял, что она была абсолютна права. В нескольких ярдах позади него трава была здоровая и зеленая, почва вероятно все еще богатая и плодородная. Но под его ногами и в районе вокруг амбара она была мертва, как если бы стояла середина зимы. Нет – это не была хорошая аналогия – во время зимы земля спала. В ней все еще была жизнь, дремлющая, но готовая пробудиться с приходом весны.

Здесь же жизни не было вообще.

Он пристально взглянул на амбар, прищулив глаза цвета морской волны. «Что могло вызвать это?»

«Я не уверена. Это напоминает мне то, что случилось с Темным Порталом и Выжженными Землями. Когда портал открыли, демонические энергии, высосавшие жизнь из Дренора, вылились сквозь него в Азерот. И земля вокруг портала...»

«...умерла», - закончил Артас. Неожиданно у него промелькнула мысль. «Джайна – может ли это зерно быть заражено чумой? Неся эту – эту демоническую энергию?»

Ее глаза расширились. «Надеюсь, что нет». Она указала на ящики, которые люди вытаскивали из амбара для зерна. «На ящиках печать Андорала, торговой столицы северных земель. Я даже представить себе боюсь, сколько деревень будет охвачено эпидемией, если зерно действительно отравлено».

Она почти прошептала слова, выглядя бледной и больной. Он уставился на ее руки, серые от пыли мертвой земли. Страх неожиданно проснулся в Артасе, и он схватил ее руки. Закрыв свои глаза, он прошептал молитву. Теплый свет наполнил его, распространившись через его руки к ее. Джайна взглянула на него, сбитая с толку, затем вниз на свои руки, сжатые в его сияющих руках. Ее глаза наполнились ужасом, поскольку то, что она только сейчас поняла, возможно, было единственным спасением.

«Благодарю», - прошептала она.

Он подарил ей слабую улыбку, затем обратился к своим людям. «Перчатки! Каждый человек в этом районе должен носить перчатки! Никаких исключений!»

Его капитан услышал его и кивнул, повторяя приказ. Большинство людей были полостью в броне, и поэтому они уже носили рукавицы. Артас тряхнул головой, разгоняя беспокойство, что еще осталось в нем. Он не почувствовал ни одной болезни в Джайне вообще.

Спасибо Свету.

Он прижал ее руку к своим губам. Джайна, взволнованная, слегка покраснела и нежно улыбнулась. «Это было глупо с моей стороны. Я не подумала».

«К счастью для тебя, я подумал».

«Прямо мы поменялись местами», - неудачно пошутила она, даря ему улыбку и поцелуй, чтобы смягчить колкость насмешки.

Теперь их миссия стала ясна – найти и уничтожить любой амбар для зерна, что они смогут. На следующий день их миссия получила поддержку в виде пары квел’дорейских жрецов, с которыми столкнулись войска Артаса. Они тоже почувствовали зло, что стало распространяться по земле, и пришли предоставить все свои целительные способности. Также они оказали более ощутимую помощь – они смогли направить Артаса к складу в дальнем конце деревни, к которой они приближались.

«Впереди несколько домов, сэр», - сообщил Фалрик.

«Хорошо, тогда», - ответил Артас, - «давайте...»

Неожиданный гул почти застал его врасплох, и его лошадь встала на дыбы, напуганная.

«Что за...?» Он посмотрел в направлении, откуда доносились звуки. Маленькие фигурки были еле видимы, но ошибки в звуке быть не могло. «Это огонь мортир. Пошли!» Он вернул контроль над своей лошадью, развернул ее голову и поскакал в направлении звука.

Несколько дворфов посмотрели в их сторону, когда они приблизились, такие же удивленные при виде Артаса, как и он при виде их. Артас проехал до остановки. «Во что это вы стреляете?»

«Разносим по костям этих чертовых скелетов. Горящая деревня прямо кишит ими!»

Холодок пробежал по спине Артаса. Теперь он мог видеть их сам, теперь такие знакомые фигуры нежити со своей безошибочной шаркающей походкой, сокращающие расстояние. «Огонь!» - закричал лидер дворфов, и несколько скелетов разнесло на кости, разлетевшиеся в разных направлениях.

«Хорошо, мне нужна ваша помощь», - сказал Артас. «Нужно уничтожить амбар на окраине деревни».

Дворф повернулся к нему, его коричневые глаза расширились. «Амбар?», - переспросил он в неверии. «Мы занимаемся этими ходячими мертвецами, а ты беспокоишься об амбаре?»

У Артаса не было времени на разъяснения. «То, что находится в амбаре, убивает этих людей», - выкрикнул он, указывая на остатки скелетов. «И когда они умирают...»

Глаза дворфа широко открылись. «Ох, теперь я понял тебя. Парни! Выдвигаемся. Мы должны помочь отряду этого крепкого мальчика», - он взглянул на Артаса. «Кстати, кто же ты такой, крепкий мальчик?»

Даже посреди кошмара бесцеремонная суть вопроса заставила Артаса улыбнуться. «Принц Артас Менетил. А кто ты?»

На мгновение дворф застыл с открытым ртом, затем быстро пришел в себя. «Даргал, к вашим услугам, Ваше Высочество».

Артас не стал дальше тратить время на любезности, вместо этого пытаясь полностью успокоить своего коня, чтобы держаться рядом с теперь уже движущейся группой. Лошадь была боевая, из боевой породы, и хотя она не давала ему ни малейшего повода для беспокойства во время его битвы с орками, вонь нежити в ее ноздрях она явно не выносила. Он не мог винить ее, но ее испуг заставил его подумать о великом сердце Непобедимого и совершенном отсутствии страха. Он силой прогнал мысли; они лишь отвлекали. Ему было нужно сфокусироваться, а не оплакивать животное, определенно более мертвое, чем неуклюжие трупы, разносимые на кусочки.

Джайна и его люди шли позади него, ловя тех, что не были полностью уничтожены огнем мортир, и тех, что спотыкались сбоку и сзади него. Энергия наполнила его, текла через него, когда он неумоимо размахивал своим молотом. Он был благодарен за своевременное прибытие Даргала. Тут было так много этих неживых существ, что он не был уверен, смогли ли его войска разобраться со всеми ими.

Объединенные отряды людей и дворфов медленно, но верно продвигались к амбару. Пока они приближались, нежить становилась более многочисленной, и к моменту, когда они увидели зернохранилище, маячащее вдали, их стало еще больше. Он спрыгнул со своей несчастной лошади и указал в их гущу, сжимая свой молот, что пылал мощью Света. Теперь, когда внутренний шок и ужас отступили, Артас обнаружил, что убийство этих чудовищ было даже лучше убийства орков. Возможно орки, как сказала Джайна, действительно были людьми – были личностями. Эти же существа были не больше, чем трупы, дергающиеся вокруг подобно марионеткам,

приводимым в движение какими-то извращенными кукловодами-некромантами. Они и падали как куклы с обрезанными ниточками, и он свирепо улыбнулся, когда два умертвя повалились от того же четкого, сметающего удара могучего орудия.

Похоже, что все здесь было мертво намного дольше; вонь вокруг них была не столь свежей, и тела были скорее мумифицированными, чем гниющими. Некоторые из них, как и в первой волне, были не больше, чем скелеты, в лохмотьях от одежды или самодельной броне на своих костлявых скелетах, дребезжащих, когда они двигались к Артасу и его людям.

Острый запах горячей плоти коснулся ноздрей Артаса и он улыбнулся, вновь благодарный присутствию Джайны, и он безмолвно продолжил сражаться. Он оглянулся вокруг, задыхаясь. До сих пор он не потерял ни одного человека, и Джайна, хоть и бледная от напряжения, была невредима.

«Артас!» - голос Джайны, сильный и ясный, раздался в шуме. Артас отправил на тот свет тушу, пытавшуюся обезглавить его косой, и во время полученной короткой передышки взглянул на нее. Она указывала вперед, подготовительный огонь уже пылал в ее ладонях и обхватывал ее пальцы. «Гляди!»

Он перевел свой взгляд в указываемом ею направлении, и его глаза сузились. Впереди стояла группа людей – определенно живых людей, судя по их движениям – одетых в черное. Они жестикулировали – колдуя или указывая – ясно направляя движение волн нежити, бросающихся сейчас на них.

«Туда! Цельтесь в них!» - закричал Артас.

Его люди развернули и зарядили пушки, прорубая себе путь сквозь нежить, их взгляды были устремлены к живым людям в черных робах. Наконец то мы до вас добрались, подумал Артас со свирепым удовлетворением.

Но как только они вышли прямо на линию огня, люди прекратили свою деятельность. Контролируемая нежить неожиданно остановилась, все еще оживленная, но больше не управляемая. Они были легкими целями для огня дворфийских мортир и людей Артаса, которые сражали их с первого удара и продвигались вперед. Колдуны собрались вместе и несколько из них начали читать заклинание, размахивая своими руками, и Артас узнал знакомый вид завихряющегося пространства, что говорило об их попытке создать портал.

«Нет! Не дайте им сбежать!» - закричал он, ударяя своим молотом в грудь скелету и возвращая его по дуге назад, чтобы проломить голову шаркающему зомби. Лишь Свет знал, откуда волшебники призывали еще больше ходячих мертвецов – скелетов, гниющих трупов и нечто огромное, бледное и, помимо прочего, обладающее множеством конечностей. Вдоль его странно-белого блестящего туловища шли швы шириной с руку Артаса, что выглядело, словно извращенная детская идея о тряпичной кукле. Оно возвышалось над остальными, сжимая в трех руках жуткие орудия, и смотрело на Артаса единственным рабочим глазом.

Каким-то образом Джайна оказалась сбоку от него и воскликнула: «Во имя Света – кажется, это создание собрано из кусков разных тел!»

«Давай сначала убьем его, а потом будем рассматривать?» - предложил Артас и пошел в атаку. Продукт поганого эксперимента приближался, издавая гортанные звуки и размахивая большим топором, сопоставимым с ростом Артаса. Он бросился с дороги, скатываясь и легко поднимаясь на ноги, чтобы напасть на чудовище сзади. Трое из его людей, двое из которых были вооружены глефами, сделали то же самое, и с омерзительным созданием было быстро покончено. Даже яростно сражаясь, он увидел краем глаза, как колдуны повернулись и прошли сквозь свой портал. А затем они исчезли. Вся брошенная ими нежить остановилась на своем месте, теперь неуправляемые трупы, которые были быстро уничтожены.

«Проклятье!» - закричал Артас. Рука опустилась на его руку, и он оттолкнул ее, черты его лица немного смягчились, когда он увидел, что это была Джайна. Он не был в настроении для утешений или пояснений, и ему было необходимо совершить нечто, что-нибудь, чтобы расплатиться со скрывшимися от него людьми в робах. «Уничтожьте этот амбар, сейчас же!»

«Да, Ваше Высочество! Парни, приготовились!» Дворфы двинулись вперед, как и он желая добиться хоть какой-нибудь победы. Пушки окружили мертвых людей и мертвую землю, пока они все не попали в зону поражения.

«Огонь!», - крикнул Даргал. Пушки загрохотали как одна, и Артас почувствовал горячую волну удовольствия, когда амбар рассыпался под атакой.

«Джайна! Сожги все, что осталось от него!» Она уже поднимала свои руки, прежде чем он начал говорить; они хорошо сработались вместе,

подумал он. Огромный шар потрескивающего пламени вылетел из ее рук, и амбар со своим содержимым немедля запылал. Они ждали, наблюдая за его горением, чтобы не позволить огню распространиться. На столь высушенной земле огонь мог быстро выйти из-под контроля.

Артас запустил руку в свои потные жесткие белокурые волосы. Тепло, исходящее от пылающего амбара было невыносимым, и он мечтал о легком ветерке. Он отошел на небольшое расстояние и толкнул убитое бледное создание латным ботинком. Его нога погрузилась в мягкую плоть, и он поморщил нос. Джайна присоединилась к нему. При близком осмотре казалось, что она была права – что существо действительно было сшито из разных частей тел.

Артас подавил дрожь. «Маги – одетые в черное...»

«Я – я боюсь, что они были некромантами», - ответила Джайна. «Как мы и предполагали раньше».

«Что нового?» - Даргал подошел к ним сзади и уставился на пораженное поганище с отвращением на своем лице.

«Некроманты. Маги, занимавшиеся темной магией – способные поднимать и управлять мертвыми. Очевидно, что они или тот, кому они служат, стоят за этой чумой». Она подняла свои серьезные голубые глаза к Артасу. «Демонические энергии могут быть замешаны, но я думаю, совершенно ясно, что мы выбрали неверный путь».

«Некроманты... создающие чуму, чтобы заполучить больше сырого материала для своей нечестивой армии», - прошептал Артас, косясь в направлении теперь дымящихся руин амбара. «Я доберусь до них. Нет – нет, я доберусь до их лидера. Он сжал свои кулаки. «Я доберусь до этого ублюдка, который обдуманно истребляет мой народ»! Он подумал о ящиках, которые видел раньше, и печати, которые на них стояли. Он поднял свои глаза и посмотрел вперед. «Готов поспорить, что мы встретим его в Андорале, там же мы найдем ответы на свои вопросы».

ГЛАВА 11

Артас нещадно торопил своих людей, он понимал это, но время было бесценно и нельзя было терять ни секунды. Его одолевали угрызения совести, когда он увидел, как Джайна разжёвывала какое-то засохшее мясо во время их поездки. Свет давал ему силы, когда он обращался к нему; маги же использовали различные энергии, и он знал, что Джайна была изнурена после недавнего интенсивного использования магии. Но отдохнуть времени не было, ведь теперь от них зависели тысячи жизней.

Его послали с миссией разузнать, что происходит, и прекратить это. Клубок происшествий начал распутываться, но он начинал сомневаться, а удастся ли ему остановить эту чуму. Все оказалось гораздо сложнее, чем на первый взгляд. Однако Артас не собирался сдаваться. Он не мог опустить руки. Он поклялся сделать все возможное, чтобы остановить это, спасти его народ, потому так и будет.

Они почуяли и увидели дым, возвышающийся в небо, прежде, чем они достигли ворот Андолара. Артас подумал, что если город горит, то, по крайней мере, зерно будет уничтожено тоже, но потом он постыдился своих бесчувственных мыслей. Он отбросил свои раздумья, пришпорил своего скакуна и въехал через врата, ожидая нападения в любой момент.

Вокруг них горели здания, от черного дыма першило в глазах и в горле, заставляя кашлять. Сквозь слезы он осмотрелся вокруг. Сельских жителей нигде не было, но не было и мертвых. Было лишь...

- Полагаю, вы пришли сюда в поисках меня, дети, - прозвучал вкрадчивый голос. Ветер поменялся, отведя дым в другое направление, и Артас увидел неподалеку фигуру, облаченную в черные одеяния. Принц напрягся. Значит, тот был лидером. Некромант улыбался, его глазки злобно поблескивали из тени его капюшона. Лишь из-за одной его ухмылки Артас был готов размозжить его голову. Возле него были два его, по-видимому, домашних мертвяка. – Что ж, вы нашли меня. Я - Кел'Тузад.

Джайна охнула, узнав имя, прикрыв рукой рот. Артас быстро окинул ее взглядом, затем вновь посмотрел на их собеседника. Он сильно сжал свой молот.

- Хочу предупредить вас, - сказал некромант. - Оставьте это дело. Ваше любопытство погубит вас.

- А я думала, почему эта магическая зараза мне казалась знакомой! - голос Джайны дрожал от возмущения. - Ты был обесчещен, Кел'Тузад, за свои нечестивые эксперименты! Мы предупреждали тебя, что это ведет к бедствиям. Но ты так ничему не научился!

- Леди Джайна Праудмур, - промурлыкал Кел'Тузад. - Похоже, что маленький ученик Антонидаса все же вырос. Позволь мне не согласиться с тобой, дорогая... как ты видишь, с тех пор я многому научился.

- Я видел твоих подопытных крыс! - прокричала Джайна. - Это было мерзко... но теперь ты...

- Продвинулся в своем исследовании и усовершенствовал результат, - лаконично закончил Кел'Тузад.

- Так это ты ответственен за эту чуму, некромант? - прокричал Артас. - Этот культ - твоих рук дело?

Кел'Тузад посмотрел на него, его глаза из капюшона недобро сверкнули.

- Да, это я приказал последователям Культа Проклятых распространять зараженное зерно. Но идея принадлежит не мне...

Прежде, чем Артас успел что-либо сказать, Джайна выпалила: О чем это ты?

- Я служу повелителю ужаса Мал'Ганису. Его карающая Плеть очистит эти земли, и здесь раскинется царство вечной тьмы!

От сказанного некромантом у Артаса все похолодело внутри несмотря на окружающее их пекло. Он не знал, кто был этот "повелитель ужаса", но что такое "Плеть" для него было ясно.

- Не уточнишь ли ты, от кого Плеть собирается очистить эти земли?

Тонкие губы под белыми усами искривились в безжалостной улыбке.

- От всех живых, конечно. Его план уже начал исполняться. Если тебе нужны доказательства, загляни в Стратхольм.

С Артаса было достаточно этих дразнящих намеков и насмешек. Он зарычал, схватился за рукоять своего молота и бросился вперед. За Свет! - прокричал он.

Кел'Тузад даже не пошевелился. Он продолжал стоять, но в последний момент воздух вокруг него исказился и съежился, и он исчез. Два существа, которые тихо стояли в сторонке, теперь протянули свои руки к Артасу, пытаясь повалить его на землю, их зловонная вонь могла задушить его не хуже, чем окружающий их дым. Он увернулся от них и нанес сильный точный удар по голове одного из них. Его череп разрушался как хрупкая стеклянная ваза, из сломанной головы по земле разбрызгались мозги. Со вторым он расправился также легко.

- К зернохранилищу! - закричал он, побежав к своей лошади и запрыгнув на нее. - Скорее!

Другие уже были наготове, и они понеслись по главной дороге вдоль горящей деревни. Внезапно перед ними выросли амбары. Огонь, сгубивший Анлодар, их не тронул.

Артас резко остановил свою лошадь и спрыгнул с нее, со всех ног бросившись к амбарам. Он распахнул дверь, отчаянно надеясь увидеть аккуратно сложенные ящики. Гнев и горе охватили его, единственное, что его ожидало там - пустота, за исключением нескольких упавших зерен и трупы крыс на полу. Ему стало дурно, он помчался к следующему амбару, затем к следующему, распахивая дверь ха дверью, великолепно понимая, что он там увидит.

Все они были пусты. И были таковыми уже некоторое время, судя по слою пыли на полу и паутине в углах.

- Поставки уже были разосланы, - упадчески сказал он, когда к нему подошла Джайна. - Мы прибыли слишком поздно! - Он ударил своим железным кулаком о деревянную дверь так сильно, что Джайна подскочила. - Черт побери!

- Артас, мы сделали все, что могли...

Он яростно посмотрел на нее.

- Я найду его. Я найду этого ублюдка-некрофила и оторву ему руки и ноги! Тогда посмотрим, сможет ли кто-нибудь сшить его обратно.

Он свирепствовал и трясся. Он потерпел неудачу. Под его руководством были люди, и он все равно проиграл. Зерно было разослано, и один лишь Свет знал, сколько из-за этого погибнет людей.

Из-за него.

Нет. Он не позволит этому случиться. Он защитит свой народ. Он погибнет, но защитит их. Артас сжал кулаки.

- На север, - сказал он своим людям, шедшим за ним следом. Они никогда раньше не видели такого приступа ярости у их обычно добродушного принца. - Он отправится туда. Давайте размажем его, как насекомого.

Он помчался как одержимый на север, черство забывая шаркающие трупы людей, пытавших остановить его. Его больше не охватывал ужасом от происходящего; перед его мысленным взором предстал лишь один образ человека, управляющего этой нежитью и мерзким культом, сотворившим все это. Мертвые должны были покоиться в мире; и Артас должен был это гарантировать, так или иначе.

Перед ним появилась огромная группа мертвых. Гниющие головы поднялись как один, они посмотрели на Артаса и его людей, и пошли на него. Артас выкрикнул - За Свет! - пнул своего коня, и взрезался в эту кучу трупов, размахивая молотом и бессвязно что-то выкрикивая, обрушивая свой гнев и досаду на них, прекрасных мишенях для этого. Когда наступило затишье, он начал озираться вокруг.

Целый и невредимый, вдали от поля битвы, за всем наблюдал, ничем не рискуя, высокий человек в трепещущем на ветру черном плаще. Как будто ожидание их.

Кел'Тузад .

- Вон! - закричал он. - Он там!

Джайна и его люди последовали за ним, леди очищала дорогу одним огненным шаром за другим, а его солдаты рубили нежить, которая не пала при их первой атаке. Артас почувствовал, как ярость справедливости запела в его крови, поскольку он все ближе и ближе пробирался к некроманту. Его молот возносился на небо и обрушивался на землю так легко, что он даже не замечал, кого он им валил. Его взгляд не отходил от того человека - если можно было так назвать этого монстра, ответственного за все это. Голову с плеч, и зверь будет повержен.

И Артасу это удалось. Рев негодования вырвался из его груди, он развернулся, замахнулся своим пылающим от света молотом с боку и ударил Кел'Тузада в коленья. От удара некроманта отбросило в сторону. Остальные тоже поджали, брэнчание и лязганье клинков усилились, солдаты выражали свое горе и непримирение на источнике, причины всего этого бедствия.

Не смотря на всю силу своей магии, казалось, даже Кел'Тузад должен был умереть как любой другой человек. Обе его ноги были сломаны сильным ударом Артаса и неестественно согнулись. Его одежда стала влажной от крови, ярко черный цвет разливался по черной ткани, и красная струйка сочилась из его рта. Он встал на руки и попытался что-то сказать, но изо рта харкнула кровь. Он попробовал снова.

- Наивный... глупец, - выдавил он, глотая слова. - Моя смерть ничего не значит... в целом... теперь... когда покорение этих земель... началось.

Его локти согнулись надвое, глаза закатились и он упал.

И сразу же его тело начало гнить. Разложение, которое должно было занять несколько суток, произошло за несколько секунд, плоть потускнела, опала и начала разрываться. Мужчины отшатнулись от трупа, закрыв свои носы и рты. Некоторых из них вырвало от зловония. Артас смотрел, одновременно испуганный и восхищенный, неспособный отвести взгляд. Жидкости сочилась от трупа, плоть приобрела мягкую консистенцию и стала черной. Неестественное разложение замедлилось, и Артас отвернулся, глотая свежий воздух.

Джайна была смертельно бледна, под ее испуганными встревоженными глазами появились темные круги. Артас подошел к ней и отвернул ее от этого отвратительного кошмара.

- Что с ним случилось? - спросил он тихо.

Джайна сглотнула, пытаясь успокоить себя. Все же она нашла в себе силы для беспристрастного заключения.

- Предполагается, что если некроманты не полностью точны в своих магических исследованиях, то, кхм... если они будут убиты, то они превращаются... - Ее голос затих, и внезапно ее лицо вновь исказило отвращение и шок. - В это.

- Мы выдвигаемся, - спокойно заявил Артас. - Идем в Дольный Очаг. Их нужно предупредить - если еще не поздно.

Они оставили тело, где оно лежало, больше на него не взглянув. Артас тихую помолился Свету, чтобы они успели вовремя. Он не знал, что он предпримет, если вновь потерпит неудачу.

Джайна был опустошена. Она знала, что Артас спешит как может, и она разделяла его беспокойство. Много жизней было под угрозой. И потому, когда он спросил ее, сможет ли она скакать всю ночь без остановки, она кивнула.

Они скакали без остановок в течение четырех часов, когда она очнулась на другой половине своего скакуна. Она была настоль утомлена, что потеряла сознание на несколько секунд. Страх охватил её, и она цепко схватилась за гриву лошади, затащив себя обратно на седло и натянув узду, чтобы лошадь остановилась.

Так она и стояла в течение нескольких минут, сжав в руках уздечку, пока Артас не понял, что она отстала. Смутно она услышала его зов. Молча она стала всматриваться в полумрак ночи, пока он, не спеша, не подъехал к ней.

- Джайна, что-то случилось?

- Я... прости, Артас. Знаю, ты спешишь, и я тоже, но... я так устала, что чуть не свалилась. Мы можем сделать привал, ненадолго?

Она видела, как беспокойство о ней и расстройство из-за сложившейся ситуации враждовали на его лице, даже в тусклом свете.

- Как ты думаешь, сколько тебе понадобится времени?

- Она хотела сказать - несколько дней, - но вместо этого сказала: Мне нужно просто что-то съесть и немного перевести дыхание.

Он кивнул, подойдя к ней, чтобы помочь ей слезть с лошади. Он отвел ее к обочине дороги, где он осторожно посадил ее. Джайна дрожащими руками нашла в своей сумке небольшой ломоть сыра. Она думала, что он покинет ее и пойдет к своим людям, но вместо этого он сел возле нее. Он излучал нетерпение, как огонь испускал жар.

Она откусила от сыра и стала его жевать, изучая профиль Артаса на фоне звездного неба. Среди того, что ей нравилось в Артасе, была его открытость, человечность и эмоциональность, именно так он обращался к ней. Но теперь,

хотя внутри него, конечно, кипели сильные эмоции, он казался отдаленным, как будто он был на расстоянии в сто километров от нее.

Импульсивно она коснулась рукой его лицу. Он очнулся, словно ранее он забыл, что она была рядом, затем слабо улыбнулся ей.

- Ты готова? - спросил он.

Джайна вспомнила, что пока что проглотила один-единственный кусок.

- Нет, - сказала она, - но ... Артас, я волнуюсь о тебе. Мне не нравится то, что происходит с тобой.

- Происходит со мной? - огрызнулся он. - А что происходит с сельскими жителями? Они умирают и затем превращаются трупы для некромантов, Джайна. Я обязан остановить это, я должен!

- Конечно, мы это сделаем, и я сделаю все, чтобы помочь тебе; ты же знаешь. Но... я никогда не видела, что ты кого-то так ненавидел.

Он резко рассмеялся.

- Так ты хочешь, чтобы я полюбил некромантов?

Она нахмурилась.

- Артас, не передергивай мои слова. Ты - паладин. Слуга Света. Ты - целитель ровно настолько, насколько и воин, но все, что я вижу в тебе - это желание истребить врага.

- Ты начинаешь говорить как Утер.

Джайна не отвечала. Она была настолько утомлена, что ей было сложно собраться с мыслями. Она еще откусила от сыра, сосредоточившись на то, что нужно получать крайне необходимое ей питание. По некоторым причинам, ей было тяжело глотать.

- Джайна... я лишь хочу, чтобы невинные люди перестали умирать. И все. И... я допускаю, я расстроен, что, может быть, не вижу, что творю. Но как только это закончится, ты увидишь, все будет снова прекрасно. Я обещаю.

Он улыбнулся ей, и на мгновение она увидела старого доброго Артаса. Она улыбнулась в ответ, что, она надеялась, внешне выглядело как примирение.

- Так ты готова?

Два укуса. Джайна отбросила в сторону остальную часть сыра.

- Да, я готова. Давай продолжим наш путь.

Черный ночной небосвод сменился на пепельные серые предрассветные небеса, когда они услышали орудийный огонь. Сердце Артаса замерло. Он подгонял свою лошадь всю их дальнюю дорогу на север, проскакивая мимо обманчиво мирных холмов. Вне ворот Дольного Очага они видели несколько людей и дворфов, вооруженных винтовками - все целились в них. До него легким бризом долетел приятный аромат свежего хлеба, неестественно смешанного с запахом пороха.

- Не стреляйте! - закричал Артас, покуда его войска приблизились к городу. Он натянул узду так сильно, что лошадь встала на дыбы. - Я - принц Артас! Что происходит? Почему вы все вооружены?

Они опустили ружья, явно удивленные, что перед ними стоял их принц.

- Сэр, Вы не поверите тому, что произошло.

- А вы попытайтесь, - сказал Артас.

Артас не был удивлен первыми словами - мертвые восстали и начали нападать. Но его крайне поразили следующие - "огромная армия". Он поглядел на Джайну. Она выглядела совершенно разбитой. Небольшого перерыва, который они устроили вчера вечером, очевидно, не было достаточно, чтобы она отдохнула.

- Сэр, - отрапортовал один прибежавший разведчик, - армия - она направляется к нам!

- Проклятье, - пробормотал Артас. Этот небольшой отряд людей и двофров мог бы запросто справиться с отдельными отрядами, но не с целой армией этих проклятых существ. Он принял решение.

- Джайна, я остаюсь здесь и буду защищать деревню. Ты должна как можно быстрее добраться до лорда Утера и рассказать ему о случившемся.

- Но...

- Джайна, иди! Дорога каждая секунда

Она кивнула. Свет благословил ее и ее ум. Он отправил ей улыбку благодарности прежде, чем она вступила в портал, который она создала, и исчезла.

- Сэр, - сказал Фалрик, и что-то в его голосе заставило Артаса развернуться. - Вам бы лучше... самим посмотреть на это.

Артас проследил за взглядом своего человека, и его сердце сжалось. Пустые ящики... были помечены знаком Андорала...

Все еще надеясь, что был неправ, Артас спросил сиплым голосом: Что находилось в этих ящиках?

Один из жителей Дольного Очага озадачился и посмотрел на него.

- Очередной груз зерна из Андолара. Не беспокойтесь, милорд, зерно уже раздали крестьянам. У нас теперь много хлеба.

Этот запах - это был не обычный аромат свежесвепеченного хлеба, а чуть-чуть, слишком слаще - и Артас понял это. Он застыл, но ненадолго, вся чудовищность ситуации, истинный размах этого кошмара предстал перед ним. Зерно раздали... и внезапно появилась огромная армия нежити.

- О, нет, - прошептал он. Они уставились на него, и он попробовал что-то им сказать, но его голос дрожал. Но на сей раз не от ужаса, а от ярости.

Чума была нужно не просто, чтобы убивать людей. Нет, нет, все было куда более хуже, куда более зловещее, чем это. Она была нужна, чтобы превращать их в...

Как только его осенила эта мысль, человек, который ответил на вопрос Артаса о ящике, согнулся. Несколько других последовали его примеру. Странное зеленое сияние окутало их тела, пульсируя и становясь все сильнее. Они хватались за свои животы и падали на землю, кровь хлестала из их ртов, марая рубашки. Один из них протянул руку к нему, прося о помощи. Вместо этого пораженный Артас отскочил в ужасе, смотря, как человек корчился от боли и умер через пару секунд.

Что он наделал? Человек попросил его о помощи, а Артас даже не протянул ему руку. Но мог ли он его исцелить, думал сейчас Артас, уставившись на труп. Мог ли Свет...

- Свет милосердный! - закричал Фалрик. - Хлеб...

Артас очнулся из своего виновного транса. Хлеб - самая полезная и здоровая пища - теперь стал даже опаснее смертельного яда. Артас открыл было рот, чтобы выкрикнуть, предупредить его людей, но его язык окоченел.

Чума, заключенная в зерне, действовала даже раньше, чем потрясенный принц смог придти в себя.

Глаза мертвеца открылись. Он накренился и присел.

Именно так Кел'Тузад создал армию нежити за столь удивительно короткое время.

Безумный хохот отозвался эхом в его ушах - Кел'Тузад маниакально смеялся, торжествуя даже после смерти. Артас подумал, а сходил ли он с ума от всего, чем он стал свидетелем. Нежить вскарабкивалась на ноги, и их движения побудили его к действию и развязали его язык.

- Защищайтесь! - закричал Артас, замахнувшись молотом прежде, чем труп успел подняться на ноги. Другие оказались быстрее, они встали и обратили на него винтовки, которые они при жизни использовали бы для защиты Артаса. Единственное преимущество, которое у него было, состояло в том, что нежить не особо была искусна в использовании своего оружия, и большинство выстрелов, которые они выпустили, пошли мимо. Люди Артаса, тем временем, нападали смело с решительными и мрачными лицами, круша черепа, рубя головы, разрезая тех, кто был недавно их союзниками.

- Принц Артас, армии нежити прибывают!

Артас развернулся, его броня была забрызгана кровью, но он был удивлен.

Так много. Их было так много, скелеты давно умерших, свежие трупы недавно погибших, много бледных мерзких поганищ с грохотом шли на них. Он мог ощутить панику. Они сражались с горстками, но не с этим - целой армией ходячих мертвецов.

Артас сделал выпад молот, атаковав воздух. Тот вспыхивнул и запылал жизнью.

- Ни шагу назад! - закричал он слабым и дрожащим, резким и сердитым голосом. - Мы - войны Света, и не должны отступить!

Свет придал ему решительности, и он бросился вперед.

Джайна была полностью без сил, что никогда себе не позволяла. Истощенная после нескольких суток борьбы с небольшими перерывами, а иногда вообще без них, она упала в обморок сразу после окончания телепортации. Она подумала, что на мгновение потеряла сознание, поскольку следующей вещью, которую она увидела, был ее наставник, склонившейся над нею, поднимающий ее с пола.

- Джайна... дитя, что произошло?

- Утер, - еле высказала Джайна. - Артас... Дольный... Очаг... - Она встала и сжала мантию Антонидаса. - Некроманты... Кел'Тузад... поднял мертвых на бой...

Глаза Антонидаса расширились. Джайна сглотнула и продолжила: Артас и его люди сражаются одни в Дольном Очаге. Он немедленно нуждается в подкреплении!

- Думаю, Утер во дворце, - сказал Антонидас. - Я сейчас же пошлю туда несколько магов, чтобы они открыли портал для всех, кого он возьмет с собой. Ты постаралась на славу, моя дорогая. Я очень горжусь тобой. А теперь ты должна отдохнуть.

- Нет! - запротестовала Джайна. Она едва стояла на своих ногах, не падая лишь из-за того, что держалась за спину Антонидаса. - Я должна быть с ним. Я буду в порядке. Идемьте!

Артас уже не знал, как долго он сражается. Он раскачивал своим молотом почти непрерывно, его руки дрожали от напряжения, в его груди полыхало. Лишь сила Света, непрерывно текущая внутри него, поддерживала его и его людей на их ногах. Нежить, казалось, слабла перед ликом Света, однако было похоже, что это было ее единственная слабость. Чтобы остановить их продвижение, их нужно было только убить - хотя Артас сомневался, можно ли это назвать "убийством", если они итак уже были мертвы.

Мертвецы продолжали прибывать. Волна шла за волной. Его подданные - его люди - были превращены в эти штуки. Он занес своими уставшими руками молот для еще одного удара, как в пылу битвы прозвучал знакомый ему голос:

- За Лордерон! Для короля!

Люди сплотились, услышав пылкий клич Утера Светоносного, возобновив атаку. Утер прибыл с крупным отрядом рыцарей, не уставших и готовых к битве. Они не уstraшилиcь нежити. Джайна, несмотря на усталость и боль также пошла вместе с Утером и рыцарями: очевидно, она достаточно их проинструктировала, чтобы драгоценные секунды не были потрачены впустую на преодоление шока перед происходящим. Нежить теперь гибла куда быстрее, и каждая ее волна была встречена жестким и сильным отпором молотов, мечей и пламени.

Джайна рухнула на землю, ее ноги не устояли и согнулись, как только последнего из ходячих мертвецов охватило пламя, и тот споткнулся и упал, на сей раз действительно замертво. Она достала мехи и отпила из них запоем, вся трясаясь, затем она извлекла сушеное мясо и стала его грызть. Битва была окончена - пока что. Артас и Утер пожали руки. Пот спутал их волосы. Она жевала мясо и смотрела на них, как Утер оглядел морю мертвых трупов и удовлетворенно кивнул. Артас на что-то уставился, он явно был этим поражен. Джайна проследила за его взглядом и нахмурилась, ничего не понимая. Повсюду были трупы - но Артас смотрел с изумлением на одно гнилое, тело, вокруг которого витали мухи - и это было тело не его солдата, и даже не человека, а лошади.

Утер подошел к своему ученику и похлопал Артаса по плечу.

- Я удивлен, что тебе удалось сдерживать их натиск так долго, парень. - Его голос был полон гордостью, на его губах сияла улыбка. - Если бы я опоздал...

Артас в смятении прервал его: Знаешь, Утер, я сделал все, что мог!

И Утер, и Джайна зажмурились от резкого тона сказанного. Он слишком остро среагировал - Утер не порицал его; наоборот, он его хвалил.

- Конечно, если бы за моей спиной был легион всадников...

Глаза Утера сузились.

- Сейчас не время мечтать! Из того, что сказала мне Джайна перед тем, как мы тут оказались, это только начало.

Артас посмотрел на Джайну своими глазами цвета зеленой волны. Он все еще не отошел от пережитого оскорбления, и впервые Джайна почувствовала, что она сжалась под напором этого проникающего взгляда.

- Или ты не заметил, что каждый раз, когда гибнет кто-то из нас, ряды нежити пополняются? - продолжил Утер.

- Значит, мы должны ударить по их лидеру! - рвал и метал Артас. - Кел'Тузад сказал, кто он и где его можно найти. Какой-то повелитель ужаса. Его зовут Мал'Ганис. И он находится в Стратхольме. Стратхольм, Утер. То место, где ты стал паладином Света. Разве оно ничего не значит для тебя?

Утер устало вздохнул.

- Конечно, значит, но...

- Если понадобится, я сам отправлюсь в Стратхольм и убью Мал'Ганиса! - прокричал Артас. Джайна прекратила жевать и уставилась на него. Она никогда не видела его таким.

- Тише, мой мальчик. Несмотря на всю твою храбрость, тебе не удастся в одиночку победить того, кто командует легионами мертвых.

- Тогда счастливо оставаться, Утер. Я ухожу, с тобой или без тебя. Прежде, чем Утер иди Джайна успели что-либо сказать, он запрыгнул на седло, развернул коня и понесся на юг.

Ошеломленная Джайна встала на ноги. Он уехал без Утера, без своих людей... без нее. Утер спокойно подошел к ней. Она покачала своей светлой головой.

- Он чувствует, что виноват лично за все эти смерти, - тихо сказала она старшему паладину. - Он считает, что должен остановить все это. - Она посмотрела на Утера. - Даже маги Даларана - те, кто впервые уличили Кел'Тузада - не подозревали, что все так выйдет. И Артас не мог этого знать.

- Он впервые почувствовал тяжесть короны, - спокойно ответил Утер. - Он никогда не думал об этом прежде. Это, моя леди - часть науки, как править верно и мудро. Я наблюдал эту же борьбу у Теренаса, когда тот был молодым. Они оба хороших человека, оба желают добра для своего народа. Чтобы они были счастливы и жили в безопасности. - Судя по его глазам, он о чем-то думал, глядя на исчезающего вдалеке Артаса. - Но иногда приходится

выбирать меньшее из двух зол. Иногда нет способа все исправить. Артас поймет это.

- Думаю, я понимаю, но... я не могу позволить ему сражаться в одиночку.

- Нет, нет, как только мои люди будут готовы к длительному походу, мы последуем за ним. А вы должны отдыхать.

Джайна покачала головой.

- Нет. Он не должен оставаться один.

- Леди Праудмур, если я могу ваш попросить, - медленно высказал Утер. - Было бы хорошо, если бы он очистил свои мысли. Следуйте за ним, если Вам это нужно, но дайте ему времени, чтобы он подумал.

Смысл сказанного был ей очевиден. Ей это не понравилось, но она согласилась с ним. Артас словно обезумел. Он чувствовал себя сердитым и бессильным, и был не в том состоянии, чтобы с ним можно было поговорить. И именно по этой же причине она не могла позволить ему быть одному.

- Хорошо, - пообещала она. Она забралась на коня и прошептала заклятье. Она увидела усмешку Утера, когда до него дошло, что ее больше не видно. - Я последую за ним. Езжайте, как только Ваши солдаты будут готовы.

Она не будет приближаться к нему слишком близко. Она скрыла свое присутствие визуально, но не издаваемой ею шум. Лошадь Джайны пустилась в легкий галоп, чтобы нагнать светловолосого задумчивого принца Лордерона.

Артас гнал своего коня, сердясь, что он не может скакать быстрее, сердясь, что это был не Непобедимый, сердясь, что он не разобрался в происходящем вовремя, что остановить все это. Это его подавляло. Его отец столкнулся с орками - существами из другого мира, наводнившие его родной мир, грубыми и сильными, жаждущие завоеваний. Но для Артаса теперь это походило на детские игрушки. Как его отец и Альянс могли бы справиться с этой чумой - чумой, которая не только косила население, но и - что за насмешка сумасшедшего! - превращала заразившихся в живые трупы, которые нападали на их друзей и членов семьи? Удалось бы Теренасу справиться лучше него? Но одно мгновение Артас подумал, что да - Теренас разгадал бы эту загадку вовремя, остановил некромантов, спас невинных - но

потом он понял, что объективно никто не мог бы это исправить. Теренас был бы столь же беспомощен, как и он, перед лицом этого ужаса.

Он настоль углубился в свои мысли, что едва заметил, как ему дорогу преградил человек, и лишь сильным рывком поводьев он вовремя остановил своего скакуна.

Огорченный, взволнованный и разъяренный от произошедшего, Артас заорал: Групец! Ты что вытворяешь? Я мог бы растоптать тебя!

Артас никогда прежде не видел таких людей, и все же незнакомец показался ему смутно знакомым. Высокий, широкоплечий, закутанный в плащ, который, казалось, полностью состоял из сверкающих черных перьев. Его лицо было прикрыто за капюшоном, но его глаза блестели, когда он посмотрел на Артаса. Над бородкой сияла белая улыбка.

- Ты не ранил меня, так что я попрошу немного твоего внимания, - сказал он глубоким и спокойным голосом. - Я разговаривал с твоим отцом, юный принц. Он не принял мои слова. И теперь я обращаюсь к тебе. - Он поклонился, и Артас нахмурился. Ему показалось, что его дразнят. - Нам нужно поговорить.

Артас фыркнул. Теперь он понял, почему этот таинственный, театрально разодетый незнакомец показался ему знакомым. Он был неким мистическим самозванным пророком, как сказал ему Теренас; способный превращаться в птицу. Он очень разозлил короля, вторгнувшись прямо в тронную комнату и болтая о наступлении Судного Дня.

- У меня нет времени, - прорычал Артас, натягивая узду своей лошади.

- Послушай меня, мальчик. - Теперь в голосе незнакомца не было и намека на усмешку. Его голос хлестал как кнут, и Артас почему-то стал его слушать. - Это королевство обречено! Тьма уже опустилась на землю, и ничто не в силах остановить ее. Если ты действительно желаешь спасти свой народ, уводи его вдоль моря ... на запад.

Артас чуть не засмеялся. Его отец был прав - он был сумасшедшим.

- Бежать? Мое место здесь, среди моих людей! И я не оставлю их на растерзанье этих отвратительных существ. Я найду того, кто стоит за этим, и уничтожу его. Ты - глупец, если думаешь иначе.

- Так я глупец? Полагаю, так и есть, если думал, что сын будет мудрее своего отца. - Его яркие глаза выглядели обеспокоенными. - Значит, ты уже сделал свой выбор. И ты слушаешь того, кто видит дальше тебя.

- У меня есть только твои слова о том, что ты видишь. А я знаю, что я вижу, и что я видел - мои люди нуждаются во мне здесь!

Пророк печально улыбнулся.

- Мы видим не только своими глазами, принц Артас. Но и нашей мудростью и нашими сердцами. Я оставляю тебе одно предсказание. Запомни: чем яростнее ты будешь бороться с врагами, тем быстрее твои люди окажутся в их власти.

Артас открыл было рот, чтобы высказать свирепое возражение, но в этот момент форма незнакомца изменилась. Плащ закутал его полностью, стал словно второй его кожей. Крылья, черные и блестящие, выросли из его тела, как только он сжался до размеров обычного ворона. С прощальным, как показалось Артасу, расстроенным карканьем птица, которая была человеком, устремилась в воздух, покружилась и улетела. Он наблюдал за ее полетом, обеспокоившись. Человек казался... столь убежденным.

- Прости меня за то, что я пряталась, Артас. - Голос Джайны прибыл из ниоткуда. Испугавшись, Артас завертел головою, пытаясь найти ее. Она материализовалась перед ним, выглядела она расстроенной. - Я просто хотела...

- Помолчи!

Сначала она удивилась, потом синие глаза расширились, и он немедленно пожалел, что накричал на нее. Но она не должна была красться за ним, шпионить.

- Он также приходил к Антонидасу, - сказала она спустя секунду, упорно продолжая говорить то, что собиралась, несмотря на его выпад. - Я... я ощущаю в нем огромную силу, Артас. - Она подъехала поближе к нему, чтобы лучше рассмотреть его. - Эта чума нежити - ничего подобного никогда ранее не замечалось в истории мира. Это не просто другая битва или другая война, это нечто намного большее и темное. И, возможно, ты не сможешь использовать обычную тактику, чтобы победить. Может быть, он прав. Может он действительно знает, что произойдет.

Он отвернулся от нее, сжав зубы.

- Возможно. А возможно он - союзник этого Мал'Ганиса. Или возможно он просто сумасшедший отшельник. Его слова не заставят меня покинуть мою родину, Джайна. Меня не волнует, на самом ли деле этот безумец может видеть будущее. Пойдем.

Они поехали в тишине. Джайн тихо сказала: Утер пойдет за нами. Ему только нужно немного времени, чтобы подготовить своих людей.

Артас смотрел прямо вперед, все еще злясь. Джайна попробовали еще раз.

- Артас, ты не должен...

- Я сыт по горло людьми, указывающими мне, что я должен и не должен сделать! - вырвались из него слова, поразив его самого даже больше, чем Джайну. - Джайна, то, что происходит здесь, не простого ужасно. Я даже не могу подобрать слова, чтобы описать это. И я делаю все, что в моих силах. Если ты не собираешься поддерживать мои решения, тогда, возможно, ты не должна находиться здесь. - Он посмотрел на нее, его лицо смягчилось. - Ты выглядишь уставшей, Джайна. Возможно... возможно, тебе нужно вернуться.

Она покачала головой, смотря только вперед, не смотря на него.

- Я нужна тебе здесь. Я могу помочь.

Гнев покинул его, и он потянулся за ее рукой, мягко сжав ее облаченными в металл пальцами.

- Я не должен был говорить с тобой так, мне жаль. Я рад, что ты здесь. Я всегда рад твоей компании.

Он согнулся и поцеловал ее руку. Ее щеки зардели, и она улыбалась ему, бороздка на ее стерлась.

- Милый мой Артас, - мягко молвила она. Так они и шли, сжимая друг другу руки.

Они скакали всю оставшуюся часть дня, не особо разговаривая, и остановились, чтобы разбить лагерь, лишь когда село солнце. Они оба были слишком утомлены, чтобы охотиться ради свежего мяса, так что им пришлось довольствоваться несколькими яблоками, сухим мясом и хлебом. Артас устался на буханку в его руке. Он был из духовок дворца, испеченный из зерна, выращенного неподалеку от Столицы - не из Андорала. Это была изумительная пища, полезная и насыщающая, пахнувшая дрожжами,

а не какой-то болезненной сладостью. Простая, обычная еда, то, что любой может съесть без страха.

Его рот внезапно закрылся, и он отложил свой хлеб, будучи неспособным откусить от него, и он закрыл свое лицо ладонями. На мгновение он почувствовал себя совершенно разбитым, как будто волна отчаяния и беспомощности нахлынула на него. На Джайна был здесь, она села на колени возле него, откинула свою голову ему на плечо, пока он пытался прийти в себе. Она ничего ему не сказала; ей это было не нужно, ее простая поддержка одним лишь присутствием было всем, в чем он нуждался. Затем он с глубоким вздохом посмотрел на нее и обнял ее.

Она ответила, целуя его, ища в нем утешенье и покой, как и он искал это в ней. Артас провел рукой по ее шелковистым золотистым волосам и вдохнул их аромат. В течение следующих нескольких часов этой ночи они разрешали себе потеряться друг в друге, отбросив мысли о смерти, ужасе и зараженном зерне, пророке и выборе, их мир, небольшой и нежный, состоял только из них двоих.

ГЛАВА 12

Все еще почти не проснувшись, Джайна потянулась рукой к Артасу. Его не было на месте. Она передернулась и присела. Он уже был на ногах, давно оделся, и теперь готовил для них что-то вроде овсянки. Он заметил, что она проснулась, и улыбнулся, но его взгляд оставался серьезным и обеспокоенным. Джайна вопросительно улыбнулась ему и наскоро надела робу, приглаживая светлые волосы пальцами.

– Я узнал тут кое-что, – без лишних слов начал Артас. – Вчера ночью... Я не хотел, чтобы ты волновалась. Но ты должна знать.

Его голос звучал очень подавленно. Он уже не кричал, как вчера – но так даже было хуже. Он налил ей немного зерновой каши, и она, не задумываясь, принялась кушать, слушая Артаса.

– Эта чума... – он глубоко вздохнул, – Да, зерно было заражено ею. Да, она убивает людей. Но, Джайна, все куда хуже.

Слова, казалось, застряли у него в горле. Джайна слушала его, и, казалось, начала понимать, что он имеет в виду. Зерна, что она съела, едва не вырвались наружу. Ей стало трудно дышать.

– Она... Она как-то изменяет их. Превращает в нежить... так ведь? Ох, Артас, скажи, что я не права.

Но он не сказал. Вместо этого, он кивнул своей светлой головой.

– Вот потому-то ее теперь стало так много. Зерно уже достигло Дольного Очага... Достаточно давно, чтобы из него сделали муку и испекли хлеб.

Джайна уставилась на него. Это значило, что... Она даже представить себе не могла, какой бедой это может обернуться.

– Вот почему я убежал вчера. Я знал, что не смогу сам победить Мал'Ганиса. Но... Джайна, я не мог сидеть, сложа руки... Подлатал доспехи, разбил лагерь, понимаешь?

Она кивнула. Теперь она и вправду все поняла.

– А этот пророк... Мне все равно, кем ты там его считаешь. Я не могу позволить превратить Лордерон в этот... в это... Мал'Ганиса нужно

остановить, кем бы, или чем бы он ни был. Мы должны найти все зараженное зерно, до последней крупинки – найти и уничтожить.

Он вскочил на ноги, взволнованный своими же словами, и стал расхаживать туда-сюда.

– Где, к черту, Утер? – сказал он, – За ночь он мог бы уже и притащиться.

Джайна отложила до половины съеденную кашу, встала на ноги и закончила одеваться. В ее голове вертелись тысячи мыслей. Она пыталась беспристрастно взглянуть на сложившуюся ситуацию, пыталась найти способ бороться с этим. Без лишних слов они подняли стоянку и ушли к Стратхольму.

Пепельно-серый рассвет стал еще темнее, когда пелена облаков окончательно закрыла солнце. Артас и Джайна накинули на себя капюшоны плащей, но те вряд ли могли защитить их от сырости. Джайна вся дрожала, когда они подошли к воротам большого города. Оглянувшись на цокот копыт, она увидела Утера с его отрядом, что бежали к ним по грунтовой дороге, теперь превратившуюся в грязную лужу. Артас, от силы улыбнувшись, также повернулся.

– Я рад, что ты все таки решился, Утер. – сказал он.

Хоть Утер и был терпеливым человеком, но это вывело его из себя. Не только ведь Джайна с Артасом теперь были на нервах.

– Следи за языком, юноша! Хоть ты и принц, но ты еще и паладин, а в ордене я пока еще старше тебя.

– Как будто я не помню, - парировал Артас. Он быстро вскочил на холм, чтобы посмотреть на город за стенами. Он сам не знал, что надеялся увидеть. Признаки жизни, наверное. Признаки того, что все в порядке, что они пришли не слишком поздно. Что-то, что обнадежит и уверит, что все еще можно исправить.

– Послушай, Утер. Я должен рассказать тебе кое-что про чуму...

Ветер переменился, и он учуял отвратительный запах, от которого живот Артаса чуть не вывернулся наизнанку. Неповторимый и ужасный запах хлебов, испеченных из чумного зерна, витал в воздухе, приглушенный дождем.

Свет, только не это! Его уже перемололи, уже испекли, уже...

Кровь отхлынула от лица Артаса. Он вытаращил глаза, поняв невероятную истину.

– О, нет... Мы опоздали! Проклятье, мы уже опоздали! Зерно... Все эти люди... – слова застревали в его горле, – Все эти люди заражены чумой.

– Артас... - тихо прошептала Джайна.

– Сейчас это еще не заметно, но скоро все они превратятся в нежить.

– Что? – вскрикнул Утер, – Юноша, вы в своем уме?

– Нет, Утер, он прав, – сказала Джайна, – Если они успели съесть зерно – они заражены. А раз так, кто скоро все они превратятся...

Она отчаянно думала, что дальше. Они ведь могут еще что-то предпринять. Антонидаас говорил, что у этой чумы магическое происхождение. Значит, ее можно исцелить магией. Если бы у них было время успокоиться и подумать, положившись на логику, а не на эмоции! Возможно, они могли бы найти лекарство...

– Весь город должен быть уничтожен.

Слова Артаса звучали глупо и жестоко. Джайна передернулась. Конечно, совсем не это имел в виду.

– Как ты мог даже подумать об этом? – крикнул Утер, наступая в сторону своего бывшего ученика, – Должен быть какой-то другой путь! Это тебе не испорченный урожай! Это – город, где полно живых людей!

– Проклятье, Утер! Мы должны пойти на это! – Артас встал с Утером лицом к лицу, и на один ужасный миг Джайне показалось, что они вот-вот поднимут молоты друг против друга.

– Артас, нет! Так нельзя! – слова сорвались с ее губ прежде, чем она смогла взять себя в руки. Он резко обернулся к ней, и он взглянул ей в лицо. Его глаза, цвета морской волны, теперь бурлили гневом, болью и отчаяньем. Она осознала, что он и вправду видел лишь один способ спасти тысячи невинных жизней – пожертвовать этими, обреченными и проклятыми. Она промолчала, пытаясь подобрать слова и дожидаться, пока его лицо станет чуточку человечнее.

– Послушай. Мы не знаем, сколько из них заразилось чумой. Быть может, многие из них съели не смертельную дозу, а кто-то и вовсе не касался

проклятого хлеба. Мы ведь еще даже не знаем, сколько нужно съесть, чтобы умереть. Мы знаем мало, слишком мало – и не можем же мы вырезать весь город только из животного страха!

Это были совсем не те слова, и на глазах у Джайны лицо Артаса снова стало холодным и каменным.

– Я лишь пытаюсь защитить невинных. Это – мой долг.

– Но они и есть невинные! Они – всего лишь жертвы! Они ведь этого не просили! Артас, там есть дети! Откуда нам знать – может и их коснулась чума. Мы знаем слишком мало, чтобы решиться на такое...

– А те, кто уже болен? – спросил он пугающе тихо. – Джайна, они сами убьют тех детей. Они захотят убить и нас... И выйдут из этих стен в мир, чтобы сеять смерть. Они все обречены. И когда они поднимутся с мертвых, они будут творить зло, которое никогда бы не сделали при жизни. Что бы ты выбрала, будь ты на их месте?

Вопрос застал ее врасплох. Она смотрела то на Артаса, то на Утера.

– Я не знаю, - растерянно ответила она.

– Ты знаешь, - сказал он, и был полностью прав. – Ты лучше бы умерла здесь, чем от этой чумы? Обычной смертью, как разумный человек, чтобы не быть поднятою как нежить и не покушаться на все, что любишь при жизни?

Она глубоко вздохнула.

– Я... Да, но это – лишь мой выбор. Мы не можем выбирать за них всех? Как ты не видишь?

– Нет, – покачал он головой, – Не вижу. Мы должны очистить этот город, пока они не ушли и не распространили болезнь. Пока они не превратились. Это – единственный способ остановить чуму прямо здесь и прямо сейчас. Искоренить проблему в зачатке. И я сделаю это.

Глаза Джайны оросились слезами боли.

– Артас... Дай мне немного времени. День или два. Я могу телепортироваться к Антонидосу и мы тут же примемся искать способ...

– У нас нет лишнего дня! – вырвалось у Артаса. – Джайна, оно убивает людей за пару часов. А быть может и за пару минут. Я... Я видел, так было в

Дольном Очаге. Нет времени на размышления. Мы должны действовать. Сейчас. Или будет слишком поздно.

Он повернулся от Джайны к Утеру.

– Как будущий король, я приказываю тебе очистить этот город!

– Пока ты еще не король, юноша! Но этот приказ я не выполнил бы, будь ты хоть трижды королем!

На мгновение воцарилась напряженная тишина.

Артас... Друг мой, любимый мой... Прошу тебя, не надо...

– Тогда я должен расценивать это как измену.

Голос Артаса стал холодным и суровым. Джайна была бы не так поражена, даже если бы он взял и ударил ее в лицо.

– Измену? – прогремел Утер. – Ты совсем лишился рассудка, Артас?

– Да? Лорд Утер! Властью, данной мне по праву наследования, я отстраняю вас от командования и освобождаю от службы ваших рыцарей!

– Артас... – вскрикнула Джайна, – Ты не можешь просто...

– Это уже сделано, – неистово выкрикнул он, обернувшись к ней. – Те, кто действительно хочет спасти эту землю – за мной! А остальные – убирайтесь с глаз!

У Джайны закружилась голова. Он и вправду решился на это. Он пойдет в Стратхольм и казнит каждого в пределах его стен – мужчин, женщин и детей. Она пошатнулась и покрепче сжала узды своего коня. Опустив голову ему на шею, она тяжело выдохнула. Как бы она хотела подобно коню ничегошеньки не понимать!

Сможет ли Утер напасть на своего бывшего ученика? – спросила себя Джайна. Нет, он поклялся служить своему принцу, и даже когда его отстранили от должности, присяга оставалась в силе. Она видела, как вздулась жилка на его шее, и даже почти могла расслышать скрип его зубов. Но не смог поднять руку на своего сеньора.

Но преданность не смогла заткнуть ему рот.

– Ты пересек опасную черту, Артас.

Артас пристально посмотрел на него, и затем пожал плечами. Он обернулся к Джайне, и на мгновение – всего на мгновение – стал похож на себя. Серьезного, молодого и немного испуганного.

– Джайна?

Это было куда больше, чем простое слово. Это был вопрос и мольба о помощи. Она уставилась на него, как птица, замороженная змеей. Он протянул ей руку. Она посмотрела на нее, вспомнив о далеких временах, когда эта рука крепко и тепло сжимала ее ладонь, ласкала ее, исцеляла ее раны благодатным светом.

Она не смогла взять эту руку.

– Прости, Артас. Я не могу смотреть на то, что ты собираешься сделать.

На его лице теперь не было никакой маски, никакого милосердного холода, призванного скрыть от нее всю боль. Он был разочарован и потрясен. Она не могла больше на него смотреть. Ее глаза залились слезами. Джайна отвернулась и взглянула на Утера, что смотрел на нее с состраданием и пониманием. Он протянул ей руку, чтобы помочь усесться в седле, и она была благодарна ему за устойчивость и самообладание. Джайна с ужасной дрожью в теле вцепилась в своего коня. Вместе с Утером они направили узды в сторону от самого страшного испытания, что предстало на их пути.

– Джайна? – послышался голос ей вслед.

Она закрыла глаза, и слезы покатались из ее ресниц.

– Мне жаль... – шептала она. – Мне так жаль...

– Джайна?... Джайна!

Она отвернулась от него.

Он не мог до конца поверить в то, что это – правда. Несколько долгих мгновений он просто смотрел на то, как она шла от него прочь. Как она могла просто взять и бросить его? Она хорошо его знала. Лучше всех в этом мире, может даже лучше, чем он сам себя знал. И она всегда могла его понять. Его мысли вернулись к той ночи, когда они стали близкими друг другу, как никогда, в свете костра, в котором горел плетеный человек, и

потом, под холодной синевой сияния луны. Он прижал тогда ее к себе и взмолился.

Не отказывай мне, Джайна. Никогда не отказывай. Молю

Я никогда не смогу отказать.

О, да, красивые слова для красивого вечера. Но теперь, когда она действительно была нужна ему – она отказалась и оставила его. Черт возьми, она ведь сама согласилась, что лучше умереть своей смертью, чем потом быть поднятой чумою, что извращает все доброе и естественное в человеке. Она оставила его одного. Если бы она зарядила ему по печени – вряд ли это было бы больнее.

В голове пронеслась мысль, короткая, яркая и острая: а может она права?

Нет. Нет, она не права. Если бы это была так, то он сейчас готов стать палачом и резником. А это совсем не так. Он знал это.

Сковывающий страх оставил его, и он облизнул резко пересохшие губы и глубоко вздохнул. Несколько его солдат пошли за Утером. Многие из них. Слишком много, по правде сказать. Как он мог очистить город с горсткой солдат.

– Разрешите обратиться, сэр, – сказал Фальрик, – Я... Н-да... Лучше бы меня порубили на мелкие кусочки, чем обратили бы в нежить.

В рядах солдат поднялся одобрительный гул, и сердце Артаса подпрыгнуло. Он схватил свой молот.

– То, что мы собираемся сделать – вовсе неприятно. Но это необходимо. Нам нужно остановить чуму, здесь и сейчас – иначе жертв будет намного больше. Люди за этими стенами уже мертвы. Даже если они таковыми не кажутся – мы должны убить их прежде, чем чума сделает это за нас!

Он обвел глазами своих солдат – каждого из воинов, что не сбежали от своего долга.

– Мы должны убить их и разрушить их дом, чтобы там не прятались другие.

Солдаты согласно кивнули и приготовили оружие.

– Это не большая и сланная битва. Это будет мерзко и больно, и я всем сердцем сожалею, что нужно пойти на это. Но тем же сердцем я чую, что нам нужно сделать это!

Он поднял молот ввысь.

– Во имя Света!

Ряды солдат ответили ему криком и обнажили мечи. Он повернулся к вратам, и, глубоко вздохнув, пошел вперед.

С теми, кто уже умер, было легко. Они были врагами. Уже не люди, но мерзкие пародии на то, чем они были при жизни, и снять с них головы было не труднее, чем с прокаженных тварей. А вот с другими...

Они смотрели на солдат, и на своего принца, со страхом и помешательством. Сначала никто даже не сопротивлялся. Они узнали гербы на их накидках и верили, что эти люди пришли спасти их. Они верили в это и за миг до смерти. Сердце Артаса облилось кровью, когда он впервые ударил по жителю города – совсем еще юнец смотрел на него своими карими глазами, и, ничего не понимая, выдохнул: «Милорд, зачем вы...». Артас закричал от муки, жалея о том, что должен сделать так, а не иначе – и ударил его в грудь тяжелым молотом, вокруг которого уже не было Света. Быть может Свет не мог принять тот ужас, который предстояло сотворить. Он зарыдал и отступился, отступил назад, к матери мальчика.

Он думал, что потом станет легче. Не стало. Артас не мог отступить. Люди смотрели на него, как на пример. Если бы его решительность пошатнулась – то же было бы и с его людьми, и скоро Мал'Ганис одержал бы победу. И он надел свой шлем, чтобы никто не видел его лицо, и сам лично зажег факел, пламя которого распространилось по всему дому, сжигая его дотла вместе с людьми, запертыми внутри. Так он почти не слышал их криков и воплей.

Стало чуточку легче, когда жители Стратхольма начали сопротивляться. Конечно, они мало что могли предъявить против солдат старой закалки и обученного паладина. Но теперь это уже было не так похоже на резню на скотобойне.

– Я ждал тебя, юный принц.

Глубокий голос эхом отдался в его голове и ушах, гулкий и... сложно было подобрать другое слово, кроме как... злой. Повелитель ужаса, как сказал Кел'Тузед. Темное имя для темного существа.

– Я – Мал'Ганис.

Артас почувствовал что-то вроде радости. Вот оно, доказательство. Мал'Ганис, здесь, он стоял за чумой, и когда люди Артаса, также услышавшие голос, оглянулись и стали искать источник голоса, дверь дома, где прятались крестьяне, распахнулась, и из нее вышли ходячие мертвецы, чьи тела уже налились зеленым болезненным цветом.

– Как видишь, твои люди отныне принадлежат мне. Дом за домом, я порабощу этот город, и огонь жизни угаснет здесь навсегда.

Мал'Ганис засмеялся. Ужасным и глубоким, сухим и темным смехом.

– Я не допущу этого! – вскрикнул Артас, и его сердце вдохновилось пониманием того, что они поступают справедливо. – Лучше эти люди погибнут от моей руки, чем станут твоими рабами после смерти!

Вновь раздался смех, и затем его голос утих так внезапно, как и появился. Артас отвлекся, чтобы защитить уже свою жизнь – на него наступила толпа нежити.

Как долго продолжалась резня всего живого – и мертвого – в этом городе Артас не вспомнит никогда. Но вот никого не осталось. Он истощился и весь дрожал от отвращения к запаху крови, дыма, и приторно-сладкого болезненного аромата хлеба, что витал в воздухе, когда сгорела сама пекарня. Его яркие доспехи потемнели, испачканные кровью и сукровицей. Но дело еще не было сделано. Он ждал, что это случится – и вот его враг спустился в воздуха на крышу одного из немногих чудом уцелевших зданий.

Артас оступился. Существо было огромно. Синевато-серая, как оживший камень, кожа. Кривые рога, что росли из лысого черепа, и два громадных крыла, как у летучих мышей, витающие позади него как жуткие тени. Его ноги были закованы в железо, с которого торчали шипы и внушающие страх изображения костей и черепов. Они выгибались назад и завершались копытами. Глаза пылали зеленым светом, и он обнажил острые зубы в высокомерной усмешке.

Он посмотрел на чудовище с восторгом и ужасом. Такого не могло быть наяву – но вот он стоял перед его глазами. Он слышал рассказы. Видел

картинки в древних книгах у себя дома и в архивах Даларана. Но теперь этот монстр стоял перед ним, и небо за его спиной налилось кровавой краской и дымом...

Повелитель Ужаса был демоном. Чудовищем из мифов. Многие считали это враньем – но вот, один из этих тварей стоял перед ним во всем своем ужасном величии.

Повелитель Ужаса.

Страх вот-вот мог одолеть Артаса, но он знал, что он этого ему станет только хуже. Он умер бы в лапах чудовища – умер даже без борьбы. И силою воли он сменил бессмысленный страх другим чувством, что оказалось сильнее. Ненависть. Жажда мести. Он вспомнил тех, кто пал от его молота, живых и мертвых, кровожадных упырей и перепуганных детей, которые знать не знали что он так спасает их души. Их лики придали ему сил. Они не могли умереть бесцельно. Так или иначе, Артас нашел в себе силы чтобы посмотреть в пылающие глаза демона, сжав покрепче свой молот.

– Сейчас мы покончим с этим, Мал'Ганус, – крикнул он сильным голосом, – Один на один!

Повелитель Ужаса лишь откинул голову назад и засмеялся.

– Храброе сердце, – прогремел он. – К несчастью для тебя, мой юный принц, все только начинается.

Мал'Ганис улыбнулся, еще больше обнажив черные клыки, выпирающие из острых зубов.

Он поднял руку, указав на людей Артаса своими длинными острыми когтями, блестящими в свете пламени, в котором полыхал великий город.

– Собирай свои войска и отправляйся за мной, в Нордскол, царство вечных снегов. Там мы и уладим все наши дела. Там ты узнаешь свою судьбу.

– Свою судьбу? – голос Артаса хрипел от гнева – Что ты...

Слова застряли у него в горле, когда воздух вокруг Мал'Ганиса закружился в уже знакомом вихре.

– Нет! – закричал Артас. Он опрометчиво погнался вслед, но не успел добраться до демона прежде, чем тот завершил телепортацию. Его сердце тяжело забилося, и он поднял молот вверх, пригрозив им воздуху.

– Будь ты проклят, Мал'Ганис! Я отыщу тебя и на краю земли! Ты слышишь? На краю земли!

Словно безумный, он яростно кричал, махая оружием над головой, пока усталость не заставила опустить его на землю. Он оперся на молот и тяжело задышал, весь мокрый и дрожащий от слез отчаянье и гнева.

Хоть на краю земли.

ГЛАВА 13

Три дня спустя Леди Джайна Праудмур шла по улицам когда-то славного города, гордости северного Лордерона. Теперь это было местом из кошмара.

Зловоние было почти невыносимо. Она приложила к лицу платок, обильно надушенный экстрактом мирозцвета, чтобы не вдыхать хотя бы часть этого смрада. Пожар, который уже должен был сам поглотить себя и хотя бы уйти на спад из-за недостатка пищи для огня, продолжал бушевать во всю силу, говоря Джайне, что тут замешена темная магия. Помимо едкого запаха дыма, жалящего ее глаза и горло, в воздухе витал сильный запах гниения.

Они лежали там, где пали, большая их часть была безоружна. Слезы текли из глаз Джайны и скатывались вниз по ее щекам, она двигалась словно в трансе, осторожно переступая через обмякшие тела. Приглушенный стон боли вырвался из нее, поскольку она обнаружила, что Артас и его солдаты в своем заблуждающемся сострадании не пощадили даже детей.

Их тела лежали тихо и неподвижно, могли ли они встать и напасть на Джайну, если бы Артас не убил их? Возможно, да. Почти наверняка, многие из них; зерно было распределено и употреблено по всему городу. Но не каждым же? Она никогда бы не узнала ответ на этот вопрос, как и он.

- Джайна... Прошу, пойдем со мной. - Его голос был напорист, но было ясно, что мысленно он находится за тысячу миль отсюда. - Он сбежал от меня. Я спас жителей города от превращения в его рабов, но в самую последнюю минуту он скрылся. Он в Нордсколе. Пойдем со мной.

Джайна закрыла глаза. Она не хотела вспоминать эту беседу, произошедшую полтора дня тому назад. Она не хотела вспоминать, как он выглядел - холодным, сердитым и отдаленным, жаждущего лишь убить Повелителя ужаса - о, Свет, демона! - не останавливаясь ни перед чем.

Она запнулась об труп, и она вновь увидела этот ужас, созданный человеком, которого она любила - и все еще продолжала любить, несмотря на все. Как она могла любить его после этого, она не знала, но, храни ее Свет, так оно и было...

- Артас... это ловушка. Он же повелитель демонов. Если он был силен, когда ускользнул от тебя в С... Стратхольме, то он, несомненно, без труда

справится с тобой на своей территории, где он будет еще сильнее. Не иди туда... пожалуйста...

Она хотела броситься ему на шею, удержать его у себя. Он не мог идти в Нордскол. Это означало бы верную смерть. И хотя ему не было до этого дела, Джайна не желала ему такой судьбы.

- Сколько мертвых, - пробормотала она. - Не могу поверить, что все это дело рук Артаса. - И все же она знала, что это сделал он. Целый город ...

- Джайна? Джайна Праудмур!

Джайна резко вышла из тошнотворного транса от звука знакомого голоса. Утер. Она ощутила странное чувство облегчения, развернувшись на зов паладина. Утер всегда немного ее пугал; он был таким большим, сильным и... ну... глубоко верующим в Свет. Она вспоминала к своему стыду, как, когда она и Артас были моложе, они высмеивали за спиной рыцаря благородство Утера, граничащую по их мнению с напыщенностью и ханжеским поведением. Он был довольно легкой мишенью. Но по завершению этих мучительных трех дней, она и Утер вместе противостояли Артасу.

- Ты поклялась, что никогда не откажешь мне, Джайна, - ставил ей в вину Артас, его голос был как острие холодного ножа. - Но когда мне больше всего нужна твоя поддержка, твое понимание, ты отворачиваешься от меня.

- Я... ты... Артас, мы не знаем достаточно...

- И теперь ты отказываешься помочь мне. Я отправляюсь в Нордскол, Джайна. Ты нужна мне. Чтобы остановить это зло. Так ты не пойдешь?

Джайна вздрогнула. Утер это заметил, но ничего не сказал. Облаченный в доспехи, несмотря на жар неестественного пепелища, он стремительно приближался к ней. Его рост и внешний вид теперь стали для нее воплощением силы и надежности, что больше ее не пугало. Он не обнял ее, но успокоительно взял за руки.

- Я знал, что найду тебя здесь. Девочка моя, куда он отправился? Куда увел наш флот?

Глаза Джайны расширились: Флот?

Утер утвердительно хмыкнул.

- Он взял командование над всем флотом Лордерона и отчалил вместе с ним. Оставив лишь краткое сообщение своему отцу. Мы не знаем, почему они подчинились ему без приказа он командующих.

Джайна слегка грустно улыбнулась.

- Потому что он - их принц. Он - Артас. Они любят его. Они не знали об... этом.

Вспышка боли пронеслась по грубому лицу Утера, и он кивнул.

- Да, тихо молвил он. - Он всегда хорошо относился к людям, которые служили ему. Они знают, что он искренне заботится о них, и они будут готовы пожертвовать ради него своими жизнями.

В этих словах была горечь. Они были правдивы, ведь Артас заслужил столь не умирающую преданность своего народа.

- И теперь ты отказываешься помочь мне.

Утер осторожно потряс ее, вернув ее обратно в настоящее.

- Так ты знаешь, куда он их повел, дитя?

Джайна глубоко вздохнула.

- Он подошел ко мне перед отплытием. Я умоляла его остаться. Говорила, что это может быть ловушкой...

- Куда он ушел? – требовал ответа Утер.

- В Нордскол. Он отправился в Нордскол, чтобы сразиться с Мал'Ганисом, повелителем демонов, ответственного за чуму. Он не мог победить его... здесь.

- Повелитель демонов? Черт бы побрал этого мальчику! - его порыв поразил Джайну. - Я должен рассказать о всем Теренасу.

- Я пыталась его остановить, - повторила Джайна. - Но затем... после... - Она беспомощно указала на невообразимое количество мертвых, тихо составляющих им компанию. Она тысячу раз спрашивала себя, могла ли она остановить его - найти верные слова, которые бы поколебали Артаса и вернули его на правильный путь. - Я потерпела поражение.

Я подвела тебя, Артас. Я подвела этих людей... я сама себя подвела.

Тяжелая рука Утера сжала ее тонкое плечо.

- Не вини себя, девочка, ты не могла ничего изменить.

Она скупно рассмеялась.

- Это так очевидно?

- Каждый, у кого есть сердца, думает точно так же. Уж я-то знаю.

Она поглядела на него, пораженная признанием.

- Вы тоже? - спросила Джайна.

Он кивнул, его глаза налились кровью от изнеможения, боль скрывалась глубоко в его зрачках.

- Я не мог противостоять ему. Он же мой принц. Но неужели... мне мне нужно было встать на его пути? Сказать что-то ему наперекор, или даже сделать? - Утер вздохнул и потряс головой. - Возможно. А возможно и нет. Все это уже в прошлом, и я теперь не могу ничего изменить. Ты и я должны оба смотреть в будущее. Джайна Праудмур, ты не имеешь никакого отношения к этой резне.... Спасибо, что сообщила мне, куда он пошел.

Она опустила голову.

- Мне кажется, что я снова предала его.

- Джайна, возможно, ты спасли его - и всех солдат, что в невежестве пошли с ним, не зная, что их там ждет.

Испугавшись его слов, она резко подняла свою голову и посмотрела на него.

- Что с ним будет? Он же все еще Артас, Утер!

Глаза Утера стали тревожными.

- Да, это так. Но он сделал ужасный решение - и теперь мы взираем на последствия. Я не знаю, что он может вернуться после этого. - Утер отвернулся и посмотрел на мертвых. - Мы знаем, что мертвые могут быть подняты как нежить. И эти демоны действительно существуют. Но интересно, существуют ли призраки умерших. Если да, то нашему принцу никогда не избавиться от них. - Он поклонился ей. - Уходите из этого места, леди.

Она завертела головой.

- Нет, пока нет. Я не готова.

Он посмотрел на нее, затем кивнул.

- Как пожелаешь. Да прибудет с тобой Свет, леди Джайна Праудмур.

- Да прибудет он и с вами, Утер Светоносный.

Она постаралась улыбнуться ему, как смогла, и стала смотреть, как он уходил от нее. Артас без сомнения увидел бы в ее поступке еще одно предательство, но если это спасет его жизнь, то она сможет жить с этим грузом на душе.

Запах стал еще более отвратным, чем могла себе позволить даже ее упрямство. Она задержалась на секунду ради последнего взгляда. Одна ее половина спрашивала, зачем она сюда пришла; и другая ее половина знала ответ. Она пришла, чтобы вид этого города впечатался ей в мозг, что она поняла всю глубину происходящего. Она не должна была никогда забывать об этом. Многого ли достигнет Артас или ничего, она не знала, но что случилось здесь, никогда не станет простой сноской в книгах истории.

С неба медленно спустился ворон. Ей захотелось спугнуть это, попытаться защитить от падальщика эти бедных изрезанные трупы, но он делал лишь то, что велела ему природа. У него не было совести, чтобы понять, что его деяние - оскорбление для человеческой натуры. Она просто продолжала смотреть на ворона, но потом ее глаза с удивлением расширились.

Ворон начал изменяться, расти, и внезапно вместо страшной птицы появился мужчина. Еще более она удивилась, признав его - это был тот пророк, которого она видела уже дважды.

- Ты!

Он поклонился ей, и странно улыбнулся, словно говоря ей: Я тоже узнаю тебя. Уже в третий раз она сталкивалась с ним, в первый раз он разговаривал с Антонидасом, второй раз - с Артасом. В обоих случаях она была невидима - и было ясно, что ее заклинание ни на секунду его не одурачило.

- Тела преданы земле, их души нашли упокоевание, но не стоит обманывать себя. На севере твоего юного принца ждет только смерть.

Его смутные слова заставили ее немного вздрогнуть.

- Артас делает то, что считает единственно правильным.

Это была правда, и она знала это. Не смотря на его промах с демоном, он был искренне уверен, что очищение Стратхольма было единственным выходом.

Взгляд пророка смягчился.

- Быть может, это и похвально, - сказал он, - но желание спасти мир приведет его к гибели. Теперь все зависит от тебя, молодая колдунья.

- Что? Я?

- Антонидаас отверг меня. Теренас и Артас тоже. Оба правителя над людьми и властитель магии отвернулись от знания истины. Но, я думаю, ты так не поступишь.

Аура силы вокруг него была почти осязаема. Джайна могла даже видеть, как она со всей мощью стремительно циркулировала вокруг него. Он подошел к ней и положил руку ей на плечо. Она с недоумением внимательно посмотрела на него.

- Ты должна возглавить людей и вести их на запад, в древние земли Калимдора. Только там ты сможешь сразиться со злом и спасти этот мир от вечной тьмы.

Смотря в эти глаза, Джайна поняла, что он был прав. Никто ее не контролировал, не принуждал, она просто знала это, и была уверена в этом каждой частью своего тела.

- Я... - с трудом сглотнув, она в последний раз бросила взгляд на кошмар, сотворенный любимым ей человеком, и согласно кивнула. - Я сделаю, как ты скажешь.

И оставляю моего Артаса наедине к судьбой, которую он выбрал для себя. Больше нет иного пути.

- Понадобится время, чтобы всех собрать. Заставить их поверить мне.

- Я не знаю, сколько времени у тебя в запасе. Большая ее часть уже потрачена впустую.

Джайна подняла голову.

- Я не могу уйти, не попытавшись. Если ты знаешь так много обо мне, то, конечно, то должен понять.

Вороний пророк, казалось, немного расслабился и улыбался ей, сжимая ее плечо.

- Делай то, что считаешь нужным, но не задерживайся слишком долго. Время стремительно утекает, и любая задержка может оказаться смертельной.

Она кивнула, слишком взволнованная, чтобы что-то ответить. Нужно так много с кем переговорить - в том числе и с ее наставником Антонидасом. Если он и послушает кого-то, подумала она, то это ее. Она была свидетелем восстания мертвых - побег в Калимдор, пока еще тут оставались живые, не было безумием.

Фигура пророка изменилась и сжалась, он снова стал большой черной птицей и улетел, громко хлопая черная крыльями. Ветер от этих крыльев словно обдувал ее лицо, и он не пах отвратно, как дым или смерть. Он был чистым и свежим.

Он пах надеждой.

ГЛАВА 14

Флот Лордерона разбил гавань в бухте Кинджалов, на берегу земель, прозванных Нордсколом. Глубокие серые воды залива бушевали под неумолимым ветром. Крутые утесы берегов заросли стройными соснами, которые прикрывали своими ветвями берег, где люди Артаса построили лагерь. Где-то неподалеку гремел водопад, поднимая в воздух стену брызг. Здесь было куда приятнее, чем ожидалось. По крайней мере – сейчас. Вовсе и не скажешь, что в этих краях живет повелитель демонов.

Артас спрыгнул со своей лодки и ступил на берег, окидывая взглядом окружающий пейзаж. Ветер ревел как малое дитя, развивая его длинные светлые волосы за собою и лаская их своими холодными пальцами. Возле него стал один из капитанов судов, которые Артас повел за собою без разрешения отца. Он дрожал и растирал руки, пытаясь хоть как то согреться.

– Неужто Свет покинул эту землю? Здесь почти не видно солнца. Ледяной ветер пробивает до костей – а вы даже не дрожите.

С неким удивлением Артас понял, что мужчина был прав. Он чувствовал собачий холод, что грыз его кожу – и вовсе не дрожал.

– Милорд, с вами все в порядке?

– Все войска высадились, капитан? – спросил Артас, пропустив мимо ушей его вопрос. Глупости. Он вырезал целый город, чтобы не допустить еще большей беды. Джайна и Утер повернулись к нему спиной. И повелитель демонов ждал встречи с ним. Ясное дело, что не все в порядке.

– Почти. Только несколько кораблей...

– Очень хорошо. Наша основная задача – разбить лагерь и организовать оборону. Мы должны быть готовы ко всему.

Получив задание мужчина, наконец, заткнулся. Артас решил помочь своим людям разбить лагерь, и работал вровень с самым упорным из его воинов. Он заскучал, вспомнив, как Джайна управлялась с огнем – когда они разожгли костер, чтобы развеять холод и тьму вокруг них. Проклятье, он скучал по Джайне. Но скоро перестанет. Она бросила его, когда была нужнее всего. Такие люди недостойны его любви. Нужно было стать сильным,

твердым, решительным, а не быть как тряпка. Если он хочет победить Мал'Гануса, то в его сердце нет места для слабости. Нет места для тепла.

Ночь прошла тихо. Артас не мог уснуть до глубокой ночи, рассматривая в своей палатке те карты местности, которые им удалось найти. А уснув, наконец, он видел сны, счастливые и ужасные. Он снова был юным, на своем любимом коне, и перед ними лежал весь мир. Они вновь были одним целым, и ничто не могло их остановить. И тогда в своем сне Артас вновь почувствовал страх, убеждая Непобедимого сделать роковой прыжок. Его душа рвалась в муках, и это ничуть не уменьшал тот факт, что это – всего лишь сон. И он вновь обнажил меч и нанес своему верному другу удар в сердце.

Но теперь... Теперь он понял, что держит другой меч, вовсе не похожий на тот, что был в его руках в тот ужасный миг. Это был огромный и красивый двуручный меч. По всей длине его клинка он был разукрашен сияющими рунами. Его укутывал туман, холодный, как снег, в котором лежал Непобедимый. Выхватив меч, он смотрел уже не на убитое животное. Непобедимый вскочил на ноги. Он исцелился, и был даже сильнее прежнего. Его шерсть, прежде просто белая, теперь сияла неярким светом, и Артас проснулся над своими картами со слезами радости на губах. Ясен Свет, то был вещий сон.

С первыми лучами холодного рассвета он начал искать в этих краях следы повелителя ужаса. Он где-то здесь. Артас знал это.

Но в тот первый день они не нашли ничего кроме горстки нежити. С каждым днем они прочесывали все больше земель, и Артас несколько приуныл.

Он уже понял, что Нордскол был огромным континентом, который только-только начали исследовать. Да, Мал'Ганиса был повелителем ужаса, и те отряды нежити, которые они нашли, свидетельствовали, что он где-то в этих землях. Но не он один. Он мог быть где угодно – и мог вообще быть не здесь. Он осознал, что, быть может, его завели в Нордскол чтобы демон мог свободно разгуливать на другом конце света...

Нет. Это путь в безумие. Повелитель ужаса был высокомерен, решив, что он лучше человеческого принца. Артас должен был верить, что он здесь. Должен был. Значит, Мал'Ганис здесь и заманил его в ловушку. Все эти

мысли были ему не приятны, и чем больше он об этом думал, тем больше выходил из себя.

Так было, пока на вторую неделю поисков Артас не нашел то, что вернуло ему хоть капельку надежды. Его воины разделились, и одна из групп разведчиков доложила ему о большом сборе мертвецов. Они нашли поселение, возле которого было много нежити... лежащей по частям на холодной земле. И прежде, чем Артас успел поразмыслить, что бы это значило, над ним просвистели пули.

– Враг атакует! – выкрикнул Артас, – В укрытие!

Отряд разбежался кто куда, прячась за деревьями, скалами и даже за сугробами. Но обстрел прекратился, не успев начаться, и тут же раздался гортанный крик.

– Черти кровавые! Так вы не ожившие мертвецы? Вы все живия?

Это был голос, который Артас никак не ожидал услышать в этом зыбком краю. У него был только один знакомый, что мог ругаться с таким запалом. На мгновение, Артас забыл о том, зачем он здесь и что искал, и почувствовал лишь восхищение и теплые воспоминания прошлого.

– Мурадин? – удивленно вскрикнул Артас. – Мурадин Бронзобородый? Не ты ли это?

Из-за оружейного ряда осторожно выступил крепкий дварф. Его суровое лицо расплылось в теплой улыбке.

– Проклятье, парень! Я и подумать не мог, что именно ты придешь, чтобы спасти нас!

Он шагнул вперед. Борода не его лице, которую Артас помнил с юности, разрослась еще больше, если такое вообще возможно. Глаза, вокруг которых стало еще больше морщин, приятно мерцали. Он подошел к Артасу и обнял его за талию. Артас засмеялся – Свет, как долго он не смеялся – и обнял своего старого друга и учителя в ответ. И только когда они разомкнули объятия, Артас понял значение слов Мурдина.

– Спасти? Мурадин, я даже не знал, что ты здесь. Я пришел, чтобы... – сказав это он неловко замолчал. Он не знал, как Мурадин отнесется к его словам, и вместо этого просто улыбнулся.

– Это может подождать, – сказал он. – Пойдем, старый друг. У нас неподалеку есть лагерь. Кажется, вы давненько не видели горячей еды.

– Если у вас есть еще и эль – тогда с радостью.

Когда Артас, Мурадин, его заместитель, Баэлган и другие дварфы пришли в лагерь, в воздухе запахло праздником. Артас знал, что дварфы привыкли к холоду и были крепкими силачами, но заметил, с какой благодарностью они смотрели на поданное им горячее мясо. У него назрела куча вопросов к Мурадину и его воякам, но он заставил себя отложить их до поры до времени. Когда они достаточно отдохнули, он отвел Мурадина от центра лагеря, к своей личной палатке.

– Что ж, – спросил он, прервав непрерывный процесс поглощения его старым учителем горячей еды, качеству которого позавидовала бы и гномья машина, – Что все-таки привело вас сюда?

Мурадин откусил кусочек мяса и глотнул эля.

– Ладно, парень. Только не нужно трепаться об этом всем, лады?

Артас с пониманием кивнул. Только несколько членов команды присвоенных им кораблей знали, зачем на самом деле он поплыл в Нордскол.

– Я ценю твое доверие, Мурадин.

Дварф похлопал ему по плечу.

– Ты вырос славным малым, парень. Раз уж ты смог найти нас среди этих клятых земель, ей-Свет, тебе можно рассказать, что мы тут забыли. Это все из-за одной старой легенды. Мой народ всегда любил редкие вещи, зна?

Его глаза блеснули странным светом. Он откусил еще кусочек мяса.

– И вправду, – кивнул Артас. Он слышал как-то, что Мурадин был одним из основателей так называемой Лиги Исследователей. Ее штаб находился в Стальгорне и ее члены путешествовали по всему свету в поисках сокровищ археологии. – Значит ты тут по делам Лиги?

– Умгу, так и есть. Я был здесь уже много раз. Очаровательная тут земля. Не отдает свои тайны без боя... Я б сказал, что это интригуе...

Он порылся в своей сумке и достал оттуда журнал в толстом кожаном переплете, издавшем деньки получше, и сунул его Артасу. Принц взял его и пролистал. Там были сотни зарисовок животных, пейзажей и руин.

– Здесь есть намного больше, чем кажется на первый взгляд.

Глядя на зарисовки, Артас не мог не согласиться.

– Большую часть времени мы только бродим по краям, – продолжил Мурадин, – Исследуем, присматриваемся...

Артас закрыл книгу и отдал ее Мурадину.

– Когда мы встретились, ты удивился, что мы не ожившие мертвецы. Ты ведь уже долго здесь, правда? Что ты успел изучить?

Мурадин откусил последний кусочек мяса и закусил хлебом. Он легонько вздохнул.

– Эх, я скучаю по печенюшкам вашего придворного пекаря... – он нарыл в сумке свою трубку, – Отвечая на вопрос – мы здесь достаточно долго, чтоб понять, что что-то не так. Тут появилась... какая-то сила, да. Все плохо, и скоро станет еще хуже. Я говорил уже с твоим отцом, да – думаю, что этой силе скоро станет тесно в Нордсколе.

Артас придушил в себе нахлынувшие беспокойство и волнение и взял себя в руки.

– Думаешь, мой народ под угрозой?

Мурадин откинулся назад и раскурил трубку. Приятный запах табака поддразнил ноздри Артаса, напомнив ему старые добрые времена.

– Да, Артас. Я думаю, что это вот то, что создает эту отвратную нежить.

Тогда Артас рассказал ему все, что знал сам. Говорил он быстро и спокойно, рассказывая Мурадину об зараженном зерне. О Кел'Тузеде, о Культе Проклятых, о своей первой встрече с крестьянами, обращенными в нежить. О том, что за чумой стоит Мал'Ганис, повелитель ужаса во плоти, и о том, что именно он заманил его за собою в Нордскол.

Он косвенно упомянул о событиях в Стратхольме.

– Чума добралась даже туда, – сказал он, – И я сделал все, что смог, чтобы не дать Мал'Ганису обратить его жителей в мертвых рабов его воли.

Этого хватит. Все правильно. Он не был уверен, что Мурадин поймет ужасную необходимость поступка, совершенного Артасом. Джайна и Утер не поняли – а они ведь видели то же, что и он.

– Плохие дела, да, – проворчал Мурадин, – Быть может, тот артефакт, который я ищу, может помочь нам в войне против этого повелителя ужасов. Такие вещи находятся редко, но метко. Мы о нем вообще узнали только недавно, но успели многое проведать. Долго и нудно искали, да. У нас была парочка волшебных вещей, чтобы найти его – но пока не повезло.

Он посмотрел мимо принца на дикую округу, и в его глазах появилась мрачность, которую Артас не видел там никогда.

Артаса съедало любопытство, но он не хотел показаться Мурадину нетерпеливым ребенком, которым его помнил учитель.

Мурадин вновь взглянул на Артаса.

– Мы ищем рунный клинок, что зовется Ледяная Скорбь.

Ледяная Скорбь. С этим именем по телу Артаса пробежалась легкая дрожь. Зловещее название для клинка из легенд. Рунные клинки не считались невероятной вещью, но это было очень редкое и чрезвычайно сильное оружие. Он взглянул на свой молот с щербатой деревянной рукояткой, который он отложил прежде чем начать разговор с Мурадином. Это был прекрасный молот, и он любил его, хоть Свет вокруг него, казалось, в недавних пор потускнел, а порой и вовсе гаснул.

Но рунный клинок...

Он знал, что ему нужно делать, будто сама судьба шепнула решение ему на ухо. Нордскол был землей огромных размеров. Их встреча с Мурадином не могла быть просто совпадением. Если бы у него была Ледяная Скорбь... Да, с ней он смог бы победить Мал'Ганиса. Покончить с чумой. Спасти свой народ. Они с дварфом встретились не случайно. Это была судьба.

Мурадин продолжил рассказ, и Артас стал внимательно его слушать.

– Мы приехали сюда найти этот клинок, но чем ближе мы подходили к нему, тем больше врагов ставало у нас на пути. И я слишком стар, чтобы считать это случайностью.

Артас тепло улыбнулся. Значит, Мурадин тоже не верит в совпадения. Уверенность поднялась по его нутру.

– Думаешь, Мал'Ганис не хочет, чтобы мы нашли его?

– Думаю, он не был бы рад видеть, как ты бросаешься на него с таким вот клинком в руке, вот в чем правда.

– Мы можем помочь друг другу, – предложил Артас, – Мы поможем вам, а ваша Лига найдет Ледяную Скорбь и поможет нам в войне с Мал'Ганисом.

– Звучит, – согласился Мурадин, пуская из рта пахучие иссиня-черные перья дыма, – Артас, парень... А у вас есть еще пиво?

Прошли дни. Мурадин и Артас обменивались мыслями. Теперь они искали одновременно и Мал'Ганиса и рунный клинок. В конце концов, они решили, что лучше всего будет отправить флот чуть дальше на север и разбить там новый лагерь. Они защищались не только от нежити, но и от голодных и грязных волков, существ с телом человека и шерстью росوماхи, и с расой северных троллей, что чувствовали себя среди холодных ветров как дома, почти как их сородичи в жарких джунглях Тернистой долины. Мурадин не так удивился им, как людской принц. Маленькие племена этих «снежных троллей» жили совсем неподалеку Стальгорна, столицы дварфов.

Артас узнал от Мурадина что у нежити были здесь свои города. Странные, похожие на зиггураты здания, пропитанные темной волшбой, принадлежали раньше, судя по всему, древней и уже, видимо, увядшей расе. Так что им предстояло не только упокоить ходячих мертвецов, но и разрушить их убежища. Но за много дней, казалось, Артас ни на шаг не приблизился к цели. Везде были следы злодеяний Мал'Ганиса – но не намек на самого повелителя ужаса.

Поиски Ледяной Скорби Мурадином были более успешными. Подсказки, тайные и явные, сужали область поисков, но рунный клинок все еще казался лишь легендой среди окружающей их действительности.

В день, когда все изменилось, Артас был в скверном расположении духа. Он вернулся в их наскоро построенный лагерь с неудачного похода, голодный и уставший. Он был столь раздражен своей не удачей, что не заметил одной значительной вещи.

Стражей не было на постах.

– Что за... - он оглянулся к Мурадину. Тот немедленно выхватил топор. Вокруг не было никаких трупов. Не странно, впрочем – если бы нежить напала, пока их не было на месте, то мертвые тела были бы незамедлительно

подняты в лавы их армии. Но должны были остаться хотя бы признаки борьбы... а их не было.

Они осторожно и тихо прошли вперед. Лагерь был почти пуст... но где-то у сложенных палаток стояла горстка людей. Они заметили Артаса и отдали ему честь. На его беззвучный вопрос ответил один из его капитанов, Люк Валонфорт.

— Простите, милорд! По требованию лорда Утера ваш отец отзывает войска.

Глаз Артаса забился в нервном тике.

— Мой отец... отзывает мои войска? По требованию Утера?

Капитан взволновано покосился на Мурадина, в поисках поддержки, и ответил.

— Да, сэр. Мы хотели дожидаться вас, но посол был весьма настойчив. Наши люди пошли на северо-запад, чтобы встретиться с флотом. Наши разведчики сообщили, что все дороги туда заняты нежитью, и они расчищают путь сквозь густые леса. Уверен, они пока еще не далеко.

— Конечно, — сказал Артас, выдавив из себя улыбку, хотя внутри его все вскипело, — Простите, мы на минутку.

Он положил руку на плече дварфа и отвел его в сторону, подальше от чужих ушей.

— Мне жаль, парень. Уходить ни с чем после всего...

— Нет.

— Ты вернешься назад? — Мурадин моргнул глазами.

— Не вернусь. Мурадин, без армии я не смогу победить Мал'Гануса. И тогда никто не сможет остановить чуму! — он начал выходить из себя, и на его крик оглянулась парочка зевак.

— Парень, он — твой отец. Король. Вы не можете не выполнить его приказ. Это — предательство.

Артас фыркнул. Быть может, это его отец предает свой народ, — подумал он, но не сказал.

– Я лишил Утера звания. Я распустил орден. Он не имел права делать этого. Он обманул отца.

– Хорошо, когда ты вернешься, у вас будет милая беседа. Ты покажешь ему, что ты – прав, если все оно так, как ты говоришь. Но ты вы можешь не выполнить приказ.

Артас бросил на дварфа резкий взгляд. Если все оно так, как он говорит? Этот проклятый дварф намекал, что Артас лгал ему?

– Ты прав только в одном. Мои люди верны тому, кого считают высшей властью. Они никогда бы не вернулись домой посреди похода, если бы не было приказов сверху, - он глубокомысленно потер подбородок и улыбнулся, когда у него назрела идея. – Именно! Мы отрежем им путь домой! Они не выполняют приказ – они просто не смогут.

Дварф нахмурил густые брови, что слились в одну.

– О чем это ты.

Артас заговорщически ему улыбнулся и раскрыл свою затею.

Мурадин был потрясен.

– Не слишком ли это круто, парень?

Тон Мурадина говорил, что это очень даже слишком, чертовски больше, чем слишком. Но Артас пропустил это мимо ушей. Мурадин просто не понимал все так, как Артас. Но скоро поймет. Когда они наконец встретятся с Мал'Ганисом. Артас знал, что победит повелителя ужасов. Чума перестанет угрожать его народу. Сжечь корабли – это совсем немного для спасения целой нации Лордерона.

– Я знаю, это звучит ужасно, но я должен сделать это. Должен.

Уже спустя несколько часов Артас стоял на Забытом Вморье и смотрел, как догорал его флот.

Ответ был прост. Люди не могли уплыть домой – не могли оставить его – без кораблей. И поэтому Артас сжег их дотла.

Он пробился через лес, наняв наемников, чтобы разделаться с нежитью, и затем облил деревянные суда нефтью и поджег их. Земле вечного холода и

полумрака жар и свет пожарищ пошли только на пользу. Артас прикрыл рукою глаза, отвыкшие от яркого света.

Рядышком сидел Мурадин и тяжело вздыхал. Он и другие дварфы вздыхали и ворчали, смотря на пламя. Они не были уверены, в том, что поступили правильно. Лицо Артаса было теплым от костра, когда спине было холодно, но он с торжественным видом смотрел, как мачта одного из кораблей громко треснула и обвалилась в языках пламени.

– Будь проклят Утер, за то что он заставил меня пойти на это, – пробормотал он.

Он еще покажет этому паладину – бывшему паладину. Он еще покажет и Утеру, и Джайне, и своему отцу. Он не следовал своему долгу, каким бы ужасным и зверским он ни был. Он бы вернулся с триумфом, сделав то, что было необходимо – то, чего слабовольные ужаснулись. Его готовность взять на себя ответственность спасет его народ.

За треском пожарищ пропитанных нефтью судов он не слышал сразу отчаянные крики людей, что увидели флот в огне.

– Принц Артас! Наши корабли!

– Что стряслось? Как нам теперь добираться домой?

Эта идея назрела в его голове еще пару часов назад. Артас знал, что его людей ошеломит вид сожженного флота. Они пришли за ним в это холодное пекло, да. Но Мурадин прав. Приказ его отца для них был выше его слов. И Мал'Ганис был близок к победе. Они все не могли понять, как важно устранить эту угрозу здесь и сейчас.

Он посмотрел в сторону своих наемников.

Их никому не жалко.

Они продадутся кому угодно. Если бы кто-то заплатил им за его голову – они снесли бы ее так же легко, как решились помочь ему. Такие как они убили многих – хороших людей, благородных людей. Невинных. Их бессмысленная гибель должна быть отмщена. А если воины Артаса не будут всем сердцем преданы ему – он никогда не победит.

Он не допустит этого.

– Вперед, мои воины, - крикнул он, обнажив молот. Тот не пылал Светом, хотя Артас уже и не ждал этого. Он указал на наемников, что на маленьких лодках перевозили припасы с горящих кораблей на берег.

– Враги сожгли наши корабли и отрезали нам путь домой! Уничтожим их! Во имя Лордерона!

И он исполнил приговор.

ГЛАВА 15

Артас узнал звук частой, но тяжёлой поступи Мурадина даже прежде, чем дворф рванул на себя полу палатки и воззрился на него. Долгое время они глядели друг на друга, затем Мурадин отдёргнул голову и выпустил занавесь, позволив ей опасть. На мгновение Артас мыслями перенёсся назад, в то время, когда был ребёнком, беспорядочно делающим выпады тренировочным мечом вдоль комнаты. Он нахмурился и поднялся, последовав за Мурадином туда, где они были подальше от прочих.

Дворф слов не смягчал.

— Ты солгал своим людям и предал наёмников, которые сражались за тебя! — отрывисто выпалил Мурадин, сунувшись к лицу Артаса настолько, насколько позволял его намного меньший рост. — Это не тот парень, которого я учил. Это не тот человек, который был посвящён в орден Серебряной Длани. Это не мальчик Теренаса.

— Я ничей не мальчик, — сплюнул Артас, толкнув Мурадина. — Я сделал то, что счёл нужным.

Он был наполовину уверен, что Мурадин ударит его, но вместо того, похоже, гнев его старого тренера стал иссякать.

— Да что с тобой происходит, Артас? — тихо произнёс Мурадин, в голосе его чувствовалась буря смущения и боли. — Неужто месть — единственное, что что-то для тебя значит?

— Пощади меня, Мурадин, — досадливо проворчал Артас. — Ты не был там и не видел, что Мал'Ганис сделал с моей родиной. Что сделал он с невинными мужчинами, женщинами, детьми!

— Я слышал, что ты сделал, — тихо сказал Мурадин. — Кой-какие твои люди слегка разговорились, когда эль развязал им языки. Я знаю, что думаю — но знаю также, что не могу тебя судить. Ты прав, я там не был. Хвала Свету, мне не пришлось принимать подобных решений. Но даже коли так — что-то происходит. Ты...

Его прервал грохот мортир и крики тревоги. В мгновение ока Мурадин и Артас обнажили оружие и вернулись к лагерю. Бойцы ещё беспорядочно расхватывали оружие. Фалрик лающим голосом выкрикивал людям приказы,

а Белган организовывал дворфов. С внешней стороны лагеря доносились звуки свалки, и Артас видел приближающуюся волну нежити. Его руки стиснули молот. Все признаки указывали на скоординированную атаку, а не случайное столкновение.

— Тёмный Властелин предсказал твоё появление, — раздавшийся голос теперь уже был Артасу хорошо знаком. Его поглотила эйфория. Мал'Ганис здесь! Это всё-таки была не безумная затея. — Здесь окончится твой путь, мальчик. В ловушке и холоде на вершине мира, где лишь смерть разнесёт весть о твоей кончине.

Мурадин скрёб бороду, его острый взгляд метался. Снаружи лагеря раздались звуки боя.

— Плохо дело, — признал он с типичной дворфийской сдержанностью. — Мы полностью окружены.

Артас уставился на него с мукой во взоре.

— Мы могли бы сделать это, — прошептал он. — Будь у нас Ледяная Скорбь... мы могли бы это сделать.

Мурадин отвёл взгляд.

— Там... что ж, парень, у меня были сомнения. Насчёт меча. Да и насчёт тебя, если честно.

Артасу понадобилась секунда, чтоб осознать, что Мурадин сказал.

— Ты... ты имеешь в виду, что выяснил, как его найти?

Едва Мурадин кивнул, Артас схватил его за руку.

— Да каковы бы ни были твои тревоги, Мурадин, не можешь же ты и сейчас сомневаться. Не теперь, когда здесь Мал'Ганис. Если знаешь, где он, так отведи меня к нему. Помоги мне заполучить Ледяную Скорбь! Ты сам сказал — ты не думаешь, что Мал'Ганису хотелось бы увидеть меня с этим мечом в руке. У Мал'ганиса сил больше, чем у нас. Без Ледяной Скорби мы погибнем, ты же знаешь, что это так!

Мурадин ответил ему мучительным взглядом, потом прикрыл глаза.

— Не нравится мне всё это, парень. Вот почему я раньше особенно не усердствовал — что-то насчёт этого артефакта, то, откуда появилась

информация — не так это всё. Но я обещал довести это до конца. Иди и собери кой-какой народ, а уж я тебе разыщу этот рунный клинок.

Артас хлопнул по плечу старого друга. Вот он, шанс. Я достану этот клятый клинок и проткну твоё сердце насквозь, повелитель ужаса. Я заставлю тебя заплатить.

— Прикройте эту брешь! — кричал Фалрик. — Даван, огонь!

Грохот мортиры гулял по лагерю, пока Артас нёсся к своему первому помощнику.

— Капитан Фалрик!

Фалрик повернулся к нему.

— Сэр... нас совершенно обложили. Какое-то время мы продержимся, но в конце концов они собираются нас измотать. Кого бы и что бы мы не потеряли, всё им прибавится.

— Знаю, капитан. Мурадин и я, мы собираемся отправиться на поиски Фростморна. — Глаза Фалрика слегка расширились, выражая сразу и шок, и надежду. Артас поделился знанием о мече и его предположительно огромной силе с некоторыми своими наиболее доверенными людьми. — Когда мы получим его, будет верная победа. Сумеешь выиграть нам время?

— Да, Ваше Высочество, — усмехнулся Фалрик, но даже когда говорил это, он по-прежнему выглядел обеспокоенным. — Мы придержим этих мёртвых ублюдков.

Спустя несколько мгновений Мурадин, вооружённый картой и странным мерцающим предметом, присоединился к Артасу и горстке его бойцов. На губах его застыло неодобение, в глазах стояло несчастье, но тело было собранным. Фалрик подал сигнал и начал отвлекать врага на себя. Большая часть нежити внезапно развернулась и сосредоточила свои усилия на нём, оставляя тылы лагеря открытыми.

— Идём, — неумолимо произнёс Артас.

Мурадин выкрикивал команды о направлении, поочерёдно сверяясь с картой и мерцающим предметом, который, похоже, неравномерно пульсировал. Они двигались по глубокому снегу, там, где он указывал,

настолько быстро, насколько можно, лишь изредка делая кратчайшие передышки, чтоб осмотреться. Небо темнело, сгущались тучи. Ещё больше замедляя их движение, посыпал снег.

Артас перешёл на механический шаг. Снег не давал видеть далее, чем на несколько метров перед собой. Он больше не замечал, в каком направлении идёт, да это его и не заботило, он лишь передвигал ноги, следуя за ведущим их Мурадином. Время, казалось, потеряло значение. Он мог идти несколько минут, а мог и часы.

Разум его был поглощён раздумьями о Ледяной Скорби. Их спасении. Артас знал, что так оно и будет. Но смогут ли они добраться до меча прежде, чем его люди в лагере падут пред нежитью и её демоническим хозяином? Фалрик сказал, что какое-то время они продержатся. Знать наверняка, что Мал'Ганис здесь, в его собственном лагере, и не иметь возможности напасть было...

— Там, — указав, почти благоговейно произнёс Мурадин, — Он внутри.

Артас заколебался, его часто моргающие глаза были из-за сыплющего снега сужены в щёлки, ресницы схватились льдом. Они стояли перед зевом пещеры; застывший, он выглядел зловеще в водовороте снежной тьмы пасмурного дня. Изнутри было какое-то подобие света, мягкое сине-зелёное сияние, которое он едва мог уловить. По нему, изнурённому и замёрзшему, прокатилось возбуждение. Он заставил онемевший рот исторгнуть слова.

— Ледяная Скорбь... и смерть Мал'Ганиса. Конец чуме. Ну же!

У него, казалось, открылось второе дыхание, и он ускорил шаг, принуждая ноги повиноваться.

— Парень! — голос Мурадина резко осадил его. — Такое ценное сокровище не будет так просто лежать и ждать любого, кто отыщет. Мы должны двигаться с долей осторожности.

Артас сердился, но Мурадин знал больше толку в подобных вещах. А потому он кивнул, крепко сжал свой молот и осторожно вошёл. Немедленное избавление от ветра и безумного снегопада его подбодрило, и они углубились в сердце пещеры. Сияние, которое он уловил снаружи, оказалось, исходило от мягко мерцающих бирюзовых кристаллов и рудных жил, проявившихся на скальных стенах, полах и потолках. Он слышал о таких светящихся кристаллах и теперь был благодарен за тот свет, что они давали.

Его отряд мог сосредоточиться на том, чтобы держать оружие, а не факела. Когда-то его молот выпускал бы довольно сияния, чтоб освещать им путь. Из-за мысли он насупился, но потом выдавил её из головы. Неважно, откуда шёл свет для зрения, важно лишь, что он вообще был.

Тогда они и слышали голоса. Мурадин был прав, их ждали.

Голоса были низкими, глухими и ледяными, их зловещие слова плыли в уши Артаса.

— Возвращайтесь назад, смертные. Лишь смерть и тьма ждут вас в этом брошенном тайнике. Вы не пройдёте.

Мурадин застыл.

— Парень, — сказал он мягко, хотя голос его, казалось, вечно будет отдаваться эхом в этом месте, — быть может, нам стоит их послушать.

— Что послушать? — вскричал Артас. — Последнюю жалкую попытку заставить меня свернуть с намеченного пути спасения своего народа? Для этого потребуется нечто большее, чем грозные слова.

Сжимая молот, он поднажал, завернул за угол — и замер в собственных отпечатках следов, пытаясь во всё поверить.

Они нашли обладателей ледяных голосов. На мгновение Артас вспомнил послушного водяного элемента Джайны, который помог ей отбиться от огров в тот давний день перед тем, как всё так зловеще и ужасно завертелось. Существа, парящие над холодным каменным полом пещеры, сотворённые из льда и неестественного вещества вместо воды, облачённые в броню, которая, похоже, вырастала из них и была их частью. У них были шлемы без лиц, перчатки, оружие и щиты без рук.

Какими бы тревожными ни были они, Артас уделил этим грозным элементарным духам не более чем мимолётный взгляд, ибо глаза его привлекла цель, ради которой они пришли сюда.

Ледяная Скорбь.

Он покоился в парящей, зазубренной глыбе льда, и руны, тянущиеся по всей длине лезвия, мерцали холодно-синим. Под ним было подобие постамента, стоящего на большой, плавно вздымающейся насыпи, припорошенной снегом. Слабый свет, проникающий откуда-то высоко сверху, где пещера открывалась солнечным лучам, ниспадал на рунный

клинок. Ледяная тюрьма скрывала некоторые детали формы и внешнего вида меча, искажала другие. Он был одновременно открыт и скрыт, ещё более искушая, будто новый любовник, мельком увиденный сквозь газовую занавесь. Артас знал клинок, ведь то был тот самый меч, что он видел во сне, когда они едва ступили на эту землю. Не тот меч, что убил Непобедимого, но тот, что вернул его, излечённого и полного сил. Тогда он счёл это добрым знамением, но теперь знал, что это истинный знак. Это было то, что он должен найти. Этому мечу суждено изменить всё. Артас восхищённо уставился на него, руки его почти ощутимо ныли, жажда схватить, обвить пальцами рукоять, почувствовать гладкий взмах удара. Который покончит с Мал'Ганисом, со страданием, на которое он обрёл жителей Лордерона, оборвёт его жажду мести. Притягиваемый мечом, он сделал шаг.

Жуткий элементарный дух извлёк свой ледяной меч.

— Возвращайтесь, пока не слишком поздно, — нараспев произнёс он.

— Всё ещё пытаешься защитить меч? — проворчал Артас, разозлённый и смущённый его реакцией.

— Нет, — голос существа буквально громыхнул этим словом. — Пытаюсь защитить тебя от него.

На секунду Артас удивлённо воззрился на него. Потом он тряхнул головой, решительно сужая глаза. Это не более, чем уловка. Он ни за что не отвернётся от Ледяной Скорби — от спасения своего народа. Он не поддастся лжи. Он кинулся в атаку, и отряд его последовал за ним. Существа сомкнулись перед ними, нападая своим непривычным оружием, но Артас сосредоточил всё внимание на их предводителе, том, кому назначено было охранять Ледяную Скорбь. Всю его сдерживаемую надежду, тревогу, ярость, разочарование, всё это он обрушил на странного защитника. Его люди последовали примеру, отражая нападение прочих элементарных защитников меча. Молот его взлетал и опускался, взлетал и снова опускался, дробя ледяную броню под крики гнева, которые исторгала его глотка. Как смела эта тварь встать между ним и Ледяной Скорбью? Как смела она...

С заключительным звуком агонии, похожим на хрип, вырывающийся из рта погибающего, дух ринулся прочь из того, что было похоже на руки, и растворился.

Артас встал, запыхавшийся, с широко раскрытыми глазами, воздух белыми облачками срывался с его окоченевших губ. Затем он повернулся к с

таким трудом добытому призу. Все опасения исчезли, едва его взгляд вновь лёг на меч.

— Смотри, Мурадин, — выдохнул он, зная, что его голос дрожит, — вот оно, наше спасение — Ледяная Скорбь.

— Погоди, парень, — резкие слова Мурадина, почти приказ, были для Артаса как холодный душ. Он моргнул, выбитый из состояния поглотившего его восторга, и обернулся взглянуть на дворфа.

— Что? Почему? — спросил он.

Мурадин — глаза его были сужены — взирает на парящий меч и постамент под ним.

— Что-то здесь не так, — он ткнул в рунный клинок толстым пальцем. — Всё было чересчур просто. Ну взгляни на него, висит тут, озаряемый светом не пойми откуда, будто цветок, только и ждущий, чтоб его сорвали.

— Слишком просто? — Артас наградил его неверящим взглядом. — У тебя ушло довольно много времени на поиски. И нам пришлось сражаться с этими тварями, чтобы добраться до него.

— Ха, — фыркнул Мурадин. — Всё, что я знаю об артефактах, подсказывает мне, что здесь что-то нечисто, прям как на причалах Пиратской Бухты, — он вздохнул, брови его по-прежнему были испещрены морщинами. — Постой... здесь, на постаменте, надпись. Посмотрим, сумею ли я прочесть. Это может нам что-то сказать.

Оба приблизились, Мурадин — чтоб опуститься на колени и взглянуть на начертанное, Артас — чтоб подобраться ближе к манящему мечу. Надписи, которая так заинтересовала Мурадина, он уделил лишь поверхностный взгляд. Она не была написана ни на одном из известных ему языков, но дворф, похоже, мог её прочесть, судя по тому, как глаза его бегали по буквам.

Артас поднял руку и погладил разделявший их лёд — гладкий, лоснящийся, губительно холодный — да, то был лёд, но было в нём что-то необычное. Он не был просто замёрзшей водой. Он не знал, почему мог сказать это, но это было так. В нём было нечто очень могущественное, почти неземное.

Ледяная Скорбь...

— Ага, думаю, распознал это. Написано на Калимаге, языке элементарей, — продолжил Мурадин. Он хмурился, читая. — Это... предупреждение.

— Предупреждение? О чём предупреждение?

Возможно, дробление льда каким-то образом повредит меч, размышлял Артас. Сам странный кусок льда, впрочем, похоже, был будто отсечён от другой, более крупной глыбы. Мурадин медленно переводил. Артас вполуха слушал, сосредоточив взор на мече.

— Тот, кто возьмёт этот клинок, обретёт власть безграничную. Как клинок терзает плоть, так и власть калечит душу, — дворф вскочил на ноги, взволнованный сильнее, чем Артас когда-либо видел. — Ох, я должен был знать. Меч проклят! Давай уносить отсюда ноги!

Сердце Артаса странно дёрнулось в ответ на восклицание Мурадина. Уносить ноги? Оставить этот меч здесь, парящий в своей замёрзшей тюрьме, нетронутый, неиспользованный, с такой большой властью, которую предлагал? «Власть безграничная,» — обещало начертанное вкупе с угрозой калечить душу.

— Моя душа уже искалечена, — произнёс Артас. Так оно и было. Она была искалечена бесполезной смертью любимого скакуна, ужасом наблюдать, как восстают мёртвые, предательством той, которую любил — да, он любил Джайну Праудмур, теперь, в этот момент, когда душа его, казалось, лежит нагая пред суждением меча, он мог сказать это прямо. Она была искалечена принуждением убивать сотни людей, необходимостью лгать своим спутникам и навеки заткнуть рты тем, кто оспаривал его решения и не подчинялся ему. Столь многое оставило на ней свои шрамы. И уж конечно, отметины, что оставит власть победить ужасное зло, не могут этого превзойти.

— Артас, парень, — сказал Мурадин, его грубый голос умолял. — Тебе и так со многим надо разобраться безо всякого проклятия на твою голову.

— Проклятия? — Артас горько рассмеялся. — Я с радостью приму любое проклятие, чтобы спасти свою родину.

Краем глаза он заметил, как Мурадина продрал озноб.

— Артас, ты знаешь, я серьёзный, бегать от всякой чуши не привык. Но я тебе, парень, говорю, это дело дурное. Оставь всё как есть. Пусть останется

тут, потерянный и забытый. Мал'Ганис здесь, что ж, прекрасно. Пусть он свою демоническую задницу приморозит в этой пустоши. Забудь об этом и давай поведём твоих людей домой.

Внезапно разум Артаса наполнил образ людей. Он видел их, а за ними сотни тех, что уже пали жертвами этой ужасной чумы. Пали лишь затем, чтоб подняться лишёнными мыслей гниющими кусками мяса. Как же они? Ка же их души, их страдания, их жертва? Возникло другое видение — огромная глыба льда, того же, что сейчас заключал в себе Ледяную Скорбь. Теперь он видел, откуда появился этот кусок. Это было частью чего-то большего, более сильного — и лёд этот, вместе руническим клинком внутри, был как-то послан ему, чтобы отомстить павших. В его голове шептал голос: «Мёртвые требуют мести».

Что такое горстка живых людей в сравнении с мучением тех, кто погиб столь ужасно?

— К чёрту людей! — Слова, казалось, исторгались откуда-то из его нутра. — У меня долг перед мёртвыми. Я буду мстить, и никто не встанет у меня на пути, старый друг, — теперь он оторвал взор от меча достаточно, чтобы встретить обеспокоенный взгляд Мурадина, и лицо его чуточку смягчилось. — Даже ты.

— Артас, я учил тебя драться. Я хотел помочь тебе быть хорошим воином, как и хорошим королём. Но часть бытия воина в том, чтобы выбирать, в какую драку лезть — и каким оружием сражаться, — он ткнул указательным пальцем в Ледяную Скорбь. — А это оружие тебе не стоит класть в свой арсенал.

Мурадин ошибался. Он попросту не понимал. Артас должен был это сделать. Если бы сейчас он ушёл, он бы проиграл, снова, а этого он допустить не мог. Каждый шаг его планов разрушался.

Но не в этот раз.

Он верил в Свет, потому что мог его видеть и использовал его, и он верил в призраков и живых мертвецов, потому что с ними сражался. Но до этого момента он смеялся над идеей незримых сил, духов мест или вещей. Но теперь, когда его сердце ускорило биение с предвкушением и тоской, с тягой, источавшей самую его душу, слова сорвались с его губ, будто по собственному согласию, наполненные его пугающим желанием.

— Я взываю к духам этого места, — произнёс он, дыхание его замерзло в холодном, недвижимом воздухе. Пред ним, недоступная, но ждущая его, взвешенная, парила Ледяная Скорбь. — Каковы бы ни были вы, добрые ли, недобрые или те и другие вместе. Я чувствую, что вы здесь. Я знаю, вы внемлете. Я готов. Я понимаю. И ныне говорю вам — я отдам всё и заплачу любую цену, если вы поможете мне спасти мой народ.

Долгое, ужасное мгновение ничего не происходило. Выдох его замёрз, расплылся, замёрз вновь, и брови усеял холодный пот. Он предложил всё, что имел — неужели ему отказали? Неужели он снова проиграл?

Потом с низким стоном, от которого у него перехватило дыхание, по гладкой поверхности льда пробежала неожиданная трещина. Она ускорила свой бег вверх, виляя и расширяясь, пока Артас едва не потерял из виду меч, хранящийся в сердцевине. Снова его охватило смущение, в уши даванул внезапный громкий треск, заполнивший залу.

Ледяная могила, заключавшая меч, взорвалась. Осколки разлетелись по зале, сами себе мечи, острые и зазубренные. Они добрились о твёрдый каменный пол и стены, но даже пав на колени, механически вскинув руки, чтоб прикрыть голову, Артас услышал внезапно оборвавшийся крик.

— Мурадин!

Удар ледяного осколка отбросил дворфа на несколько метров. Теперь он неуклюже развалился на холодном каменном полу, и ледяное копье торчало из середины его тела, вокруг него вяло растекалась лужа крови. Глаза его были закрыты, тело безвольно. Артас вскочил и поспешил к старому другу и тренеру, сдёргивая рукавицу. Он скользнул рукой по слабому телу, поместил ладонь на рану, воззрился на неё, желая, чтобы пришедший Свет наполнил его руки живительной энергией. Его раздирало чувство вины.

Так вот какой была зловещая цена. Не его жизнь, но жизнь его друга. Того, кто заботился о нём, учил и поддерживал его. Он склонил голову, глаза его жгли слёзы, и молился.

Это моя глупость. Моя цена. Прошу...

И тогда, словно знакомую ласку любимого друга, он ощутил это. Свет стремился сквозь него, утешающий и тёплый, и он проглотил всхлип, когда увидел, как сияние вновь начало окутывать руку. Он пал так низко, но не было слишком поздно. Свет не оставил его. Всё, что ему было нужно, это

испытать его, открыть ему своё сердце. Мурадин не умрёт. Он мог его вылечить, и вместе они...

Что-то пробежало по его загривку. Нет, нет, не по загривку... по отдалённому краю сознания. Он быстро поднял глаза...

И воззрился в изумлении.

Она освободилась от оков, чтобы упокоиться перед ним, её сине-белые руны окутывали её холодным и блестящим светом. Его собственный Свет опал с его рук, когда он поднялся, почти загипнотизированный. Ледяная Скорбь ждала его, любовница, которой нужно было касание желанного, чтобы пробудиться в истинной славе.

Шептание на задворках его ума продолжилось. Это был путь. Глупо было доверяться Свету. Он неоднократно предал его. Он не пришёл, чтоб спасти Непобедимого, его было мало, чтобы остановить неумолимую поступь чумы, которая изничтожала население его королевства. Мощь, сила Ледяной Скорби — это была единственная вещь, способная встать против могущества повелителя ужаса.

Мурадин был в потерях этой ужасной войны. Но, надо надеяться, жертва его будет последней. Артас встал и сделал несколько нетвёрдых шагов к сияющему оружию, его рука, всё ещё вымоченная в крови друга, тянулась, дрожа. Она сомкнулась на рукояти, и пальцы обвились вокруг черена, лёгшего в руку словно влитой, будто одно было сотворено для другого.

Его пробил холод, заставляя плечи затрепетать, распространяясь по телу в сердце. На мгновение пришла боль, и он знал знак тревоги, но вдруг всё стало в порядке. Всё было как надо; Ледяная Скорбь принадлежала ему, а он принадлежал ей, и её голос говорил, шептал, ласкал внутри его разум, будто всегда был там.

С криком восторга он воздел оружие, взирая на него с удивлением и горячей гордостью. Он всё исправит — он, Артас Менетил, славная Ледяная Скорбь была теперь такой же частью его, как разум, сердце или дыхание, и он пристально слушал секреты, которые та открывала.

ГЛАВА 16

Артас и его люди поспешили к лагерю, где, как оказалось, битва не утихла в их отсутствие. Число его солдат сокращалось, но трупов нигде не было. Он и не ожидал их увидеть - павшие сразу становились его врагом под командованием повелителя ужаса.

Фалрик, чья броня была все измазана кровью, поспешил к нему.

- Принц Артас! Мы сделали все, что могли и... где Мурадин? Мы больше не можем сдерживать их натиск!

- Мурадин мертв, - ответил Артас. Холодная, но успокаивающая сущность меча, казалось, немного ослабла, и боль заполонила его сердце. Мурадин поплатился высокой ценой - но это того стоило, если Мал'Ганис падет. Дворф согласился бы с ним, он же все знал и понимал, как и Артас. Дворфы Мурадина были поражены известием, но они продолжали отстреливать одну напирющую на них волну нежити за другой. - Его смерть не была напрасной. Мужайтесь, капитан. Враг не сможет противостоять мощи Ледяной Скорби!

Все посмотрели на него с недоверием, но Артас, не обращая на это внимание, бросился в бойню.

Он думал, что хорошо сражался своим благословенным молоком, оставленным и забытым в ледяном склепе, где когда-то была заточена Ледяная Скорбь, но это было ничто при сравнении с ним, какой урон наносил он сейчас клинком. Ледяная Скорбь была словно продолжением его самого, а не оружием. Он быстро вошел в ритм и начал шинковать нежить, словно она была многочисленными стеблями зерна, падающих от косы при сборе урожая. Оружие в его руках было совершенно и хорошо сбалансировано. Одним разящим взмахом отнял голову с плеч вурдалака. Он отдернул Ледяную Скорбь назад и раздробил кости скелета. Другой ритмичный удар повалил третьего врага. Все они падали возле него, он пробивал себе путь через них, и позади него росла груда гниющих тел. Один раз, когда он замешкался в поиске своего следующего противника, он заметил уставившегося на него Фалрика. Его лицо выражала благоговение, но также шок и... ужас? Только в резне он мог излить свой гнев. Ледяная Скорбь почти пела в его руках.

Поднялся ветер и пошел снег, густой и тяжелый. Ледяная Скорбь, казалось, была лишь рада усилившемуся снегопаду, ничуть не мешающему Артасу. Вновь и вновь меч находил свою жертву, и все больше мертвых падало замертво. Наконец, с миньонами нежити было покончено. Настало время их повелителя.

- Мал'Ганис, ты трус! - закричал Артас, даже его голос, легко пронесшийся вокруг воющим ветром, теперь показался ему незнакомым. - Выходи и покажи себя! Ты смеялся надо мной по прибытию сюда, теперь встань передо мной!

И повелитель демонов появился, став еще больше, чем его помнил Артас, злобно ухмыляясь, глядя вниз на принца. Он распрямился во весь свой внушительный рост, его крылья забились об воздух, его хвост хлыстал землю. Воины нежити позади него остановились, как только он небрежно щелкнул пальцами.

Артас был на сей раз готов к жуткому появлению повелителя ужаса. Теперь это его не испугало. Уставившись на своего врага, он бессловесно поднял перед собой Ледяную Скорбь, и руны, выгравированные вдоль всего лезвия клинка, замерцали. Мал'Ганис узнал оружие, и его синие губы слегка ухмыльнулись.

- Так ты все-таки решил заплатить за этот меч жизнями своих друзей, как и предсказывал Темный Властелин. Ты сильнее, чем я думал.

Слова были услышаны Артасом, но были и другие слова, нежно шепчущие в его разуме. Артас выслушал их, и свирепо усмехнулся.

- Ты трать слов понапрасну, Мал'Ганис. Теперь я слышу только голос моего меча.

Повелитель ужаса откинул назад свою рогатую голову и рассмеялся.

- Ты слышишь голос Темного Властелина, - парировал Мал'Ганис. Он указывал чернокогтистым пальцем на могучий рунический меч. - Он говорит с тобой через этот меч!

Артас почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Хозяин повелителя ужаса... говорит с ним через Ледяную Скорбь? Но... как это могло быть? Или это последняя уловка демона? Он был одурачен и доставлен прямо в когтистые руки Мал'Ганиса?

- Что он сказал тебе, юный принц? - Усмешка вновь исказила лицо Мал'Ганиса, подтверждающая, что он знал кое о чем, что не знал его собеседник. Повелитель ужаса злорадствовал, упиваясь замешательством принца. - Что сказал тебе Повелитель Тьмы?

И вновь последовал шепот, и на сей раз пришел черед усмехнуться Артасу, полностью скопировав скучающий вид повелителя ужаса. Теперь он знал кое-что, о чем Мал'Ганис даже не подозревал.

Артас занес Ледяную Скорбь над головой, этот огромный клинок, легкий и изящный в его руках, и затем он принял атакующую позу.

- Он сказал, что пробил час отмщения.

Зеленые пылающие глаза демона расширились.

- Что? Он не мог...

Артас атаковал.

Могущественный рунный клинок возвысился и упал вниз. Повелитель ужаса был захвачен врасплох, но лишь на мгновение, после которого он пришел в себя как раз вовремя, чтобы отклонить удар. Он отпрыгнул в сторону, его огромные крылья создали резкий порыв ветра, который растрепал золотые волосы Артас, но не нарушил его баланс и не снизил его скорость. Принц нападал снова и снова, его разум был холоден, но он был быстр и смертелен как гадюка, а его меч пылал от рвения. Внезапно его озарило: Ледяная Скорбь была голодна.

И часть его спросила с дрожью: Чего же она жаждет?

Но это не имело значения. Он, Артас, жаждал мести, и он намеревался ее получить. Каждый раз, когда Мал'Ганис пытался использовать магию, Ледяной Скорбь была тут как тут, отбрасывая его в сторону, режа его плоть, изматывая его, пока не наступил момент, когда был нанесен смертельный удар. Он ощутил, как этого требует Ледяная Скорбь, ее жажду, он издал клич, размахнувшись сверху вниз руническим клинком в мерцающей синей дуге, и лезвие прошло ровно посередине Мал'Ганиса.

Темная кровь забилась струей, брызгами падая на снег, и демон упал. На его лице застыла гримаса удивления; даже при смерти он не мог предположить, что может быть побежден.

На секунду Артас застыл, ветер и снег бились об него, жар от рун на лезвии Ледяной Скорби, слегка ослабленный темной демонической кровью, освещал его славную победу.

- Все кончено, - тихо произнес он.

Эта только часть твоего пути, молодой принц, - прошептала Ледяная Скорбь - или это был действительно Темный Властелин, о котором говорил Мал'Ганис? Он не знал этого и не хотел узнать. Он согнулся и бережно вытер лезвие о снег. - Но есть еще больше. Намного больше. И столь великая сила может стать твоей. Столько знаний и власти.

Артас вспомнил перевод Мурадина надписи с постамента его меча. Его рука сама по себе направилась к его сердцу. Теперь клинок был частью Артаса, а Артас был частью его.

Метель усилилась. Внезапно до него с удивлением дошло, что ему ничуть не холодно. Он выпрямился, держа Ледяную Скорбь, и осмотрелся вокруг себя. Окоченевшее тело демона лежало у его ног. Голос - Ледяной Скорби или таинственного Темного Властелина - был прав.

Есть еще больше. Намного больше.

И зима научит его этому.

Артас Менетил сжал свой рунный клинок, всмотрелся в метель и побежал в нее, чтобы охватить все.

Артас знал, что будет помнить этот перезвон всю свою жизнь. Колокола звонили лишь в особых случаях - королевской свадьбы, рождения наследника, похороны короля, всех тех событий, что сулили изменения в жизни королевства. И сегодня они звонили радостно. Он, Артас Менетил, вернулся домой.

Перед своим триумфальным возвращением он послал о себе весточку. Он обнаружил того, кто стоял за чумой. Он нашел его. И убил его, и с этот день он вернется в лучах славы туда, где он родился. Когда он шагал вдоль дороги к Столице пешком, его приветствовали возгласами и аплодисментами, вся его нация, спасенная от бедствия их любимым принцем, была преисполнена

благодарности к нему. Он принял это как должное, но все его мысли были о встрече с его отцом после столь длительного расставания.

Я должен поговорить с Вами лично, Отец, и рассказать Вам о том, чему я научился и увидел во время путешествия, - написал он в своем письме, доставленном несколькими днями ранее курьером. - Уверен, вы уже общались с Джайной и Утером. Могу вообразить, что они наговорили, пытаюсь настроить Вас против меня. Заверяю Вас, я делал лишь то, что, как я верю, должно принести великую пользу гражданам Лордерона. В итоге я уничтожил того, кто напустил эту чуму на наших людей, и я возвращаюсь домой с победой, с нетерпением желая начать новую эру нашему королевству.

Те, кто следовал позади него, были столь же тихи, как и он, их лица также были прикрыты капюшонами. Но толпа и не требовала от них ответа на их радость. Могучий разводной мост был спущен перед ними, и Артас прошелся по нему. Толпа приветствовала его и здесь, это были уже не простолюдины, а дипломаты, низшая знать, почетные гости от рас эльфов, дворфов и гномов. Они стояли не только во внутреннем дворе но также и его стенах на балконах. Лепестки роз, розовые, белые и красные, падали вниз на возвращающегося героя.

Артас вспомнил, что однажды ему хотелось увидеть, как Джайна стоит рядом с ним в их свадебный день, и лепестки падали на ее поднятое лицо, сияющее от улыбки и готовое поцеловать его.

Джайна...

Задумавшись, он поймал рукой один из красных лепестков. Он задумчиво провел по нему пальцем, затем нахмурился, ибо на мягкой поверхности цветка появилось пятно. Оно увеличивалось, высушивая и убивая лепесток, пока тот не стал полностью коричневым. Быстрым презрительным жестом он отбросил от себя мертвый предмет и продолжил свой ход.

Он распахнул перед собой огромные двери в тронную комнату, которую он так хорошо знал, шагнул вперед, быстро глянул на Теренаса, и улыбнулся своему отцу, что сложно было усмотреть из-за надетого капюшона. Артас встал в почтении на колени, поставив перед собой Ледяную Скорбь, наконечник которой коснулся печати, изображенной на каменном полу.

- А, сын мой, рад снова видеть тебя, - сказал Теренас, медленно поднявшись.

Теренас выглядел нездоровым, подумал Артас. Происшествия прошлых месяцев сильно сказались на состоянии монарха. Его волосы стали еще более седыми, а глаза выглядели уставшими.

Но теперь все будет в порядке.

Тебе больше не придется страдать ради своего народа и нести бремя этой короны. Я позабочусь обо всем.

Артас встал, его броня загрохотала от резкого движения. Он поднял руку и сдернул капюшон со своего лица, наблюдая за реакцией своего отца. Глаза Теренаса расширились, увидав, насколько изменился его единственный сын.

Волосы Артаса, когда-то золотистые как пшеница, которая давала хлеб насущный его людям, теперь были белыми как кости. Он знал, что его лицо было также бледно, как будто кровь внутри него застыла.

Настало время, - прошептала в голове Ледяная Скорбь. Артас устремился к своему отцу, который стоял на постаменте, взирая на него с сомнением. В комнате было несколько охранников, но они не будут помехой для него, Ледяной Скорби и двух сопровождающих его помощников. Артас смело забрался по ступеням трона и схватил своего отца за руку.

Артас отодвинул свой клинок, направив лезвие на отца. Руны Ледяной Скорби вспыхнули в нетерпенье. И затем последовал шепот, не от меча, а из памяти...

...голос темноволосого принца, словно из прошедшей жизни...

- Он был убит. Близким другом... Она убила его. Нанесла предательский удар прямо в сердце...

Артас встряхнул головой, заставив голос замолкнуть.

- Что это? Сын мой, что ты делаешь?

- Я становлюсь королем... Отец.

И голод Ледяной Скорби был утолен.

Тогда Артас дал им волю - своим новым, беспрекословным, послушным слугам. Быстро расправившись с охранниками, засвидетельствовавших

убийство его отца, он понесся преисполненный холодной решимостью обратно во внутренний двор.

Это было безумие.

То, что когда-то было пиршеством, стало бойней. То, что когда-то было празднованием, теперь стало кровавой мясорубкой. Немногие сбежали. Большая часть тех, кто ждал в течение многих часов в шеренге, чтобы встретить своего принца, теперь лежали мертвыми, с застывшей кровью из их ужасных ран, с отрезанными конечностями, переломанными телами. Послы лежали вместе с простолюдинами, мужчины и женщины - с детьми, все были равны перед смертью.

Артаса не беспокоило, какова теперь будет их судьба - стать падалью для ворон или новыми пустышками, следующие его приказам. Он оставит их его капитанам, Фалрику и Марвину, столь же бледными, как он, и в два раза беспощаднее его. Артас шел по пути, по которому он прибыл сюда, сосредоточившись лишь на одной вещи.

Зачистив внутренний двор, он выбежал из него, покинув трупы, живые и лежащие. Ни одна лошадь теперь не желала нести его; звери сходили с ума лишь учуяв его запах и тех, кто следовал за ним. Но он теперь не уставал; однако шепот преследовал его, и это была не Ледяная Скорбь или Король Лич, говорящий с ним через рунный клинок. Он стремительно продолжал свой бег, ноги несли его в одно местечко, где он не был уже несколько лет.

Голоса кружились в его голове, воспоминания, отрывки бесед:

- Ты же знаешь, что тебе еще не разрешали на нем ездить.

- Ты пропустил свои уроки. Опять.

Ужасные вопли измученного Непобедимого, эхом отзывающиеся в его голове. Свет, задержавшийся на один ужасный миг, как будто решая, был ли он достоин его благодати. Лицо Джайны, когда он разорвал с ней отношения.

- Послушай меня, мальчик. Тьма уже опустилась на землю, и ничто не в силах остановить ее. Чем яростнее ты будешь бороться с врагами, тем быстрее твои люди окажутся в их власти.

- ...Это тебе не испорченный урожай! Это - город, где полно живых людей!

-...Мы знаем мало, слишком мало - и не можем же мы вырезать весь город только из животного страха!

- Ты солгал своим людям и предал наёмников, которые сражались за тебя!.. Это не мальчик Теренаса.

Но все они не могли понять, не могли увидеть правду. Джайна-Утер-Теренас-Мурадин. Все они в некий момент, словом или взглядом, сказали ему, что он был неправ.

Он замедлил свой темп, поскольку прибыл в поместье. Его слуги побывали здесь еще до него, и сейчас здесь были только трупы, валяющиеся на земле. Артас остался безучастным, несмотря на мимолетную боль, которая все еще присутствовала в нем; но им, по крайней мере, повезло просто умереть. Это просто мужчина, женщина и юнец его лет.

И львиный зев... он цвел так бурно в этом году, показалось ему. Артас подошел и протянул руку, чтобы коснуться одного из красивых, высоких, синих как лаванда цветов, но затем остановился, вспомнив о лепестке розы.

Он пришел сюда не ради цветов.

Он развернулся и направился к могиле, которой было почти семь лет. Трава уже скрыла лежанку, но надгробие сохранилось, как и надпись на нем. Но Артасу не надо было ее читать, чтобы знать, что покоится здесь.

Он постоял еще секунду, более тронутый смертью того, кто был в могиле, чем его собственного отца от его руки.

Теперь сила твоя, - прибыл шепот. - Поступай, как хочешь.

Артас протянул одну руку, твердо сжимая другой Ледяную Скорбь. Темный свет начал обвивать его протянутую руку, постоянно увеличивая скорость. Затем свет ринулся с его пальцев, словно змея, дергающаяся и извивающаяся по своей воле, и пронзил землю.

Артас почувствовал, что темный свет объединился там со скелетом. Радость охватила его, и слезы нахлынули на глаза. Он поднял руку, вызывая к мертвому существу, очнувшемуся после семилетнего сна в прохладной темной земле.

- Восстань! - скомандовал он, слово словно само вырвалось у него из груди.

Могила зашевелилась, земля разверзлась. Костистые ноги искали своими копытами опоры на рыхлой земле, прорывая землю, из нее вырвался череп. Артас наблюдал за этим, затаив дыхание, на его по-прежнему бледном лице сияла улыбка.

Я видел, как ты родился, - подумал он, вспоминая плеву, окутывающую карабкающегося, влажного, небольшого нового жителя этого мира. - Я помог тебе войти в этот мир, и я помог тебе его покинуть... и теперь моей волей ты будешь рожден заново.

Костяной конь изо всех сил пытался выбраться на землю и, наконец, ему это удалось, его передние ноги твердо встали и подняли его. Красный огонь горел в его пустых глазницах. Он откинул свою голову, встал на дыбы и, так или иначе, радостно заржал, хотя его легкие уже давно сгнили.

Дрожа, Артас протянул руку нежити, которая тут же ткнулась в его руку своей костистой мордой. Семь лет назад он привел эту лошади к смерти. Семь лет назад он пролил слезы, замерзшие на его лице, ибо он проткнул мечом свое любимое животное прямо в его верное сердце.

Он нес вину за это в одиночку все это время. Но теперь он понял - это все было частью его судьбы. Если бы он не убил своего коня, то он не мог бы теперь вернуть его. Будучи живым, он испугался бы его. Но этот конь был мертвым, с горящими глазами, костями, скрепленными некромантской магией, которой теперь мог владеть Артас. Благодаря подарку таинственного Короля Лича, лошадь и наездник могли, наконец, воссоединиться, как им было и предначертано. Не было никакой ошибки семь лет назад; он не ошибался. Ни тогда, ни теперь.

Ни когда-либо.

И это было доказательством.

Кровь его отца все еще сочилась и покрывала Ледяную Скорбь. На всей земле, которой он теперь правил, прибудет смерть. И изменения.

- Это королевство будет уничтожено, - пообещал он своему любимому коню, набросив свой плащ по его костяную спину и взобравшись на него. - И на его обломках возникнет новый порядок, который станет основой мира!

Конь заржал.

Вместе они были непобедимы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ТЕМНАЯ ГОСПОЖА

ИНТЕРЛЮДИЯ

Сильвана Ветрокрылая, бывший генерал следопытов Кель'Таласа, банши и Темная Госпожа отрекшихся шла по своему Королевскому кварталу той же быстрой и мягкой походкой, что и при жизни. Для бытовых задач она всегда входила в свое тело. Ее кожаные ботинки беззвучно шагали по каменным залам Подгорода, но глаза ее подданных неустанно следили за своей госпожой. Она была бесподобной и не совершала ошибок.

В свое время ее волосы были золотыми, у нее были синие глаза и кожа цвета свежего персика. В свое время она была жива. Теперь пряди ее волос, спрятанные отчасти под иссиня-черным капюшоном, были темнее полуночной тьмы. Она носила добротные кожаные доспехи, открывающие ее стройный и сильный – те же, что и при жизни. Ее уши дергались с каждым звуком. Она не часто выходила из своих палат. Она правила этим городом, и мир сам приходил к ней.

Вокруг нее бегал мастер-аптекарь Фаранелл, глава Королевского Фармацевтического Сообщества. Он живо беседовал с ней, глупо при этом улыбаясь.

– Я так рад, что вы согласились прийти, моя госпожа, – говорил он, пытаюсь кланяться, ходить и говорить одновременно, – Вы приказывали доложить вам, если наши эксперименты пройдут удачно, и говорили, что хотели бы увидеть наши...

– Я знаю, что приказывала, Доктор, – оборвала его Сильвана, как только они начали спускаться по завернутому коридору в трущобы Подгорода.

– Да, да, да, конечно! Нам вот сюда, – они вошли в зал, что мог бы показаться человеку со слабой психикой домом ужасов. На большом столе нежить деловито сшивала части разных трупов, что то напевая себе под нос. Сильвана легонько улыбнулась.

– Приятно видеть, что кому-то так нравится его работа, – сказала она, лукаво улыбаясь. Ученик немного оторопел, но потом низко поклонился.

Где-то низко гудел и трещал электрический заряд. Алхимики сустились вокруг лабораторных столов, смешивая зелья и записывая результаты экспериментов. Стоял странный запах гноя и химикатов вперемешку с чистым и сладким ароматом трав. Сильвана на миг оторопела. Запах трав заставил ее... заскучать по дому. К счастью, это чувство быстро прошло. Таки чувства не могут жить долго.

– Покажи, – приказала она. Фаранелл поклонился и проводил ее через главный зал, мимо подвешенных на крюках кусков чьих-то тел, в маленькую комнатку.

Она услышала тихий плач. Войдя внутрь, Сильвана увидела клетки, что стояли на полу или висели на цепях, привязанных к потолку. В каждой из них были подопытные. Несколько людей. Несколько отрекшихся. Все с уставшими глазами зверей в неволе, скованными напрочь глубоко въевшимся страхом.

Терпеть им осталось еще недолго.

– Как вы можете себе представить, миледи, – сказал Фаранелл, – Довольно трудно найти нежить Плетей для опытов. Конечно, в качестве подопытных существ, отрекшиеся подходят точно так же, как и Плеть. Но я рад сообщить вам, что наши полевые испытания были проведены весьма успешно.

Последние слова взволновали Сильвану, и она украсила аптеку своей редкой и все еще красивой улыбкой.

– Это меня весьма радует, – сказала она.

Доктор задрожал от восторга. Он подозвал к себе своего ассистента Кивера, отрекшегося, чей мозг, видимо, пострадал от первой смерти – он всегда бормотал о себе что-то от третьего лица. Бубня себе под нос, он вытащил двух подопытных кроликов из клеток. Первой была человеческая женщина, что была еще не до конца скована страхом и могла позволить себе тихонько хныкать. Мужчина-отрекшийся же казался совершенно безразличным к происходящему вокруг и шел совершенно спокойно. Сильвана обвела его взглядом.

– Преступник?

— Конечно, моя госпожа.

Она на миг задумалась, так ли оно было на самом деле. Но решила, что это не важно. Даже таким образом он служил Отрекшимся. Человеческая девушка упала на колени. Кивер наклонился и дернул ее за волосы. Она вскрикнула, открыв рот, и он влил ей туда содержимое чашки, заставив проглотить.

Сильвана наблюдала за тем, как она боролась. Отрекшийся возле нее без лишнего шума взял у Фаранелла чашу и выпил до дна.

Все произошло быстро. Девушка скоро прекратила сопротивляться, и ее тело забилося в припадках. Кивер отпустил ее и почти с любопытством стал смотреть, как из ее рта, ушей, глаз и носа начала стекать кровь. Сильвана обратила свой пристальный взгляд к отрешившемуся. Он все еще тихо стоял на ногах. Она нахмурилась.

— Быть может, это действует не так хорошо, как ты...

Отрекшийся передернулся. Он изо всех сил попытался устоять на ногах, но его ослабелое тело предало его, и он тяжело рухнул на пол. Все отступили назад. Сильвана увлеченно смотрела на подопытного, и ее рот приоткрылся от восторга.

— То, что нужно? — спросила она Фаранелла. Людская женщина еще разок хныкнула, глядя на потолок широко открытыми глазами. Алхимик счастливо кивнул.

— Самое оно, — сказал он, — Как видите, результаты...

Отрекшийся на полу дрыгнулся, и из дырок на его коже полился темный гной. Затем он опять стал лежать смирно.

— ... весьма радуют.

— И вправду, — сказала Сильвана. Она едва могла скрыть восторг. «Радуют» - это не то слово.

— Чума, что убивает и людей и Плеть. И, видимо, моих подданных вместе с ними — они ведь тоже нежить, — она посмотрела на него пылающими серебристым светом глазами, — Мы должны позаботиться, чтобы она никогда не попала в чужие руки. Результаты могут быть... плачевными.

— Действительно могут, моя госпожа, — выдавил он из себя.

Вернув лицу маску бесчувственности, она вернулась в королевские кварталы. Сейчас ее заботили тысячи вещей, но самой главной ее мыслью, яркой, как плетенный человечек в костре на Тыквовин, была одна:

Наконец, Артас, ты заплатишь за содеянное. Люди, такие же, как ты, будут уничтожены. Твоя Плеть остановит свой губительный путь. Ты больше не сможешь прятаться за легионами твоих безвольных мертвых марионеток. И мы будем так же милосердны к тебе, как и ты был к нам.

Хоть как Сильвана хотела казаться бесчувственной, она не смогла не улыбнуться.

ГЛАВА 17

Какая ирония! – думал Артас, скача верхом на верном ему в смерти Непобедимом в сторону Андорала. Он убил некроманта Кел’Тузеда – и теперь он же должен его воскресить!

Ледяная Скорбь шептала ему, но ему не нужен был голос меча – голос Короля-лича, как он сам себя окрестил – чтобы увериться в простой истине. Пути назад не было. Так же, как и желания вернуться.

После падения Столицы Артас совершил путь темного паладина. Он шел с города в город вдоль своих земель, обращая к себе народ своими новыми силами. Плеть, как окрестил это Кел’Тузед – вполне подходящее название. Орудие для самобичевания, которую использовали некие крайне фанатичные священники, чтобы очистить себя от грехов. Его же Плеть очистит землю от живых. Сам он стоял будто на грани двух миров. Он никогда не умирал, но шепот Короля-лича называл его рыцарем смерти, а его кожа, волосы и глаза выцвели, будто подтверждая, что это – больше, чем красивый титул. Он не знал, кто он. Ему было все равно. Он – носитель воли Короля-лича, и в его руках была Плеть. И он понял, что своим странным и мерзким способом он любит ее.

Теперь Артас служил Королю-личу через одного из его сержантов, повелителя ужасов, почти точь-в-точь похожего на Мал’Ганиса. Тоже ирония. И ему тоже все равно.

– Я – повелитель ужаса, как и Мал’Ганис, но я – не враг вам, – говорил ему Тикондрий, и его губы скривились в улыбке, до презрения высокомерной. – Напротив, я пришел вас поздравить. Ты прекрасно справился с испытанием. Убил отца, отдал эти земли во власть тьмы. Короля-лича радует твой... энтузиазм.

После этих слов, Артас ощутил сразу два родных чувства – радость и боль.

– Да, – ответил он, стараясь сохранить твердый голос пред взором демона, – Все, чем я дорожил в этой жизни, я принес в жертву ему. И ничуть не жалею об этом. В моем сердце нет места для стыда и раскаянья!

И в глубине души он услышал другой шепот, не Ледяной Скорби: «Лжец».

Он заткнул это странное чувство. Так или иначе, голос замолчал. Он не мог сейчас позволить себе размякнуть. Это ведь похоже на гангрену: не вырежешь сейчас – потом будет поздно.

Тикондрий, казалось, этого не заметил. Он указал рукой на Ледяную Скорбь.

– Рунный клинок, покоящийся в твоих ножнах, был выкован моими братьями давным-давно. Король-лич позволил ему поглощать души смертных. Твоя душа стала первой.

Внутри Артаса взволновались чувства. Он взглянул на клинок. Слова Тикондрия зацепили его. Поглощать. Если бы Король-лич попросил его душу в обмен на спасение его народа, он бы отдал ее. Но Король-лич не просил – он просто взял. И теперь она там, внутри пылающего холодным светом меча, так близко к Артасу, что принц – король, точнее – мог не то, чтобы совсем, но почти ее коснуться. И что же, Артас получил то, чего просил? Его народ был спасен?

А какое это имеет значение?

– Ну что ж – я проживу и без нее, – сказал он, заметив пристальный взгляд Тикондрия. – И что же от меня нужно Королю?

– Тебе предстоит возродить Культ Проклятых, чтобы с его помощью выполнить великую задачу – возродить некроманта, по имени Кел’Туезд.

Ему сказали, что его останки покоятся в Андорале, где Артас и оставил их – кучу разлагающейся зловонной плоти. В Андорале, откуда начало распространяться зараженное чумою зерно. Он вспомнил, с какой ненавистью он накинулся тогда на некроманта – та ненависть давно прошла. Его бледные губы изогнулись в улыбке. Ирония.

Дома, которые в тот раз загорелись пламенем, теперь были обугленными кусками древесины. Никто не спасет тех мертвецов, что станут между ним и его целью... Или не... Артас нахмурился и потянул за уздечку. Непобедимый тут же остановился. После смерти он оставался таким же послушным, как в жизни. Артас бросил взгляд на кучку фигур, бродящих вокруг. Те мизерные лучики света, что сияли там в этот пасмурный день, отражали их...

– Доспехи! – вскрикнул он. Вдоль границ кладбища и вокруг одной маленькой гробницы караулили мужчины в доспехах. Он искоса посмотрел на них удивленными глазами. Не просто живые, не только воины, а еще и паладины! Он знал, зачем они здесь. Кел’Тузед, оказывается, был интересен не только ему.

Но он расторг орден. Не должно быть больше никаких паладинов, тем более – здесь. Ледяная Скорбь томно шептала ему. Она жаждала крови. Артас вынул из ножен рунный клинок, и одно его появление вдохновило небольшую армию мертвых прислужников. Непобедимый помчался вперед, и на лицах охранителей кладбища с его появлением читался страх. Они боролись отважно, но были обречены. Они и сами знали – это читалось в их глазах.

И только он отпустил Ледяную Скорбь, чувствуя, с какой радостью он принял новые души, как услышал голос за своей спиной.

– Артас!

Артас уже слышал этот голос, но не мог припомнить где. Он оглянулся. Человек был высоким и статным. Он снял свой шлем, и оттуда вывалилась толстая борода, по которой Артас и признал его.

– Гавинрад! – удивленно сказал он, – Давно не виделись!

– Не слишком давно. Где тот молот, что мы тебе дали? – с отвращением сказал Гавинрад, – Оружие паладина. Оружие чести.

Артас вспомнил. То был тот человек, что возложил молот к его ногам. Как чисто, как ясно, как просто все казалось в те дни.

– У меня теперь оружие получше, – сказал Артас. Он поднял Ледяную Скорбь. Она билась в его руке от нетерпения. Но в его мыслях зародилась прихоть, и он повиновался ей.

– С дороги, брат! – сказал он с несвойственной мягкостью в голосе – Я пришел за парой старых костей, и не хочу, чтобы мне мешали! Ради того дня, ради ордена, в котором мы были, не заставляй меня поднимать на тебя руку и дай пройти.

Густые брови Гавинрада сдвинулись, и он плюнул в сторону Артаса.

– Не могу поверить, что когда-то мы называли тебя своим братом! Зачем только Утер поручился за тебя? Твое предательство разбило Утеру сердце!

Он готов был отдать за тебя жизнь – и вот твоя благодарность? Я знал, что избалованному принцу не место в рядах ордена! Ты осквернил имя Серебряной Длани!

Внутри Артаса вспыхнула ярость, так быстро, так сильно, что он едва ею не захлебнулся. Да как он смеет! Артас – рыцарь смерти, длань Короля-лича! Жизнь, смерть, жизнь после смерти – все повинуетя его воле. А Гавинрад посмел плюнуть на его предложение разойтись с миром? Артас оскалил зубы.

– Нет, брат, – мягко проговорил он, – Я убью тебя, и подниму назад, как своего слугу. И заставлю петь под мою дудку. И вот это, Гавинрад, осквернит имя Серебряной Длани.

Он с улыбкой поддразнил его к себе. Нежить и культисты, что пришли за ним, тихо ждали позади. Гавинрад не набросился на него, но собрался и воздал мольбу Свету, что уже его не спасет. Артас позволил ему закончить молитву, позволил ему зажечь свой молот пламенем праведного гнева, как он сам когда-то умел. С Ледяной Скорбью в руках и властью, данной Королем-личем, он знал, что у Гавинрада не было шансов.

И вправду, не было. Паладин бросил в бой все свои силы – но этого было мало. Артас играл с ним, делая вид, что молитва Гавинрада сломила его, но вскоре ему наскучили игры, и он сразил бывшего брата по оружию одним мощным взмахом клинка. Он ощутил, что Ледяная Скорбь поглотила еще одну душу, и вздрогнул, когда безжизненное тело Гавинрада рухнуло на землю. Несмотря на обещание, данное ему перед боем, Артас позволил паладину умереть навсегда.

Коротким жестом он приказал своим слугам откопать труп. Сам он оставил Кел'Тузеда гнить там, где он умер, но кто-то, скорее всего верные последователи некроманта, возвели для его тела целый маленький склеп. Теперь послушники Культа Проклятых умчались к гробнице и с трудом отодвинули крышку. Внутри был гроб, и его быстро вытащили наружу. Артас с улыбкой легонько пнул его.

– Следуй за мной, некромант, – насмешливо сказал он, когда ящик перенесли на борт транспортного средства, прозванного «труповозкой», – Силы, которым ты служил, вновь призывают тебя.

– Я же говорил: моя смерть ничего не изменит.

Артас оцепенел. Он уже почти привык слышать голоса в голове. К голосу Короля-лича, что шептал ему через Ледяную Скорбь, так точно привык. Но это был не Король-лич. Он узнал этот голос. Он слышал его прежде, но тогда голос был высокомерным и едким, а не тихий и заговорщический.

Кел'Тузд.

– Что за... Теперь я слышу призраков?

И не только слышал. Видел. Одного уж точно. Перед его глазами медленно появилась фигура Кел'Тузед, прозрачная и легкая, с зияющими темными дырами вместо глаз. Но это явно был он, и его призрачные губы изогнулись во всезнающей улыбке.

– Я рад, что не ошибся в тебе, принц Артас.

– Вас только со смертью посылать, принц, – прогремел сердитым басом, казалось, неоткуда взявшийся Тикондрий, и призрак – если он и был там – исчез. Артас встрепенулся. Ему только показалось? Вместе с душой он стал терять разум?

Тикондрий, ничего не заметив, сбросил крышку гроба и отвращением увидел внутри почти сгнивший труп Кел'Тузед. Артас ждал, что смрад будет для него несноснее – но он все равно была ужасной. Он вспомнил, как почти целую жизнь назад он поразил некроманта своим молотом, и как на его глазах труп начал разлагаться.

– Останки почти разложились. Мы не довезем их до Кель'Таласа.

Артас с радостью отвлекся от созерцания мертвеца.

– Кель'Талас? Золотой эльфийский край...

– Да. Только сила Солнечного Колодца эльфов может вернуть Кел'Тузед к жизни, – хмурый взгляд повелителя ужаса помрачнел еще больше, – У паладинов хранится особая урна. В ней мы сможем привезем останки некроманта в нужное место в сохранности.

Повелитель ужаса ухмыльнулся. За этой задачей стояло больше, чем казалось на первый взгляд. Артас хотел было спросить его, но сдержался. Если Тикондрий не рассказал подробности – значит и не расскажет. Он пожал плечами, оседлал Непобедимого, и поскакал куда ему сказали.

А за спиной его слышался зловещий хохот демона.

Тикондрий был прав. Вдоль дороги шла маленькая пешая похоронная процессия. Артас узнал ее по церемониям – это были похороны генерала или важного сановника. Несколько человек в доспехах строем шли впереди. Один, посреди процессии, нес что-то в сильных руках. Слабые лучики света заиграли на его доспехах и на том, что он нес – на урне, о которой говорил Тикондрий. И вдруг Артас понял, что так позабавило Тикондрия.

Ноша паладина была особой, броня – единой в своем роде. Артас схватил во внезапно ослабевшие руки Ледяную Скорбь. Он приказал несметному полчищу спустится вниз, и, немного встревоженный, пошел за ними.

Хоть процессия и состояла из знатных борцов, но она была небольшой, и ее легко было окружить. Они обнажили клинки и молоты, но не стали нападать, ожидая приказов человека, что держал в руках урну. Утер – это не мог быть никто иной – держал себя в руках. Он бросил взгляд на бывшего ученика. Его лицо оставалось безразличным, хоть и куда более уставшим, чем помнил Артас, но глаза горели праведной яростью.

– Пес всегда вернется к своей рвоте, – процедил Утер – Я молил Свет, чтобы ты не пал ниже оставался в стороне.

Артас вздрогнул, но ответил грубым голосом.

– Для меня это только начало пути. А ты, я вижу, все еще называешь себя паладином, хоть я и распустил орден.

Утер засмеялся, но в его смехе была неприкрытая горечь.

– Будто ты имел право сам его распустить. Я просто отвечаю Свету, мальчишка. Как и ты когда-то.

Свету. Он все еще помнил его. Его сердце пошатнулось в груди, и на миг он опустил меч. Тогда в его уме зашептал голос, что напомнил ему о власти, данной ему теперь, и о том, что он не получил бы ее следуя стезям Света. Артас крепко сжал в руках Ледяную Скорбь

– Когда-то я делал много глупостей, – парировал он, – Но теперь уже нет.

– Твой отец правил этой страной пятьдесят лет, а ты уничтожил все за несколько дней. Но разрушать легче, чем строить, правда?

– Как трогательно, Утер. Жаль, у меня нету времени на разговоры о былом. Я приехал сюда за урной. Отдай мне ее – и ты умрешь без мучений.

Никакой пощады ему. Никакой. Даже если он попросит. Особенно если он попросит. Слишком много связывало их в прошлом. Слишком много чувств было между ними.

Теперь Утер был весь в гневе, и испепелял взглядом Артаса.

– В ней – прах твоего отца, Артас. Неужели ты осмелишься вновь оскорбить его память?

Внезапно Артаса поразило.

Отец...

– Я и не знал, что в этой урне, – пробормотал Артас, как Утеру так и сам себе. Это было вторым обстоятельством, вызвавшим ухмылку на лице повелителя ужаса. Он знал, что было в урне. Испытание во время испытания. Мог ли Артас поднять руку на наставника? Мог ли осквернить прах своего отца? Артасу стало дурно от всего этого. Он обратил это в гнев, поднял Ледяную Скорбь.

– Но это и не важно. Я получу то, зачем пришел. Так, или иначе.

Ледяная Скорбь дрожала в его руках и в его мыслях, ожидая схватки. Артас приготовился напасть. Утер расценил его взглядом, и затем медленно поднял собственный пылающий молот.

– Я не хочу в это верить, – сказал он, и Артас с ужасом понял, что на его глазах появились слезы, – Когда ты был молодым и самовлюбленным, я считал это просто ребячеством. Когда в тебе родилось упрямство, я решил, что это просто стремление вырваться с тени своего отца. А в Стратхольме... прости меня Свет... я молился, что ты сможешь увидеть свои ошибки и вернуться на свой путь. Я не мог поднять руку на сына моего правителя.

Артас улыбнулся, и они двое стали кружить друг напротив друга.

– Но сейчас-то придется.

– Это была моя последняя клятва твоему отцу. Моему другу. Я обязан похоронить его с почестями, даже если его, беспомощного и безоружного, убил его собственный сын.

– Ты умеешь, исполняя клятву.

– Может быть, – Утера, казалось, это совсем не беспокоило. – Я лучше умру, исполняя свой долг, чем буду жить твоей милостью. Я рад, что он умер. Рад, что он не видит, во что ты превратился.

Эти слова... больно задели его. Артас сам не ожидал этого. Он остановился, и внутри его вскипели чувства. И Утер воспользовался этой заминкой, чтобы напасть.

– Во имя Света! – крикнул он, взмахнув со всей силой молотом. Светлое оружие просвистело возле Артаса.

Он уклонился в последний момент, и его лицо ощутило ветер, разрезанный молотом. Лицо Утера было спокойным, сосредоточенным... и смертельным. Это был его долг, он знал это – убить изменника и остановить распространение зла.

Так же и Артас знал, что обязан избавиться от человека, который когда-то научил его жить. Он должен избавиться от прошлого... всего своего прошлого. Иначе оно всегда будет следовать за ним, искушая возможностью раскаянья и прощения. С диким криком Артас опустил Ледяную Скорбь.

Молот Утера заблокировал удар. Два человека смотрели друг на друга, их глаза раздало несколько дюймов, и каждый из них старался пересилить другого, пока Утер не откинул Артаса назад. Юнец споткнулся, и Утер продолжил натиск. Его лицо было непоколебимо, но глаза были решительными и жестокими. Казалось, он сражался так, будто его победа неизбежна. Самоуверенность сыграла с Артасом злую шутку. Никогда раньше ведь он не был сильнее Утера, пока не...

– Все закончится здесь, парень! – громогласно сказал Утер. Артас с ужасом увидел, что паладин весь пылал ярким светом. Не только его молот, но и все его тело, будто сам он был оружием Света, что сразит Артаса, – Во имя правосудия!

Молот опустился. Артас тяжело выдохнул, когда молот ударил его прямо в живот. Лишь его доспехи спасли его, выдержав даже удар пылающего молота светоносного паладина. Артас растянулся на земле, Ледяная Скорбь выпала из его рук, и он из последних сил попытался подняться, или хотя бы дышать. Свет... он отвернулся от него, он предал его. И теперь он отмстил через Утера Светоносного, своего величайшего защитника, наделив его своим блеском и славой.

Жар, окутывавший Утера, раскалился, и Артас согнулся в муках, ведь он обжигал его глаза и душу. Он был не прав, когда предал его, ужасно не прав, ведь теперь милосердие и любовь покинули его, оставив лишь зияющую рану. Он посмотрел вверх, на чистый белый свет, что был в глазах Утера, и заплакал, готовясь к смертельному удару.

Он выхватил меч, сам того не понимая – или он вскочил ему в руки по собственной воле? В том хаосе, что царил в его уме, Артас не мог знать ответ. Все, что он знал – это то, что в его руках теперь Ледяная Скорбь, а в голове – шепот.

Там где есть Свет – есть и тень. Там где есть день – есть и ночь. И даже самую яркую свечу можно загасить.

Как и самую светлую жизнь.

Он взглотнул комок в горле и снова смог дышать. И вот тогда Артас сумел заметить, что Свет вокруг Утера чуточку потускнел. А затем Утер поднял молот, чтобы нанести Артасу последний удар.

Но его уже там не было.

Если Утер был как медведь, громадный и могучий, то Артас был подобен тигру, сильному, быстрому и ловкому. Молот, могучее и Светом благословенное оружие, не предполагал скорость боя, что отлично подходило к стилю боя Утера. Ледяная Скорбь же, хоть и была огромным двуручным клинком, казалось, могла сражаться и самостоятельно.

Он вновь бросился в бой, отставив самоуверенность и теперь сражался на полную. Он не замедлил напасть на Утера первым, не дал паладину опомниться, чтобы поднять молот и опять нанести сокрушительный удар. Утер смотрел на него с удивлением, но свет, что ярко пылал в его теле, рассеивался с каждой секундой.

Рассеивался перед властью, данной Королем-личем.

Снова и снова Ледяная Скорбь наносила удары – что отражались то головкой молота, то рукоятью, то доспехами, больно укусив паладина прямо в то место, где наплечник крепится к нагруднику.

Утер выругался и отступил назад. С его раны полилась кровь. Ледяная Скорбь жаждала большего, и Артас готов был дать больше.

С диким ревом Артас набросился на противника. Молот, огромный и светозарный, упал из обессиливших пальцев Утера, когда Ледяная Скорбь вгрызлась в его руку. Удар изогнул нагрудный доспех Утера. Спустя мгновение второй удар в то же самое место разломил его и меч вонзился в его грудь. Накидка Утера, синяя в золоте в цветах Альянса, которому он когда-то служил, упала на заснеженную землю, и Утер Светоносный тяжело упал на колени. Он посмотрел на Артаса. Он тяжело дышал, кровь сочилась из его рта, лилась на бороду, но на его лице не было ни намека на принятие поражения.

– Надеюсь, для тебя уже приготовлено место в аду, – он кашлял, захлебываясь кровью.

– Боюсь, мы этого никогда не узнаем, Утер, – холодно сказал Артас, поднимая Ледяную Скорбь, что почти пела, в ожидании последнего удара. – Все дело в том, что я собираюсь жить вечно.

Он опустил рунный клинок прямо вниз, сквозь горло, чтобы заставить его непокорный голос навсегда замолчать, прямо в его большое сердце. Утер умер почти незамедлительно. Артас вытащил клинок и, потрясенный, отступил назад. Конечно, только из-за ликования.

Он стал на колени и поднял урну. Он держал ее в руках несколько долгих мгновений, и тогда медленно разломил печать и опрокинул ее, высыпая содержимое. Прах короля Теренаса упал на землю, подобно серому дождю на снег. Внезапно поднялся ветер. Серый пепел, который был все, что остался от короля, побежал за ветром, будто стремясь укутать рыцаря смерти. Артас оступился назад. Его руки сами по себе поднялись, чтобы прикрыть лицо. Он закрыл глаза и отвернулся, не достаточно быстро. Пепел вызвал удушье в его горле и он закашлялся. Он пытался протереть руками лицо, стереть пепел, что забивал его горло, жалил глаза. Он выплевался, и его подтошнило.

Артас глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки. Спустя мгновение он встал прямо. Если у него теперь и были какие-то чувства, то они засели так глубоко, что он и сам не знал о них. С каменным лицом, он повернулся к вонючей труповозке, перевозившей останки Кел'Тузеда, и показал урну одному из Плети.

– Положи некроманта сюда, – приказал Артас.

Он оседлал Непобедимого.

Кель'Талас был не так далеко.

ГЛАВА 18

В следующие шесть дней, которые потребовались, чтобы добраться до земель высших эльфов, Артас разговаривал с тенью Кел'Тузада и собирал многих, очень многих на свою сторону.

Он двигался на восток из Андорала, с перемалывающими мясными фургонами позади себя, мимо небольших деревень Поля Джанис, Сада Далсона и Кущи Гаррона, через реку Тондорил в восточную часть Лордерона. Восставшие жертвы чумы были повсюду, и от простого ментального приказа они бежали к ногам, как верные собаки. Заботиться о них было просто – они питались мертвечиной. Это было очень... аккуратно.

Артас ожидал, что вот эти пойдут на его стороне; жертвы чумы, поганища, сшитые из многих частей, призраки павших. Однако новые союзники примкнули к нему – те, что испугали, потрясли его, а затем порадовали.

Его армия была уже на полпути к Кель'Таласу, когда он впервые увидел их. Издалека показалось, будто сама земля пришла в движение. Нет, это было не так. Это были звери какого-то вида. Рогатый скот или овцы, сбегавшие из своих загонов, когда их хозяева обратились в нежить? Медведи или волки, питающиеся и пирующие трупами? А затем Артас разинул рот от удивления и сильно сжал Ледяную Скорбь, его широко открытые глаза были полны шока и неверия.

Они не двигались как четырехногие существа. Они бежали, бежали, передвигаясь по холмам и траве как...

«Пауки», - прошептал он.

Теперь они двигались по склонам, пурпурные и черные и выглядящие опасно, многочисленные ноги быстро перебирались, чтобы принести их к Артасу. Они шли за ним – они...

«Это новые воины, которых Король-Лич послал своему фавориту», - раздался голос Кел'Тузада. Призрака, вероятно, видел и слышал один Артас, и он много говорил за последние несколько дней. Недавно он начал сеять подозрения в уме рыцаря смерти. Не о себе – о Тикондрии и других демонах.

«Не доверяй повелителям ужаса», - сказал он. «Они служат Королю-Личу тюремщиками. Я все расскажу тебе... когда вернусь в этот мир».

У них было достаточно времени; Артас удивлялся, не соблазнял ли его Кел'Тузад информацией, как наживкой, чтобы удостовериться, что Артас выполнит задание.

Теперь Артас спрашивал: «Он послал это... ко мне? Что они такое?»

«Однажды они были нерубами», - ответил Кел'Тузад. «Потомками древней и гордой расы, зовущейся акирами. При жизни они были сильно разумными, их воля была посвящена уничтожению всех, кто не походил на них».

Артас посмотрел на паукообразное создание с дрожью отвращения. «Мило. А теперь?»

«Теперь это те, кто пал, сражаясь с тем, кому мы служим. Он поднял их и их повелителя, Ануб'арака, в нежизни, и теперь они пришли помочь тебе, Принц Артас. Служить его славе и твоей».

«Пауки-нежить», - размышлял Артас. Они были огромные, омерзительные, смертоносные. Они шли, стрекоча и поспешно двигаясь, сливаясь с шагами трупов, призраков и поганищ. «Чтобы сражаться с эльфами Кель'Таласа».

У этого Короля-Лича, кем бы он ни был, был талант к драматизму.

Прибытие Артаса, конечно же, не осталось незамеченным. Общеизвестно, что эльфы обучали превосходных разведчиков. Вероятно, к моменту, когда Артас сам их заметил, вести уже разлетелись. Но это не имело значения. Силы, которые он собрал, выросли до действительно впечатляющего размера, и он не сомневался, несмотря на раздражительные предупреждения Кел'Тузада, что сможет достичь входа в удивительную, вечную землю, быстро пересечь ее и добраться до Солнечного Колодца.

Они уже захватили пленника, юного жреца, который, демонстрируя неповиновение, нечаянно выболтал немного важной информации. Артасу хотел использовать информацию правильно и мудро. Также нашелся другой, который в отличие от жреца с охотой желал предать свой народ и их родину ради могущества, что Артас и Король-Лич пообещали ему.

Рыцаря смерти удивило, как быстро изменился этот эльфийский маг. Удивило и встревожило его. Когда-то Артас был любим своим народом, как прежде был любим его отец. Артасу было приятно греться теплым одобрением тех, кто служил под его командованием. Он уделял время, чтобы узнать их имена, выслушать истории об их семьях. Он хотел, чтобы они любили его. И они любили, преданно следуя за ним, как поступал Капитан Фалрик.

Но Артасу следовало допустить, что эльфийские лидеры также любят свой народ. Допустить, как Артас допустил, что они останутся верными. И еще этот маг предал свой народ всего лишь за обещание могущества, его простую, сияющую привлекательность.

Смертных можно развратить. Смертных можно склонить или купить.

Он взглянул на свою текущую армию и улыбнулся. Да... это было лучше. Не возникало никаких вопросов о верности, когда те, что он вел, не могли делать ничего, как подчиняться.

«Это правда», - с трудом дышал разведчик. «Все это».

Сильвана Ветрокрылая, рейнджер-генерал Луносвета, хорошо знала этого эльфа. Информация Келмарина всегда была верной и подробной. Она выслушала, желая не верить, зная, что не осмелится.

Конечно, они уже слышали слухи. Что чума некоего рода начала распространяться по землям людей. Но кель'дореи считали, что находятся в безопасности на своей родине. За столетия она устояла под атаками драконов, орков и троллей. Несомненно, происходящее в людских землях не затронет их.

За исключением того, что затронуло.

«Ты уверен, что это Артас Менетил? Принц?»

Келмарин кивнул, все еще восстанавливая свое дыхание. «Да, моя леди. Я слышал, как его называли так те, что служат ему. После того, что я видел, я не думаю, что слухи, описывающие его убийцей своего отца и зачинщиком бед в Лордероне, являются преувеличенными».

Сильвана слушала, ее голубые глаза расширились, будто разведчик выдумал историю, звучащую чересчур фантастической, чтобы в нее можно

было верить. Восставшие трупы, как свежие, так и высохшие. Громадные, бездумные создания, сшитые из различных частей тел; неизвестные звери, способные летать и выглядящие как каменные создания, пробужденные к жизни; огромные паукообразные существа, что напомнили ей истории о считающихся исчезнувшими акирах. И вонь – Келмарин, не склонный к преувеличениям, говорил колеблющимся голосом о зловонии, что предшествовало армии. Леса, первый бастион защиты земли, падали под странными военными машинами, которые он привез с собой. Сильвана вспомнила красных драконов, которые подожгли их леса не так давно. Конечно, Луносвет выстоял, но леса сильно пострадали. Так же, как они страдают теперь...

«Моя леди», - закончил Келмарин, подняв голову и кинув на нее печальный взгляд. «Если он прорвется – я не думаю, что у нас хватит численности, чтобы победить его».

Горькое заявление придало ей ярости, в которой она нуждалась. «Мы кель'дореи», - резко сказала она, выпрямившись. «Наша земля неприступна. Он не войдет. Не бойся. Сперва он должен узнать, как снять чары, которые защищают Кель'Талас. Затем он должен быть способен это сделать. Более сильные и мудрые враги, чем он, пытались захватить наше королевство прежде. Верь, мой друг. В силу Солнечного Колодца... и в силу и волю нашего народа».

Когда Келмарина отвели туда, где он мог попить, поесть и восстановить свои силы прежде, чем вернуться на свой пост, Сильвана обратилась к своим рейнджерам. «Я хочу сама увидеть этого человеческого принца. Если Келмарин прав... нам следует подготовиться для упреждающего удара».

Сильвана лежала наверху огромных ворот, которые вместе с зазубренным кольцом гор помогали защищать ее землю. Она носила полную, но удобную кожаную броню, а за спиной весел лук. Она и Шелдарис с Вор'атиллом, двумя другими рейнджерами, ушедшими вперед и ожидавшими ее прихода с кучей рейнджеров, смотрели в изумлении, пораженные ужасом. Как и предупреждал Келмарин, они почувствовали вонь гниющей армии задолго до того, как увидели их.

Артас ехал на коне-скелете с огненными глазами, большой меч, который она сразу же опознала как рунический, был привязан у него сбоку. Люди в

черных одеяниях неслись, повинаясь его приказам. То же делали и мертвые. Сильвана сдержала гнев, когда ее взгляд блуждал по сборищу разных гниющих трупов, и она молча радовалась тому, что ветер переменился и теперь уносил от нее зловоние.

Она обозначила свой план, быстро двигая длинными пальцами, и разведчики кивнули. Они мягко отступили назад, безмолвные, словно тени, и Сильвана обратила свой взор к Артасу. Казалось, что он ничего не заметил. Он выглядел как человек, все еще, хоть и бледный, и его волосы были белыми вместо золотых, как, вспомнила она, его описывали ей. Как же тогда он мог выносить это? Будучи окруженным мертвыми – ужасным зловонием, гротескными образами...

Она содрогнулась и приказала себе сфокусироваться. Нежить, что подчинялась ему, просто стояла, ожидая приказов. Люди – некроманты, подумала Сильвана, на нее накатила волна отвращения – были слишком заняты созданием новых чудовищ, чтобы расставлять наблюдателей. Словно они не задумываются о поражении.

Их самонадеянность станет их гибелью.

Она ждала, наблюдая, пока ее лучники не заняли позиции. Предупрежденная Келмарином, она собрала почти две трети своих рейнджеров. Она твердо верила, что Артас сможет преодолеть магические эльфийские врата, защищающие Кель'Талас. Очевидно, что он не мог так много знать, чтобы сделать это. До сих пор... она тоже не верила вещам, которые, как говорили ей сейчас ее глаза, были правдой. Лучше устранить угрозу здесь и сейчас.

Она бросила взгляд на Шелдарису и Вор'атила. Они заметили ее взгляд и кивнули. Они были готовы. Сильване хотелось просто ударить, застать врага врасплох, но честь запретила ей. Ведь не сложат песен о том, как рейнджер-генерал Сильвана Ветрокрылая защитила свою родину бесчестными методами.

«За Кель'Талас», - прошептала она на выдохе, а затем вышла.

«Вам здесь нечего делать!» - прокричала она, ее голос был ясным, мелодичным и сильным.

Артас развернул своего коня-скелета – на мгновение Сильване стало жаль бедное животное – и встал с ней лицом к лицу, пристально ее изучая.

Некроманты замолчали, повернувшись к своему господину и ожидая инструкций.

«Я Сильвана Ветрокрылая, рейнджер-генерал Луносвета. Советую вам повернуть назад».

Губы Артаса – серые, как она заметила – серые на белом лице, хотя почему-то она знала, что он все еще жив – скривились в улыбке. Он развеселился.

«Это тебе надо повернуть назад, Сильвана», - ответил он, намеренно пропустив ее звание. Его голос звучал бы приятным баритоном, если бы не был подчеркнут... чем-то. Чем-то, что заставило даже ее пылкое сердце остановиться на момент, когда она услышала его. Она заставила себя не дрожать. «Сама смерть пришла на вашу землю».

Ее голубые глаза сузились. «Делай, что хочешь», - вызывающе ответила она. «Эльфийские врата, ведущие в наше королевство, надежно защищены. Тебе не пройти».

Она натянула тетиву на луке – сигнал к атаке. Мгновением позже воздух наполнился внезапным жужжанием дюжин летящих стрел. Сильвана выбрала целью человека – или когда-то человека – принца, и ее цель была как никогда верной. Просвистела стрела, летящая в незащищенную голову Артаса. Но за мгновение до попадания она увидела бело-синюю вспышку.

Сильвана смотрела в изумлении. Быстрее, чем она могла осознать, Артас поднял свой меч, руны на котором испускали то самое ледяное бело-синее сияние, и перерезал стрелу пополам.

«В битву, мои воины – убейте их всех, чтобы они смогли служить мне и моему повелителю!» - закричал Артас. Его голос отдавался эхом с этим странным ощущением силы. Но теперь он двигался, мертвая лошадь несла его с неестественной скоростью, и она поняла, что его ужасающие войска пошли в наступление.

Она подумала о рое насекомых, когда они понеслись, совершенные в своем бездумном единстве, к ее рейнджерам. У лучников были свои инструкции – вырезать сначала живых, а затем предать смерти мертвых горящими стрелами. Первый град стрел накрыл почти каждого из сектантов. Вторые несколько дюжин пылающих стрел обрушился на ходячие трупы. Но

даже так они задержались, некоторые из них как сухой фитиль, остальные сырые и гниющие, их численность стала меняться.

Каким-то образом они умудрились вскарабкаться по почти вертикальным стенам из земли и камней, где располагались ее рейнджеры. К счастью, некоторые из них слишком сильно разложились, чтобы забраться высоко, их гниющие конечности отрывались от их тел, приводя к их падению. Но падение не останавливало их. Они напирали вперед, вверх, навстречу ее рейнджерам, которые теперь были вынуждены обнажить свои мечи вместо стрел. Они были тренированными воинами, конечно же, и могли сражаться в ближнем бою. Сражаться против врагов, которых замедляла потеря крови или конечностей. Но против этих...

Мертвые руки, заканчивающиеся скорее когтями чем пальцами, добрались до Шелдарисы. Со страхом на лице, рыжеволосая рейнджер яростно сражалась, ее губы двигались, издавая крики сопротивления, которые Сильвана не могла не слышать. Но они наступали на нее, окружая ее, и Сильвана почувствовала глубокую боль, наблюдая как Шелдарис пала под их напором.

Она натягивала тетиву и стреляла, натягивала и стреляла, почти быстрее чем думала, концентрируясь на своем долге. Краем глаза она увидела как одно из гротескных крылатых созданий с серой кожей, выглядевшей твердой как камень, устремилось вниз в десяти футах от нее. Ее морда, похожая на морду летучей мыши, исказилась в ликовании, когда она спустилась вниз и легко, словно собиралась сорвать созревший плод с дерева, схватила Вор'атила и понесла его ввысь. Ее когти глубоко вонзились в плечи скаута, и кровь брызнула на Сильвану, когда тварь устремилась вверх со своей добычей.

Вор'атил бился в хватке создания, его пальцы нашли и вынули кинжал. Сильвана изменила свою цель со стонущей нежити под ней на чудовище сверху. Она выстрелила прямо в шею создания.

Стрела отскочила без вреда. Существо повернуло свою голову и зарычало, уставшее развлекаться с Вор'атилом. Оно отпустило одну руку и полоснуло своими когтями по шее скаута, небрежно бросило его и развернулась на следующий заход.

Глубоко опечаленная, Сильвана наблюдала как ее друг бездыханным рухнул на землю в кучу мертвых сектантов, которых ее рейнджеры убили ранее.

А затем она открыла рот от удивления.

Сектанты шевелились.

Стрелы торчали из их тел, иногда более дюжины ярко оперенных стрел в одном трупе, а они все еще двигались.

«Нет», - прошептала она, шокированная. Ее полный ужаса взгляд обратился к Артасу.

Принц смотрел прямо на нее, ухмыляясь отвратительной улыбкой. Одной могучей рукой в рукавице он сжимал рунический клинок. Другая была поднята в манящем жесте, и пока она наблюдала, еще один убитый человек зашевелился и неуклюже поднялся на ноги, выдергивая стрелу из своего глаза так, будто вытаскивал щепку из одежды. Ее атака ничего не стоила Артасу. Любой падший будет поднят его темной магией. Он видел понимание и гнев в ее глазах, и улыбка превратилась в смех.

«Я пытался сказать тебе», - кричал он, его голос поднялся над шумом битвы. «И до сих пор ты снабжаешь меня новыми рекрутами...»

Он вновь повторил жест, и другое тело задергалось, будто его тащили вверх- и заставили встать на ноги. Тело, которое было стройным, но мускулистым, с длинными черными волосами, собранными сзади в конский хвост, со смуглой кожей и заостренными ушами. Кровь все еще сочилась ручейками из четырех ран на его горле, а голова качалась из стороны в сторону, будто шея была слишком сильно повреждена, чтобы дальше нести ее. Мертвые глаза, что однажды были голубыми, как летнее небо, разыскивали Сильвану. А затем, вначале медленно, он начал двигаться к ней.

Вор'атил.

В тот момент она почувствовала, что ворота под ней содрогнулись, хоть и незначительно. Она была так растеряна убийством и воскрешением существ, которым следовало оставаться мертвыми, что не заметила его осадные орудия, маневрирующие на позиции. Создания размером с огра, оказавшиеся соединенными из разных трупов, также шагали вдалеке к вратам. То же делали громадные паукообразные существа.

Затем что-то ударилось об стену с мягким хлюпающим звуком. Влага обрызгала Сильвану. На долю секунды ее разум отказывался принять то, свидетелем чего она была, а затем вся очевидность пересилила ее.

Артас не только поднимал трупы высших эльфов. Он метал их тела – или их куски – назад в Сильвану, как снаряды.

Сильвана тяжело сглотнула, а затем отдала приказ, который несколько минут назад не могла представить, что когда-нибудь отдаст.

«Шинду фала на! Отходим ко вторым вратам! Отступаем!»

Те, что остались – ах, их была всего лишь жалкая кучка, но по крайней мере живых и сражающихся под ее командованием – мгновенно подчинились, поднимая раненных и закидывая их на свои плечи, ручейки пота стекали по их бледным лицам, на которых отражался тот же с трудом сдерживаемый страх, что терзал ее. Они убегали. Это нельзя было назвать другим словом. Это было не организованное, синхронизированное, военное отступление, а полное бегство. Сильвана бежала с их остатками, помогая нести раненных так хорошо, как умела, и ее разум тоже неся.

Позади себя она услышала когда-то невообразимый звук ломающихся врат и рев нежити, когда они были в своем триумфе. Ее собственное сердце, казалось, разорвется в мучениях.

Он сделал это – но как? Как?

Его голос, сильный, звучный, с этой неявной силой чего-то темного и ужасного, прогремел над шумом. «Эльфийские врата пали! Вперед, мои воины! Вперед – к победе!»

Почему-то для Сильваны наихудшей, самой ужасной вещью в этом ликующем, злорадном крике были... эмоции... что чувствовались в нем.

Она схватила за рукав молодого мужчину, бегущего рядом с ней. «Тел'кор», - крикнула она. «Отправляйся на Плато Солнечного Колодца. Расскажи им о том, что мы видели здесь. Скажи им – чтобы приготовились».

Тел'кор был достаточно юным, чтобы позволить разочарованию промелькнуть на его красивом лице при мысли, что он не будет участвовать в битве, но он кивнул своей золотой головой в знак понимания. Сильвана колебалась?»

«Моя леди?»

«Скажи им – возможно, нас предали».

Тел'кор побледнел при этом, но кивнул. Он помчался, подобно стреле, выпущенной из лука. Он был хорошим лучником, но Сильвана не питала иллюзий, что один лишний лук принесет пользу в грядущей битве. Но если маги, управляющие и направляющие энергии Солнечного Колодца, будут знать, что им грозит – это может.

Теперь они бежали на север, и когда ее войска пересекали мост, она неожиданно остановилась на бегу, развернулась на пятках и взглянула назад.

Сильвана с трудом дышала. Она ожидала увидеть, что Артас и его темная армия идут. Это должен был быть достаточно ужасающий вид; нежить, поганища, летающие создания, похожие на летучих мышей, гротескные паукообразные существа – сотни, несущиеся вниз с безжалостной решимостью.

Подобно тому, как удар оставляет след, плуг оставляет борозду, земля, по которой прошли ноги мертвых, была черной и бесплодной. Хуже; Сильвана вспомнила сгоревшие леса, оставленные после себя орками, знала, что природа со временем восстановит их. Но это – это был жуткий темный след смерти, будто неестественные энергии, используемые для управления трупами, убивали саму землю в местах, где они проходили. Ядом, они были ядом, это была темная магия грязной природы.

И это должно быть остановлено.

Она остановилась только на мгновение, хотя ей показалось, будто ее заморозили на месте на целую жизнь. «Стойте!» - закричала она ясным, сильным и целеустремленным голосом. «Здесь мы сделаем остановку».

Они растерялись только на мгновение, затем они поняли. Она быстро раздавала инструкции, а они неслись их выполнять. Многие из них остановились, шокированные, поскольку они впервые бросили ошеломленные взгляды на рану земли, которая так ужаснула их рейнджер-генерала, но быстро оправились. Потом будет достаточно времени, чтобы беспокоиться об исцелении измученной земли. Сейчас они должны остановить страшный шрам от распространения.

Вонь предшествовала армии, но Сильвана и ее рейнджеры имели с ней жестокое знакомство. Она не ослабляла их, как было раньше. Она стояла на мосту, высоко держа свою голову, ее черный капюшон немного соскользнул,

обнажив ярко-золотые волосы. Армия мертвых замедлила движение и остановилась, озадаченная зрелищем. Мерзкие фургоны, осадные машины и катапульты с грохотом остановились. Конь-скелет Артаса встал на дыбы, и он нагнулся и погладил костлявую шею, словно он был живым зверем. Сильвана почувствовала тошнотворную дрожь от неправильности картины, поскольку создание ответила на прикосновение хозяина.

«Хорошая работа», - сказал Артас, юмор сквозил в его голосе с чем то, похожим на теплоту. «Это не могут быть одни из тех ох-таких-впечатляющих эльфийских врат, о которых я так много слышал».

Сильвана заставила себя улыбнуться в ответ. «Нет, не совсем. Но для тебя это все же станет проблемой».

«Это всего лишь простой мост, моя леди. Но тогда снова, эльфы очень любят надевать на кошек бумажные гривы и называть их львами».

На мгновение она взглянула на его армию, ее гнев смешался с ее притворным самодовольством. «Ты прошел через эти врата, мясник, но следующие тебе не по плечу. Внутренние врата Луносвета открываются особым ключом, который тебе никогда не достать!»

Она кивнула своим спутникам, и те побежали через мост, чтобы присоединиться к своим товарищам на другой стороне.

Юмор Артаса исчез, и его тусклые глаза сверкнули. Его рука в перчатке сжала рунический клинок. Швы на ней затрещали. «Ты зря теряешь время, женщина. Нельзя остановить неизбежное. Хотя я нашел забавным смотреть, как ты убегаешь».

Теперь Сильвана рассмеялась разгневанным, удовлетворенным голосом, который шел из самых глубин ее души. «Думаешь, я убегаю от тебя? Сразу видно, что ты никогда не имел дела с эльфами».

Некоторые вещи, подумала она, были восхитительно просты. Сильвана подняла свою руку, бросила крайне не магическое, довольно практичное зажигательное устройство, и обратилась в бег, поскольку мост взорвался. Деревья приветствовали их, образуя над ними арки золотого и серебряного цветов, скрывая их от врага. Прежде, чем она покинула зону слышимости, она услышала нечто, что заставило ее свирепо улыбнуться.

«Эта женщина-рейнджер начинает действовать мне на нервы».

Да. Действовать тебе на нервы. Изводить тебя, как воробей ястреба. Элрендар делит пополам Леса Вечной песни, и ты не найдешь переправы для своих чудовищных военных машин в ближайшее время. Она понимала, что это была задержка, не более. Но если армия задержится достаточно долго, возможно, она сможет справиться с заданием.

Беспокойство охватило ее разум. Кажется, Артас в высшей степени уверен, что сможет преодолеть магию, защищающую эльфийские врата. Он уже показал некоторую осведомленность, когда смог уничтожить первые врата. Конечно, первые врата не были так магически защищены, как вторые. И из того, что она видела, было похоже, что высокомерие – его обычное состояние, но было ли это возможно? Ворчание неуверенности, которое побудило ее добавить последнее предупреждение в сообщение Тел'кора к магам, вновь зашевелилось внутри нее.

Знал ли Артас о ключе?

ГЛАВА 19

Предатель, волшебник по имени Дар'кхан Дратир, должен был всё упростить. И в какой-то мере, конечно, он это сделал. В противном случае Артас никогда бы не узнал о ключе Трёх Лун — магическом предмете, который был разбит на три отдельных лунных кристалла, спрятанных в хорошо охраняемых, потаённых местах Кель'Таласа. Каждый храм, сказал ему эльф, с радостью предав свой народ, был построен на пересечении линий леи, подобном самому Солнечному Колодцу. Линии леи были кровеносной системой земли, перенося вместо алой жидкости магию. Соединённые таким образом, кристаллы создавали энергетическое поле, известное как Бан'динориэль — Страж Врат. Всё, что ему нужно было теперь — найти эти места, Ан'телас, Ан'дарот и Ан'овин, вырезать охрану и найти лунные кристаллы.

Но и исключительно миловидные, на удивление упорные эльфы оказались испытанием. Артас восседал верхом на Непобедимом, изредка касаясь Ледяной Скорби, и размышлял на тему того, как такая хрупкая на вид раса может сопротивляться его армии. Ибо сейчас это была именно армия — многие сотни солдат, все поголовно мертвы, а потому значительно сложнее в уничтожении.

Умная маленькая уловка генерала следопытов, заключавшаяся в подрыве моста, и верно, стоила Артасу драгоценного времени. Река тянулась через весь Кель'Талас, пока не поднималась напротив нескольких угорий к востоку — тех, что столь же снижали мобильность его боевых машин, что и вода.

Какое-то время это отняло, но реку они пересекли. Пока он обдумывал решение, что-то на закорках разума зашевелилось болью, покалывающее ощущение, которое он не мог в полной мере распознать. Раздосадованный, он отбросил странное ощущение и приказал нескольким своим неизменно преданным солдатам создать собственный мост — мост из гниющей плоти. Множество солдат забрело в воду и просто легло на дно, слой за слоем из трупов, пока не стало достаточно для перевозки шатких мясных фургонов, катапульти и требушетов. Некоторые из немёртвых, конечно, были более бесполезны, поскольку их тела были слишком изломаны или разорваны для сохранения цельности. Этих Артас почти нежно освободил из-под своего

контроля, даруя истинную смерть. Их тела весьма кстати отравят чистоту реки. Ещё одно оружие.

Он, конечно, мог легко пересечь реку, что и сделал. Непобедимый без колебаний погрузился в воду, и Артасу вдруг вспомнился роковой прыжок лошади в среднезимье, когда во время скачка она поскользнулась на обледеневших камнях, так же беспрекословно послушная воле хозяина, что и теперь. Воспоминание обрушилось на него совершенно неожиданно, и на мгновение он не мог дышать, настолько его захлестнули боль и чувство вины.

Всё прошло так же быстро, как началось. Теперь всё было лучше. Он больше не был тем эмоционально неуравновешенным ребёнком, мучимым стыдом и чувством вины, что, всхлипывая в снегу, поднимал тогда меч, чтобы пронзить сердце верного друга. Нет, да и Непобедимый не был ныне обычным смертным существом, чтобы ему повредила такая малость. Оба они теперь были сильнее. Могущественней. Непобедимый пребудет вечно, находясь в услужении у хозяина, как и всегда. Он не познает ни жажды, ни боли, ни голода, ни усталости. А он, Артас, возьмёт то, что захочет и когда захочет. Больше не будет ни молчаливого неодобрения отца, ни ворчания святоши Утера. Не будет неопределённых взглядов Джайны, соскладкой, пробежавшей по брови в этом до боли знакомом выражении...

Джайна...

Артас ожесточённо потряс головой. У Джайны был шанс присоединиться к нему. Она отказалась. Отвергла его, хотя поклялась, что никогда этого не сделает. Он ничего не был ей должен. Теперь им командовал лишь Король-лич. Эта смена мыслей успокоила его, Артас улыбнулся и похлопал выпуклый позвоночник мёртвого зверя, который кивнул в ответ. Конечно, его взволновала именно та прекрасная и упрямая генерал следопытов, которая заставила его засомневаться — пусть даже на мгновение — в мудрости его пути. У неё тоже был шанс. Артас пришёл ради конкретной цели, и цель эта состояла не в том, чтобы уничтожить Кель' Талас и его население. Не воспротивься они ему, он оставил бы их в покое. Не он, а её острый язычок и дерзкое поведение навлекли рок на её народ.

Вода просачивалась в стыки его доспехов и штанов, рубашка и стёганка, которые он носил под металлической бронёй, намокли и замёрзли. Артас этого не чувствовал. Мгновение спустя Непобедимый поднялся, карабкаясь на противоположный берег. Последние из мясных фургонов тоже

выкатывались на берег, и те трупы, что были достаточно целыми, вытащились на землю. Остальные лежали там, где повалились, и некогда кристально чистая вода омывала их.

— Вперёд, — сказал рыцарь смерти.

Следопыты отступили к деревне Лёгкий Ветерок. Едва спал шок, местные сделали всё, что могли, кто ухаживал за ранеными, кто предложил те оружие и навыки, что у них были. Сильвана приказала тем, кто не мог сражаться, как можно скорей отправляться в Луносвет.

— Ничего не берите, — произнесла она, когда женщина кивнула и поспешила подняться по рампе в верхнюю часть дома.

— Но в наших комнатах наверху есть...

Сильвана крутанулась, её глаза горели.

— Вы ещё не поняли? К нам идут мёртвые! Они не чувствуют усталости, не замедляют шаг, они подбирают наших павших и вливают их в своё войско! Мы не более чем слегка задержали их. Берите семью и бегите!

Женщину, похоже, ответ генерала следопытов захватил врасплох, но она повиновалась, потратив лишь несколько секунд, чтобы собрать свою семью, и потом они устремились по дороге к столице.

Артас не остановился бы надолго. Сильвана пробежалась быстрым оценивающим взглядом по раненым. Никто из них не может оставаться здесь. Их тоже понадобится эвакуировать в Луносвет. Что касается тех немногих, что были ещё целы, ей от них нужно было ещё больше. Может быть, всё, что у них есть. Как и она, все они поклялись защищать свой народ. Пришёл день расплаты.

Поблизости, меж Элрендаром и Луносветом, был шпиль. Что-то вселяло в неё уверенность, что Артас сумеет пересечь реку и продолжит марш. Продолжит коверкать землю пурпурно-чёрным шрамом. Шпиль был бы хорошим местом, чтоб держать оборону. Узкие рампы помешают натиску нежити, который раньше был таким катастрофичным, к тому же, в здании несколько уровней, все открытые. Она и её лучницы смогут нанести большой урон, прежде чем будут...

Сильвана Ветрокрылая, генерал следопытом Луносвета, сделала глубокий вздох, плеснула воды в своё горящее лицо, жадно глотнула успокаивающей жидкости и воспряла, чтобы подготовить уцелевших и раненых, но способных двигаться, к тому, что, безо всякого сомнения, станет их последней битвой.

Они почти опоздали.

Уже тогда, когда следопыты поднимались на шпиль, который станет их бастионом, воздух, прежде столь сладкий и свежий, был испорчен болезненным запахом разложения. Над их головами парили лучники верхом на дракондорах. Великолепные существа алых и золотых цветов безрадостно тянули свои змееобразные головы против поводов. Они тоже чуяли смерть, и это их беспокоило. Никогда ещё прекрасные звери не были вынуждены служить такую ужасную службу. Один из всадников подал знак Сильване, и она ответила тем же.

— Нежить заметили, — невозмутимо сообщила она своим бойцам. Те кивнули. — По местам. Спешите.

Они повиновались, будто хорошо смазанный гномий механизм. Всадники на дракондорах поднялись южнее, в сторону надвигающегося врага. Отряд лучниц и ближних бойцов также поспешил выдвинуться вперёд — первая линия обороны. Её лучшие лучницы устремились вверх по изогнутым рампам шпиля. Остальные рассыпались у подножия строения.

Им недолго нужно было ждать.

Если в ней и ютилась робкая надежда, что каким-то образом численность врага могла пострадать от задержки, она разбилась, как отличный кристалл о каменный пол. Теперь она бегло взглянула на омерзительный авангард: гниющая нежить, за ней скелеты и огромные трехрукие поганища, каждая из конечностей которых несла тяжёлое оружие. Над ними, словно грифы, летели, кружа, каменные на вид существа.

Они прорываются...

Как странны пути разума, думала Сильвана с нотками мрачного юмора. Теперь, когда приближался час её верной смерти, в голове её играла древняя песня, та, которую она любила петь вместе с другими детьми их семьи, когда мир был в порядке и все они были вместе, Аллерия, Вериса и их младший

брат, Лират, — в сумерках, когда мягкие лиловые тени нежно укрывали всё, и сквозь земли летел сладкий запах океана и цветов.

Анар'ала, анар'ала белоре, кель'дорай, шинду фалла на... Во имя света, во имя солнечного света, высшие эльфы, наши враги побеждают...

Сперва она не осознала этого, но её рука взметнулась вверх, чтобы сомкнуться на ожерелье, которое она носила на стройной шее. Это был подарок от старшей сестры, Аллерии, доставленный не Аллерией, но одной из её заместительниц, Вераной. Аллерия исчезла, растворилась в Тёмном Портале в попытке остановить Орду, не дать снова творить зверства как в Азероте, так и в других мирах.

Она так и не вернулась. Она расплавил ожерелье, данное ей родителями, и сделала отдельные из трёх камней для каждой из сестёр Ветрокрылых. Камнем Сильваны был сапфир. Она наизусть знала надпись: «Сильване. С вечной любовью, Аллерия».

Она подождала, сжимая ожерелье, чувствуя связь с мёртвой сестрой, которую то всегда давало, потом медленно с усилием отняла руку. Сильвана сделала глубокий вздох и выкрикнула:

— В атаку! За Кель'Талас!

Им не будет остановок. На самом деле, она и не ждала, что остановит их. По выражениям страшных, залитых кровью лиц вокруг неё Сильвана поняла, что её следопыты знали это так же хорошо, как она. Пот заливал ей лицо. Её мускулы вопили в изнеможении, но Сильвана Ветрокрылая сражалась. Она стреляла, натягивала, стреляла и вновь натягивала так быстро, что движения рук почти смазывались. Когда рой трупов и монстров подобрался слишком близко для стрел, она отшвырнула лук и схватила свой короткий меч и кинжал. Она крутилась и била, бессвязно крича.

Рухнул ещё один, голова слетела с плеч лишь чтобы быть раздавленной, словно дыня, под ногами подобных ему. Два других монстра хлынули вперёд, чтоб занять его место. И Сильвана сражалась, как одна из диких рысей лесов Вечной Песни, выливая боль и ярость в нападение. Она заберёт с собой столько, сколько сможет.

Они побеждают...

Они нажали, близкие, гнилое зловоние почти задавило их. Теперь их слишком много. Сильвана не медлила. Она будет сражаться, пока её совершенно не уничтожат, пока...

Напор трупов внезапно исчез. Они отступили и недвижно стояли. Хватая воздух ртом, Сильвана глянула вниз с холма.

Он был там, ждал верхом на своём мёртвом скакуне. Когда он внимательно разглядывал её, ветер играл в его длинных белых волосах. Она выпрямилась, смахивая с лица кровь и пот. Однажды он был паладином. Её сестра любила одного вроде него. Вдруг Сильвану охватила горячая радость, что Аллерия мертва и не может этого видеть, не может видеть, что бывший воин Света делал со всем, что Ветрокрылые любили и берегли.

Артас поднял мерцающий рунический клинок в формальном приветствии.

— Я преклоняюсь перед твоей отвагой, эльфийка, но игра окончена, — что странно, говорил он так, будто подразумевал комплимент.

Сильвана сглотнула, рот её был сух, словно кость. Она сжала хватку на оружии.

— Значит, я встану здесь, палач. Анар'ала белоре.

Его серые губы дёрнулись в судороге.

— Как пожелаете, генерал следопытов.

Он даже не позаботился соскочить на землю. Вместо этого скелетообразный скакун взвыл и ринулся на неё. Артас левой рукой сжал поводья, правой вытаскивая тяжёлый меч. Сильвана лишь единожды всхлипнула. Её губы не родили крика ни страха, ни сожаления. Лишь короткий резкий всхлип бессильной злобы, ненависти, праведной ярости на то, что она была не в силах их остановить, даже если отдавала всё, что у неё было, даже ценой своей жизни.

Аллерия, сестра, я иду.

Она встретила смертоносный клинок в лобовой атаке, ударяя собственным оружием, которое при ударе рассыпалось. А потом рунный клинок вонзился в неё. Он был холоден, так холоден, когда резал её, будто состоял из самого льда.

Артас нагнулся к ней, взгляд его замер на её глазах. Сильвана кашляла, хорошие брызги крови испещряли её мертвенно бледное лицо. Было это лишь её воображением, или в его по-прежнему прекрасных чертах мелькнула тень сожаления?

Он рванул своё оружие назад, и она упала, кровь из неё хлынула рекой. Сильвана содрогалась на холодном каменном полу, каждое движение раздирало её агонией. Она рука глупо дрожала на зияющей ране в её животе, будто бы она могла зажать её и остановить поток.

— Кончай с этим, — шепнула она. — Я заслужила... чистую смерть.

Его голос наплыл на неё откуда-то, когда её глаза сомкнулись.

— После всего, через что ты заставила меня пройти, женщина, покой смерти — последнее, что я бы тебе дал.

На один удар сердца в ней шевельнулся колющий страх, но потом он растворился, как растворялось всё остальное. Он поднимет её, как одну из тех гротескных шаркающих тварей?

— Нет, — прошептала она, голос звучал издалека. — Ты... не посмеешь...

А потом это ушло. Всё это ушло. Холод, смрад, жгучая боль. Было мягко и тепло, темно, тихо и спокойно, и Сильвана позволила себе утонуть в приветственной тьме. Она, наконец, могла отдохнуть, могла сложить оружие, которое, служа своему народу, так долго носила.

А потом...

Агония пронзила её, такая мука, которой она никогда прежде не знала, и Сильвана внезапно осознала, что никакая боль физическая, которую она испытывала прежде, не была и бледной тенью этой пытки. Это было мучение духа, души, покидающей безжизненное тело и захватываемой в ловушку. Рвущее, раздирающее, отнимающее от того тёплого убежища тишины и неподвижности. Насильность действия добавила к и без того ужасной боли, и Сильвана почувствовала, как рождается крик, прокладывая дорогу из далёких глубин, сквозь губы, которые — она как-то знала это — больше не были осязаемыми, низкий режущий скорбный крик страдания, которое больше не принадлежало одной ей, которое заставляло замирать сердца, кровь стечь в жилах.

Тьма в её взоре рассеялась, но краски не вернулись. Впрочем, чтобы видеть его, своего мучителя, ей не нужен был ни красный, ни синий, ни жёлтый цвет; он был белых, серых и чёрных цветов даже в полном красок мире. Рунный клинок, что отнял её жизнь, отнял и поглотил душу, блестел и светился, а свободная рука Артаса взметнулась в зовущем жесте в тот момент, когда он вырвал её душу из успокаивающих объятий смерти.

— Банши, — сказал он ей. — Ей я тебя сделал. Твоя боль может обрести голос, Сильвана. Я дам тебе лишь это. Это больше, чем получают другие. И так ты будешь причинять боль другим. Теперь, беспокойный следопыт, ты будешь служить.

Ужаснувшаяся сверх меры, Сильвана воспарила над своим окровавленным, изломанным телом, всматриваясь в собственные застывшие глаза, а потом назад, в Артаса.

— Нет, — произнесла она пустым и мрачным голосом, который, тем не менее, можно было узнать. — Я никогда не буду служить тебе, мясник.

Он сделал жест, незначительный, шевеление укрытого латной перчаткой пальца. Её спина изогнулась в агонии, из неё исторгся ещё один крик, и она поняла с мучительно-яростным чувством горя, что совершенно бессильна перед ним. Она была его инструментом, как гниющие трупы и бледные, зловонные поганища.

— Твои следопыты тоже служат, — произнёс он. — Теперь они в моей армии, — Он колебался, и в голосе его было неподдельное сожаление, когда он говорил. — Всё это не должно было быть так. Знай, что судьба — твоя, их и всего твоего народа — выбрана вами самими. Но мне нужно продолжать движение к Солнечному Колодцу. И ты мне поможешь.

Ярость внутри Сильваны росла, будто живой зверёк в бесплотном теле. Она парила рядом с ним, его новая замечательная игрушка, а тело её было брошено в один из мясных фургонов — кто знает, для какого извращённого плана, придуманного Артасом. Она никогда не отдалялась от рыцаря смерти более, чем на несколько футов, как будто между ними была связующая нить.

И она начала слышать шёпот.

Сперва Сильвана гадала, не сошла ли она с ума в этой новой, отвратительной ипостаси. Но вскоре стало ясно, что даже прибежище

безумия ей недоступно. Голос в её разуме сперва был неразборчив, и в своём презренном состоянии она не желала его слышать. Но вскоре она осознала, кому он принадлежит.

Артас бросал на неё косые взгляды, когда они продолжали его неумолимый марш к Луносвету и дальше, тщательно за ней следя. В какой-то момент, когда эта армия, безвольной частью которой она была, двигалась вперёд, уничтожая по мере продвижения всё на своём пути, она расслышала голос очень чётко.

Моему торжеству ты служишь, Сильвана. Ради мёртвых ты трудишься. Послушания ты будешь жаждать. Артас — первый и самый любимый из моих рыцарей смерти, он будет повелевать тобой вечно, и ты найдёшь это радостным.

Артас видел, как она содрогнулась, и улыбнулся ей.

Если она полагала, что презирала его, когда впервые увидала перед воротами Кель'Таласа, когда чудесная земля за ними была ещё чиста и не знала смертоносной хватки, если думала, что ненавидела его, когда его слуги убивали её воинов и воскрешали в качестве безжизненных марионеток, когда он пронзил её единственным диким ударом своего монстроподобного рунного клинка — то это было ничем пред тем, что она ощущала сейчас. Свеча пред солнцем, шёпот пред криком банши.

Никогда, сказала она голосу в своей голове. Он управляет мной, но Артас не может сломить мою волю.

Глухой, холодный смех был единственным ей ответом.

Они продолжали идти, за Деревню Лёгкого Ветерка и Восточное Святилище. Остановились они у самых ворот Луносвета. Голос Артаса не мог так разноситься, но Сильвана знала, что, когда он стоял перед воротами, он был слышен в любой точке города.\

— Жители Луносвета! Я дал вам довольно возможностей сдаться, но вы упрямо отказались. Знайте же, что сегодня весь ваш род и ваше древнее наследие сгинут! Сама смерть пришла, чтобы захватить обитель эльфов!

Она, генерал следопытов Сильвана Ветрокрылая, была выставлена перед своими сородичами как пример того, что их ждёт, если они не сдадутся. Они не сдались, и за это она горячо любила их, даже тогда, когда тёмный хозяин заставлял её служить ему.

Так пал он, сверкающий, прекрасной город магии, его великолепие разбилось и рассыпалось обломками, когда армия нежити — Плеть, как она слышала, так называл их Артас с чувством извращённой привязанности в голосе, — продолжила наступать. Как и прежде, Артас поднимал павших на службу, и если бы у Сильваны ещё было сердце, оно бы разбилось при виде того, как столь много друзей и любимых волочилось бок о бок с ней, бессмысленно послушных. Они шагали через город, рассекая его надвое мерзким фиолетово-чёрным шрамом, и его жители, сгибаясь к собственным ногам, с ранами, разброшенными черепами, волоча за собой выпущенные внутренности, тащились за ними.

Она надеялась, что канал между Луносветом и Кель'Данасом станет неодолимой преградой, и на мгновение эта надежда будто осуществилась. Артас натянул поводья, уставившись на блистающую в лучах солнца синюю воду, и нахмурился. Мгновение он сидел на своём неестественном скакуне, хмуро сведя белые брови.

— Ты не можешь заполнить трупами этот канал, Артас, — Сильвана злорадствовала. — Здесь и целого города не хватит. Здесь ты остановишься, и твоё поражение сладко.

А потом то существо, что было однажды человеком, и хорошим человеком, по всеобщему мнению, обернулось и усмехнулось в ответ её надоедливым словам неповиновения, отправляя в приступ агонии и вырывая из бесплотных губ новый режущий души крик.

Он нашёл решение.

Он швырнул Ледяную Скорбь к берегу, почти с восторгом наблюдая, как она крутанулась — один оборот за другим, — чтобы приземлиться, вонзившись остриём в песок.

— Внемлите Ледяной Скорби...

Сильвана тоже слышала его, голос Короля-лича исходил от нечестивого оружия, когда перед её поражённым взором вода, плещущаяся у исписанного рунами клинка начала схватываться льдом. Льдом, который он, его воины и орудия могли пересечь.

Они боролись на Кель'Данасе, боролись всем, что в себе имели. Когда перед Артасом появился Анастериан, его пламенная магия пронеслась опустошением по ледяному мосту рыцаря смерти, но Артас оправился. Он

нахмурился, сверкнув глазами, обнажил Ледяную Скорбь и устремился к эльфийскому королю.

Даже если она отчаянно надеялась, что Анастериан одолеет Артаса, Сильвана знала, что он не сумеет. Три тысячелетия покоились на этих плечах, белому цвету волос, ниспадавших почти к самым ногам, причиной была не тёмная магия, а старость. Некогда он был могучим воителем, и до сих пор являлся мощным магом, но её новому призрачному взору открывалась в нём некоторая хрупкость, которой она не замечала, когда ещё дышала. Но он стоял, в одной руке его древнее оружие, Фело'мелорн, «Удар Пламени», в другой — посох с блистающим кристаллом.

Артас рубанул, но Анастериан уже не стоял перед мчащимся во весь опор скакуном. Каким-то образом, быстрее, чем Сильвана могла заметить, он припал на колено, взмахнув Фело'мелорном, и в ровном горизонтальном ударе по передним ногам коня начисто отсёк их. Конь разразился криком и рухнул вместе со своим седоком.

— Непобедимый! — кричал Артас, выглядевший так, будто его скрутил приступ боли, к то время как мёртвая лошадь каталась по земле, пытаясь подняться, чему препятствовали две недостающие ноги. Сильване это показалось странным боевым криком, учитывая, что Анастериан лишь получил преимущество. Но лицо, которое Артас обратил к королю эльфов, было полно нагой ярости и боли. Теперь он выглядел почти человеческим, тем, кто видел что-то, любимое им, в мучении. Он с трудом поднялся, в смятении оглядываясь на коня, и на дикий миг Сильване подумалось, что, может быть...

Древнее эльфийское оружие не чета руническому клинку, Сильвана знала, оно не сравнится с ним, не сможет. Оно с лязгом треснуло, когда два меча столкнулись, и отсечённый осколок, бешено вращаясь, отлетел прочь, когда пал Анастериан, а его душа была оторвана от него и поглощена мерцающей Ледяной Скорбью, как было со многими другими.

Он распластался на льду, безвольный, в ширящейся луже крови, с белыми волосами, размётанными, словно саван, когда Артас устремился к мёртвому коню и принялся прилаживать его отсечённые ноги, ставя на место кости, в то время как тот подпрыгивал вокруг него, тыкаясь мордой. И Сильвана, хоть знала, что это причинит боль тем, кого она ещё любила, не смогла снести тяжесть боли, мучений, абсолютной горячей ненависти к Артасу и всему,

что он сделал. Её голова запрокинулась, она развела руки, открывая рот, и из её неосязаемого горла исторгся крик, прекрасный и ужасный одновременно.

Она кричала и прежде, когда он её пытал. Но то была лишь её собственная боль, её мука. Это было большим. Пытка, агония, да, но больше, чем это, ненависть столь непомерная, что была почти чистой. Она слышала, как другие крики боли смешивались с её собственным, видела, как эльфы падали на колени, зажимая кровоточащие уши. Некоторые падали, их броня растрескивалась и осыпалась зазубренными обломками, сами кости ломались под их плотью.

Даже Артас на минуту устался на неё, его белые брови сошлись вместе в оценивающем выражении. Она хотела остановиться. Хотела заставить себя замолчать, заглушить этот крик разрушения, который лишь помогал тому, кого она столь страстно ненавидела. Наконец, он истончал, стёрся под её болью, и Сильвана, банши, болезненно безмолвная, рухнула наземь.

— Воистину, ты прекрасное оружие, — прошептал Артас. — И, может стать, обоюдоострый клинок. Я буду следить за тобой.

Ужасная армия двигалась. Артас достиг плато. Он добрался до него и вырезал тех, кто охранял Солнечный Колодец, заставив её участвовать в резне. А потом он обрушил на её народ заключительный ужас, пройдя к величественному бассейну сияния, которое тысячелетия поддерживало кель'дораев. Рядом с ним, ожидая, стояла фигура, которую Сильвана узнала — Дар'Кхан Дратир.

Да, именно он был тем, кто предал Кель'Талас. Тот, на чьих ухоженных руках, даже больше, чем на руках Артаса, была кровь тысяч. В ней бушевала ярость. Она смотрела, как мерцание, которое, как она знала, было золотистым, играло на чертах Артаса, смягчая их и давая притворную теплоту. Потом он вытряхнул содержимое изысканно изготовленной урны в воды, и свечение изменилось. Оно начало пульсировать и скручиваться, и внутри, в центре водоворота испорченного магического мерцания...

Тень.

Даже после всего, свидетелем чего она стала в этот чёрный день, после того, чем она стала, Сильвана была поражена тем, что восстало из осквернённого Солнечного Колодца, поднимаясь и вздымая руки к небесам. Скелет, усмехающийся, рогатый, с пылающими огнём глазами. Вокруг

него извивались цепи, его пурпурные одежды трепетали с каждым его движением.

— Я перерождён, как и было обещано. Король-лич даровал мне вечную жизнь!

Так всё было ради этого? Ради воскрешения этой единственной сущности? Вся резня, пытки, ужасы, порча необъяснимо ценного и жизненно важного Солнечного Колодца, разрушение тысячелетнего уклада жизни — ради этого?

Она с тошнотой глядела на хихикающего лича, и единственным, что дало хоть малейший намёк на освобождение от агонии, было лицезреть Дар'Кхана, пытавшегося предать своего хозяина так же, как предал он свой народ, принявшего смерть, как и она, от острия Ледяной Скорби.

ГЛАВА 20

Прохладный ветер взъерошил белые волосы Артаса, обдувая его улыбающееся лицо. Как приятно было снова оказаться в холодных краях этого мира. Земля эльфов с ее вечным летом, запахом цветов и травы тревожила его. Она слишком напомнила ему сады Даларана, где он подолгу проводил время с Джайной; львиный зев усадьбы Бальнира. Уж лучше ветер, очищающий разум, и холод, подавляющий те воспоминания. Память о минувших событиях больше ему была не нужна, она была его слабостью, которой не было место в сердца Артаса Менетила.

Он был, как всегда, на своем верном коне, Непобедимом. Из Квел'Таласа он унес с собой одно плохое воспоминание - тот подонок - король Анастериан - трусливо накинулся на невинного коня вместо наездника, сломав тому ноги точно так же, как это было у Непобедимого перед его смертью. Происшествие вынудило Артаса вновь вернуться назад в прошлое к тем ужасным событиям, глубоко затронув его, а в случае с Анастерианом - заставив его люто разгневаться, что в конце концов хорошо послужило ему для завершения их битвы. Перед ним и позади него через заснеженный проход шла его армия, неутомимая, не ощущающая холода. Где-то среди этой ужасной процессии была баньши. Артас позволил Сильване остаться рядом с ним, пока что. Его более интересовал Кел'Тузад, парящему возле него безмятежно, если такой эпитет можно было применить к личу. Он был тем, кто направлял Плеть в эти отдаленный промерзшие земли, и до сих пор Артас не подвергал его распоряжения сомнению. Но поход становился скучным, и ему стало любопытно. Принц почувствовал, что он ухмыльнулся.

- Так ты не злишься на меня, - язвительно заметил он, - за то, что я когда-то убил тебя?

- Не будь глупцом, - ответил воскрешенный некромант. - Король заранее предупредил меня о том, чем закончится наша встреча.

Это удивило Аратса.

- Король Лич знал, что я убью тебя? - Он нахмурился, мельком взглянув на клинок, который свисал с его бедра. Ныне он молчал, дремал. От него больше не исходило шепотов, и руны не более пылали силой.

- Конечно, - ответил Кел'Тузад с намеком на превосходство в своем могильном голосе. - Он выбрал тебя на роль главного героя задолго до того, как появилась Плеть.

Тревога Артаса усугубилась. Никто не спросил его и не рассказал о его судьбе. Но принял бы он ее, зная правду? Да, он сам так решил. Ему не нравилось, что им управляют, но он знал, что нужно было умерить свой нрав, если ему суждено было стать грозным оружием. Он должен был пойти шаг за шагом навстречу своей судьбе, или же отречься от нее. Но тогда бы он был с Джайной, а Утер и его отец были бы...

- Если он столь всемогущ, почему он позволяет повелителям ужаса командовать собой?

- Они - слуги тех, кто создал нашего властелина: огненных лордов Пылающего Легиона.

Эта фраза вызвала дрожь у Артаса. Пылающий Легион. Всего лишь два слова, но мощь, которая скрывалась в них, будоражила кровь. Его Ледяная Скорбь замерцала.

- Это могучая армия демонов, уже покорившая множество миров. - Голос Кел'Тузада словно вгонял его в транс, и Артас сомкнул глаза на мгновение. За его закрытыми веками в его уме предстали сцены, о которых рассказывал лич. Он увидел красное небо над красным миром. По горной местности лилась волна существ. Они бежали словно гончие, но не были зверьми от природы - их рты были полны ужасных острых зубов и из их плеч росли странные щупальца. Каменные валуны падали на землю, оставляя за собой след зеленого огня, оживая и превращаясь в големов, идущих навстречу своим противникам.

- Теперь они хотят придать огню этот мир. Наш господин был создан, чтобы подготовить их приход. А повелители ужаса надзирают за ним.

Видение в разуме Артаса сменилась. Он взирал на ворота из камня. Он понял, что это был Темный Портал, хотя никогда раньше не видел это. Тот излучал зеленый огонь, и множество демонов столпилось у него. Артас завертел головой, и видение исчезло.

- То есть эпидемия в Лордероне, цитадели Норскола, бойня в землях эльфов... это все приготовления к приходу каких-то демонов?

- Да. Со временем ты поймешь, что вся наша история – лишь репетиция грядущей битвы.

Артас начал обдумывал услышанное. Ледяная Скорбь определенно пробудилась, и он снял рукавицу со своей правой руки, чтобы погладить свой меч. Холод, продирающий кости, был настолько силен, что даже его рука, рыцаря смерти, которому холод обычно был нипочем, заболела, как только он дотронулся до него. До него вновь дошел шепот, и улыбнулся.

- Есть что-то еще, лич? - спросил он, развернувшись к Кел'Тузаду. – Ты упомянул, что повелители ужаса держат нашего господина в заключении. Расскажи мне все.

У Кел'Тузада, не обладающего более плотью, нельзя было рассмотреть выражение лица, чтобы понять, о чем он думает. Но Артас заметил, как нежить немного сгорбилась, что означало его нерешительность. Тем не менее, он сказал.

- Мы сделали первый шаг – создали Плеть и уничтожили всех, кто мог противостоять Легиону.

Артас кивнул.

- То есть войска Лордерона... и эльфов. - Он почувствовал комок в горле, но он решил не придавать этому значение.

- Именно. Теперь мы должны призвать повелителя демонов, который начнет вторжение. - лич указал своим костяным пальцем туда, куда они направлялись. – Неподалеку отсюда расположен лагерь орков. На их территории находятся врата, ведущие в мир демонов. С помощью этих врат я смогу связаться с повелителем и получить у него новые указания.

Артас спокойно сидел на Непобедимом. Его мысли вновь утянули его в прошлое, когда он сражался с орками рядом с Утером Светоносным в Станбраде. Он вспомнил, что орки приносили людей в жертву своим повелителям - демонам. Он и Утер почувствовали тогда отвращение и были сильно потрясены. Сам Артас тогда словно обезумел, что Утеру пришлось прочитать ему лекцию, что нельзя сражаться с гневом в сердце. Если мы позволим нашим эмоциям обратиться к жажде крови, то мы не будем ничуть лучше этих мерзких орков, - упрекнул его Утер.

Что ж, Утер был мертв, и хотя Артас се равно убивал орков, теперь он работал на демонов. Возле его глаза дернулся мускул.

- Так чего мы ждем? - хватился он, и пустил Непобедимого в галоп.

Орки сражались смело, но в итоге все было бесполезно, как и все прошлые попытки остановить Плеть. Артас выдвинулся вперед, верхом на Непобедимом, ловко перепрыгивающем лежащие тела орков. Он долго изучал врата. Три каменных плиты, слишком изысканных, чтобы их соорудила столь звериная раса. Однако врата соседствовали с огромными костями животных, пылающими тусклым красным оттенком. Внутри пространства, заключенного между каменными плитами, было циркулировала зеленая энергия. Проход в другой мир. Джайна могла им заинтересоваться - но ее страх пересилил бы ее любопытство. Именно это делало ее слабой.

Именно это... делало ее Джайной.

- Все дикари перебиты, - сплюнул Артас. Врата теперь в твоём распоряжении, лич.

Могучий скелет весь дрожал от восхищения, заскользив вперед и сложив руки, словно в молитве. Лестница вела к арке; Артас заметил, что лич не поднялся даже на одну ступень. Он стоял у фундамента портала, из уважения - или из прагматического желания избежать быстрой смерти. Артас отошел назад, пристально наблюдая за происходящим с Непобедимого.

- Взываю к тебе, Архимонд! Твой верный слуга жаждет лицезреть тебя!

Зеленый туман продолжил кружиться в водовороте. Вскоре Артас смог разглядеть в нем фигуру, чем-то похожую на повелителей ужаса, с которыми он уже был знаком, а чем-то отличающую от них.

У существа, которое увидел Артас, была сине-серая кожа, правда его окружал зеленый свет, так что цвет сложно было определить наверняка. Без сомнений, тело этого демона было сильным, с мощной грудью, огромными накаченными руками, а нижняя часть тела походила на козлиную - ноги Архимонда были изогнуты коленями в обратную сторону и заканчивались раздвоенными копытами вместо ступней. Позади него дергался хвост,

противореча спокойному сдержанному Архимонду. Руки, плечи и голени были облачены в золотую, мерцающую броню с выступающими черепами и шипами. Два щупальца, длинных и тонких, свисали с его подбородка. Но что более привлекало внимание к его удлинённому лицу, были его глаза, пылающими ядовито-зеленым огнем, более ярким и более четким, чем кружащийся зеленый дурман. Хотя Архимонд не был физически в этом мире, Артас почувствовал присутствие демона, от которого он не мог пошевелиться.

- Ты произнес мое имя, лич - я пришел, - сказал демон, его резонансный голос каждым слогом откликнулся в костях Артаса. - Ты - Кел'Тузад, не так ли?

Кел'Тузад склонил свою рогатую голову. Артас почувствовал раболепие лича.

- Да, о Великий. Это я призвал тебя. Прошу Вас, расскажите, как мне ускорить Ваш приход в этот мир. Я существую лишь для того, чтобы служить Вам.

- Есть особый том, который тебе нужно найти, - провозгласил лорд демонов. Его взгляд скользнул к Артасу, демон на мгновение посмотрел на него, и тут же отвернулся. Это вызвало у Артаса раздражение. - Единственная сохранившаяся книга заклинаний Медива, Последнего из Хранителей. Только его потерянные знания способны перенести меня в этот мир. Ищите город смертных, что называется Даларан. Книга хранится там. На закате третьего дня ты начнешь обряд.

Образ исчез. Артас долго еще смотрел туда, где был Архимонд.

Даларан. Место, где находится самая крупная концентрация магия в Азероте после Квел'Таласа.

Даларан. Место, где училась Джайна. Где Джайна, весьма вероятно, все еще находится. На мгновение в нем вспыхнула вспышка боли.

- Даларан защищают самый сильный маги Азерота, - медленно сказал он Кел'Тузаду. - Нам не удастся скрыть свое наступления. Они будут готовы.

- Как был готов Квел'Талас? - рассмеялся во весь голос Кел'Тузад. - Вспомни, как эта армия с легкостью сокрушила их. И тут будет то же самое. Кроме того, напомню тебе... я был членом Кирина Тора и приближенным к Архимагу Антонидасу. Даларан был моим домом, когда я был смертным в

плоти. Я знаю все его секреты, все его защитные заклинания, способы оказаться там, где они даже и не думали поставить охрану. Как это мило - навести ужас на тех, кто заставлял меня отречься от моего пути и судьбы. Не бойся, рыцарь смерти. Мы не можем потерпеть неудачу. Никто и ничто не может остановить Плеть.

Краем глаза Артас уловил движение. Он развернулся и увидел бестелесный дух когда-то живой Сильваны Ветрокрылой. Очевидно, она слышала их беседу и заметила его реакцию на новый приказ.

- Этот разговор о Даларане тронул тебя, - лукаво заметила она.

- Замолчи, призрак, - пробормотал он, вспомнив против своей воли, как он впервые прошел врата Даларана, сопровождая Джайну. Невинность того времени была ему уже недостижима.

- Возможно, там есть кто-то, о ком ты заботился? Приятные воспоминания?

Проклятая баньши не отставала. Он отдался гневу, сжал руку, и она закорчилась от боли, пока он не отпустил ее.

- Больше ни слова об этом, - предупредил он. - Не мешая нам.

Сильвана молчала. Но на ее бледном, призрачном лице появилась дикая самодовольная усмешка.

- Я могу помочь. - Голос Джайны был спокоен, чего сама она не ожидала. Она находилась рядом со своим наставником, Антонидасом, в его домашнему уютном кабинете, где всегда был кавардак. - Я достаточно обучена для этого.

Архимаг стоял и смотрел в окно, он вольно сжимал свои руки позади спины, как будто ничего страшного не происходило, и он просто наблюдал, как студенты внизу проводят практику.

- Нет, - спокойно заявил он. - У тебя иная задача. - Он повернулся к ней, и ее сердце сжалось, лишь она увидела выражение его лица. - Задача, от которой я... и Теренас, да хранит Свет его душу... мы оба уклонились. Он отказался выслушать того странного пророка, и был убит его же сыном, а его королевство лежит теперь в руинах, по которому бродят лишь мертвые.

Даже сейчас внутри Джайны все сжалось при его упоминании. Артас...

Ей было все еще слишком сложно поверить в происходящее. Она любила его, так сильно... она любила его до сих пор. Ее постоянно молилась, тихо и незаметно ото всех, чтобы он был под, своего рода, контролем, которому он не мог сопротивляться. Ибо если он сделал все это по собственной воле...

- Пророк также говорил и со мной, но я высокомерно решил, что знаю больше всех. И вот, моя дорогая, мы пришли к тому, что имеем сейчас. Все мы живем - и умираем - с нашим выбором - Антонидаас печально улыбнулся. Ее глаза покраснели, она заморгала, отказываясь пролить хоть слезинку.

- Я останусь. Я могу...

- Ты должна беречь тех, о ком обещала заботиться, Джайна Праудмур, - сказал Антонидаас со строгостью в голосе и в своем выражении лица. - Будет ли тут одним магом больше или меньше... это ничего не изменит. Сейчас тебя ждут другие.

- Антонидаас ... - Ее голос оборвался на слове. Она бросилась к нему и крепко обняла его. Она никогда не делала так прежде; она боялась сделать это. Но теперь он выглядел... старым. Старым, слабым и, что было хуже всего, смирившимся.

- Дитя, - сказал он нежно, гладя по ее спине, затем фыркнул от смеха. - Нет, ты больше не дитя. Ты - женщина и лидер. И все же... тебе лучше идти.

Снаружи прозвучал голос, сильный, звонкий и знакомый. В Джайну словно молния попала. У нее замерло дыхание, она отпустила своего наставника и отошла назад.

- Волшебники Кирина Тора! Я - Артас, первый из рыцарей смерти великого Короля Лича! Я приказываю вам открыть ворота и склониться перед силой Плети!

Рыцарь смерти? Потрясенная Джайна вопросительно уставилась на Антонидааса, который грустно ей улыбнулся.

- Я решил уберечь тебя от этого знания... по крайней мере до этого момента.

Все вокруг нее закружилось. Артас... здесь ...

Архимаг пошел к балкону. Небольшой взмах его скрюченных годами рук, и его голос стал столь же громок, как и у Артаса.

- Приветствую тебя, принц Артас, - сказал Антонидас. - Как поживает твой благородный отец?

- Лорд Антонидас, - ответил Артас. Где он был? Снаружи? Увидела бы она его, если подошла к Антонидасу на балконе? – Не нужно лицемерия.

Джайна посмотрела в другую сторону и вытерла слезы на глазах. Она изо всех сил пыталась что-то сказать, но слова словно застревали в ее горле.

- Мы ждали твоего визита, Артас, - спокойно продолжил Антонидас. – Волшебники создали ауру, которая уничтожит твоих мертвецов, если они попытаются подойти к городу.

- Твои фокусы не остановят меня, Антонидаса. Вероятно, ты уже слышал, что произошло в Кель'Таласе? Они тоже думали, что они неуязвимы.

Квел'Талас.

Джайну внезапно охватила усталость. Она была здесь, в Даларане, когда от горстки выживших, которым удалось сбежать, пришла весть о том, что произошло в Квел'Таласе. Здесь же находился тогда и принц кель'дораев. Она никогда не видела Кель'таса столь сердитым, столь расстроенным, столь грубым. Она подошла к нему, хотела выразить сожаление и оказать поддержку, но он взвинтился и посмотрел на нее с такой яростью, что она инстинктивно отскочила.

- Не говори ничего, - прорычал Кель. Его руки были сжаты в кулаки; к своему ужасу она поняла, что он сильно сдерживает себя, что не напасть на нее. - Глупая девчонка. Какого монстра ты завела себе в постель?

Джайна зажмурилась, ошеломленная грубостью слов, исходящих от столь культурного эльфа.

- Я...

Но его не интересовали ее слова.

- Артас - мясник! Он погубил тысячи невинных жизней! На его руках так много крови, что целого океана не хватит, чтобы очистить их. И ты любила его? Предпочла ему мне?

Его голос, обычно столь сладкозвучный и контролируемый, сломался на последнем слове. Джайна почувствовал, как слезы потекли по ее лицу, ибо внезапно она все поняла. Он нападал на нее, потому что не мог напасть на своего настоящего врага. Он чувствовал себя беспомощным, бессильным, и нападал на ближайшую цель - на нее, Джайну Праудмур, любви которой он так желал, но не мог заполучить.

- О... Кель'тас, - сказала она тихо, - он свершил... ужасную вещь, - начала она. - То, что пострадал твой народ...

- Да ты ничего не знаешь о страдании! - закричал он. - Ты - всего лишь ребенок, с разумом ребенка и сердцем ребенка. Сердцем, которое ты отдала этому... этому... он убил их, Джайна. А затем он поднял их трупы!

Джайна безмолвно уставился на него, его слова совсем ее не жалили ее теперь, когда она узнала причину их жестокости.

- Он убил моего отца, Джайна, как он убил и своего. Я... я должен был быть там.

- Чтобы умереть рядом с ним? С остальной частью вашего народа? Что хорошего в том, что бросаться своей жизнью ради...

Едва слова слетели с ее губ, как она поняла, что совершила ошибку, сказав это. Кель'тас напрягся и резко перебил ее.

- Я мог бы остановить его. Я должен был. - Он выпрямился, и его неприветливость внезапно испарилась, холод сменился огнем. Он поклонился ей, слишком низко. - Я ухожу из Даларана как можно скорее. Здесь более ничего меня не держит. - Джайна вздрогнула от его пустого, обреченного голоса. - Я был самым большим глупцом в этом ордене, полагая, что кто-то из вас, людей, может помочь мне. Я оставляю это место дрожащим дряхлым магам и честолубивым юнцам. Никто из вас не может помочь нам. Мои эльфы нуждаются во мне, чтобы я повел их теперь, когда мой отец...

Он затих и с трудом глотнул.

- Я должен идти к ним. К тем немногим, кто выжил. К тем, кто пережил и переродился в крови тех, кто ныне служит твоему возлюбленному.

Он ушел прочь, пылая яростью каждой частицей своего высокого изящного тела, и Джайна почувствовала его боль в своем сердце.

И теперь, он был здесь; Артас был здесь, во главе армии нежити, будучи рыцарем самой смерти. Голос Антонидаса вырвал ее из царства грез, и она заморгала, пытаясь вернуться в настоящий момент.

- Задержите ваши войска, или мы будем вынуждены развязать наши полномочия против Вас! Сделайте ваш выбор, смертельного рыцаря. - Антонидас отошел от балкона и повернулся к Джайне. - Джайна, - сказал он своим обычным голосом, - сейчас мы установим блокирующие телепортацию барьеры. Тебе нужно идти, пока ты не оказалась здесь в ловушке.

- Возможно, я могу достучаться до него... возможно, я могу..., - Она затихла, услышав в ее же словах несбыточные желания. Она не могла даже помешать ему в убийстве невинных в Стратхольме, или в его походе в Нордскол, когда хотя она была уверена, что это была западня. Он не послушал ее тогда. Если Артас был действительно под неким темным контролем, как она могла бы отговорить его сейчас?

Она глубоко вздохнула и отошла, Антонидас слегка кивнул ей. Было так много, о чем она хотела сказать этому человеку, ее наставнику, ее жизненному ориентиру. Но все, что она могла сделать - лишь изобразить ему неуклюжую улыбку, поскольку сейчас он сражался, и они оба знали, что это будет его последняя битва. Она даже не могла найти слов для прощанья.

- Я позабочусь о наших людях, - с трудом выговорила она, воспользовалась заклинанием телепортации и исчезла.

Первая фаза битвы закончилась, Артас получил то, ради чего пришел сюда. Артас получил нужную им магическую книгу Медива. Она была большой, и все же необычно тяжелой для своего размера, обернутая в красную кожу с золотым переплетом. На обложке красовалось изображение черного ворона с распахнутыми крыльями. На книге все еще была свежа кровь Антонидаса. Интересно, не станет ли она от этого еще сильнее?

Непобедимый, на котором он сидел, затоптал копытом и встряхнул свою шею, будто у него была плоть, раздражаемая мухами. Они были на вершине холма, спускающегося к Даларану, башни которого по-прежнему переливались в свете солнца золотистыми, белыми и фиолетовыми оттенками, в то время как его улицы были умыты кровью. Многие маги, что

бились с ним часами ранее, стояли теперь возле него. Большая их часть была слишком сильно помята, чтобы быть хоть как-то полезной, их можно было разве что просто бросить в битву как пушечное мясо. Но другие... другими можно было еще воспользоваться, их навыки, которыми они владели при жизни, хорошо послужат Королю Личу при смерти.

Кел'Тузад был словно ребенок на Зимнем Покрове. Он пролистывал книгу Медива, полностью поглощенный своей новой игрушкой. Это раздражало Артаса.

- Магический круг приготовлен в точности по твоим указаниям, лич. Ты готов начать обряд?

- Почти, - ответил мертвец. Фаланги пальцев перелистнули еще одну страницу. — Я почти дочитываю. Это просто невероятно! Познания Медива не ограничиваются одними лишь демонами. Я подозреваю, что он был гораздо сильнее, чем мы когда-то подозревали.

Пока ему отвечал Кел'Тузад, рядом с ними появился темно-зеленый водоворот, из которого материализовался Тикондрий. Раздражение Артас стало еще сильнее, ибо повелитель ужаса говорил с ними, как всегда, с нескрываемым пренебрежением.

- Его силы не хватило даже на то, чтобы избежать смерти - вот что главное. Достаточно того, что сегодня мы завершим начатую им работу. Приступай!

И затем он быстро покинул их. Кел'Тузад воспарил прямо в круг. Место было размечено четырьмя небольшими обелисками. В их центре был начерчен круг с мистическими знаками. Кел'Тузад взял книгу с собой, и как только он был на месте, линии круга ожили и зажглись фиолетовым сиянием. Одновременно послышался шум, треск, и восемь столбов из пламени возникли вокруг лича. Кел'Тузад развернулся, и пристально посмотрел на Артаса своими пылающими глазами.

- Те, кто остался в живых в Даларане, ощутят силу этого заклятья, - предупредил Кел'Тузад. - Они не должны прервать выполнение ритуала, иначе мы потерпим неудачу.

- Я сохраню твои кости, лич, - заверил его Артас.

Как и обещал Кел'Тузад, было сравнительно легко ворваться в Дараран, истребить тех, кто поддерживал защитную магию от них, и забрать то, ради

чего они пришли. Артас даже расправился с Архимагом Антонидасом, крайне могущественным человеком, как он считал когда-то.

Если Джайна был там, она бы вышла к нему, он был в этом уверен. Взывала бы к тому, что было между ними когда-то, как она пыталась сделать раньше. Ныне у нее не было бы ни шанса, в отличие от того раза, вот только...

Он был рад, что не столкнулся здесь с нею.

Внимание Артаса внезапно привлекло другое. Врата раскрывались, и серые губы Артаса изогнулись в улыбке. Раньше у Плети было преимущество в элементе неожиданности. Да, в Даларане всегда проживало множество сильных магов. Но в городе не было натренированного ополчения, да и не все маги были из Кирина Тора. И все же у Даларана было несколько стражей, и с ними шутки были плохи.

Они телепортировали армии.

Великолепно. Хорошая драка - вот что было нужно, чтобы отвлечься от мыслей о Джайне Праудмур и о том, каким он был в юности.

Он взялся за Ледяную Скорбь, чувствуя, как она покалывает в его руке, слыша убаюкивающий ласкающий голос Короля Лича.

- Ледяная Скорбь жаждет крови, - сказал он свои войскам, указывая мечом на одетых в броню защитников великого города магов. - Давайте утолим ее голод.

Армия Плети взревела, страдающий вопль Сильваны возвышался над всей этой какофонией, заставив Артаса усмехнуться. Даже после смерти, даже будучи вынужденная повиновалась его приказам, она бросала ему вызов, и он наслаждался, натравливая ее на тех, кого бы она предпочитала защитить. Непобедимый напрягся и с безумным ржанием пустился в голоп.

Некоторые его ужасные миньоны остались, чтобы защищать Кел'Тузада, но большинство ринулось за своим лидером. Артас признал многие одеяния тех, кого телепортировал Кирин Тор, дабы защитить свой город. Когда-то они были его друзьями, но то было в прошлом и не интересовало его, как и вчерашняя погода. Ему стало лучше, он чувствовал лишь радость Ледяной Скорби, сверкающей и поющей, когда она пожинала урожай душ, возвышаясь и ниспадая, пробивая кольчуги словно бумагу.

После того, как пала первая волна солдат, добавленных в ряды Плети или оставленных лежать там, где они пали, прибыла вторая волна. Там были также и маги, одетые в фиолетовые одежды Даларана с вышитым символом великого Глаза. Но и к Артасу также подоспела подмога.

Демоны, похоже, были готовы помочь мертвым ценою своей жизни.

Огромные камни свалились с небес, оставляя за собой след зеленого огня скверны. Земля задрожала в месте их падения, и из образовавшихся кратеров поднялись существа, похожие на каменных големов, поддерживаемых и направляемых мерзкой зеленой энергией.

Артас обернулся через плечо. Кел'Тузад поднялся еще выше в воздух, его руки раскинулись в стороны, его рогатая голова откинулась назад. Потрескивающая энергия струилась от него, и перед личом начал формироваться зеленый шар. Затем лич резко опустил руки и вышел из круга.

- Приди, лорд Архимонд! - прокричал Кел'Тузад. – Приди в этот мир и позволь нам насладиться огнем твоей силы!

Зеленый шар запульсировал, расширился, став больше и засверкав ярче. Внезапно столб пламени устремился ввысь, чему ответило несколько молнии, ударивших рядом с кругом. А затем, где не было ничего, выросла фигура - высокая, сильная, изящная, темная и опасная. Артас вернулся на поле битвы. Враг отступал - видимо маги поняли, что произошло, и их войска развернулись и поспешили в безопасное место - ненадолго, как подумал Артас - в Даларан. И когда они бежали, над полем боя разнесся мощный, резонансный голос.

- Трепещите, смертные! Зло пришло в этот мир!

Артас поднял свою руку, и этим простым жестом приказал Плети остановиться и возвращаться. Пока он скакал обратно к Кел'Тузаду, все время поглядывая на гигантского лорда демонов, к ним присоединился Тикондрий. Как обычно, после того, как опасность миновала.

Повелитель ужаса низко поклонился. Артас потянул узду, остановившись на некотором расстоянии от них, предпочитая быть наблюдателем.

- Лорд Архимонд, все готово

- Хорошо, Тикондрий, - ответил Архимонд, отдав меньшему демону кивок, чтобы тот встал. – Король Лич нам больше не нужен. Отныне ты будешь командовать армией Плети.

Артас внезапно почувствовал огромное облегчение, что он часами медитировал, тренируясь в дисциплине. Только это воспрепятствовало ему выпустить на волю свое возмущение и ярость. Но даже так Непобедимый почувствовал напряжение в нем и нервно задержался. Он сжал узды и заставил мертвое животное утихнуть. Король Лич им больше не нужен? Почему? Да кем был этот демон, и что будет с ним? Что будет с Артасом?

- Скоро я начну вторжение. Но сначала, я преподам урок этих жалким волшебникам... я превращу их город в прах истории.

Он зашагал, с гордой и прямой осанкой, его копыта решительно стучали с каждым его шагом, его броня мерцала в розовом, золотом и сиреневом цветах начинающихся сумерек. Возложив на него с почтением семени Тикондрий. Артас подождал, пока они не отойдут от них, прежде чем наброситься на Кел'Тузада.

- Он что, шутит? Что будет с нами?

- Терпение, молодой рыцарь. Король предвидел и это. Ты еще сыграешь свою роль в его великом плане.

Сыграет? Артас буравил взглядом некроманта, его ноздри чуть ли не выпускали пар, но он сдержал свой гнев. Если кто-нибудь - демон или даже сам Король Лич - хотя бы на мгновение подумает, что Артас - всего лишь инструмент, которым можно так просто попользоваться и выкинуть, то Артас докажет, что тот ошибается. Он через столько прошел - потерял так много, отрекся от всего, что было ему дорого - чтобы теперь оставаться в стороне.

Это не могло кончиться вот так.

Это не будет закончено вот так.

Земля загрохотала. Непобедимый тревожно задержался, вставая на копыта, словно пытаясь не прикасаться с почвой. Артас быстро взглянул на город магов. Башни выглядели особо прекрасно в это время дня, она источали гордость, великолепие и роскошь в спускающемся полумраке сумерек. Но вдруг он услышал гулкий шум чего-то разрушающегося. Самая высокая и самая красивая башня города внезапно накренилась и упала,

медленно и неумолимо, будто ее кто-то сломал посередине огромной невидимой рукой.

Остальная часть города пала моментально, рассыпаясь и разрушаясь, звук разрушения эхом раздавался в ушах Артаса. Он вздрогнул от этого шума, но не смел отвести свой взгляд.

Он вспомнил, как пал Луносвет. Как он направил на него Плеть. Луносвет был его с трудом завоеванным призом. А это... это было сделано так небрежно, так непринужденно... Архимонд, казалось, мог уничтожить самые великие города людей, даже будучи не находясь там.

Артас подумал об Архимонде и Тикондрии. Задумавшись, он потер свой подбородок.

В за его поясом пылала Ледяная Скорбь.

ГЛАВА 21

Кел'Тузед – это лич, которого очень полезно держать при себе, – думал Артас, стоя на верхушке изумрудного холма.

Он был совершенно предан Королю-личу, даже когда крайне убедительно играл верного пса Архимонда и Тикондрия в их присутствии. Артас решил затаиться. Он и себе-то не верил так крепко, как Кел'Тузеду. Эти два демона думали, что списали их со счетов. Скоро они поймут, насколько были не правы. Они беспечно оставили Книгу Медива в руках лича. А он ведь и сам прекрасно помнил заклятия столь мощные, что Артас и представить себе не мог последствия их применения.

– Третья часть плана, – сказал ему Кел'Тузед в тот самый день, когда демоны оставили их, так непринужденно, будто говорил о погоде, – Это – истинный замысел Легиона.

Артас помнил все, что Кел'Тузед рассказал ему ранее. Первым шагом было создание Плети, затем – вызов Архимонда. Теперь он слушал его с неприкрытым интересом. Кел'Тузед продолжил рассказ.

– Легион теперь может отобрать всю магию и вытянуть всю жизнь из этого мира. И для этого они хотят использовать могущество эльфийского Источника Вечности. Чтобы достичь этого, они должны будут разрушить то единственное, в чем содержится самая чистая жизненная сила на всем Азероте. Источник Вечности находится за океаном, на континенте Калимдор. И то, что мешает Легиону добраться до его могущества, называют Нордрассил... Мировое Древо. Оно дает калдореям бессмертие, и они связаны с ним навеки.

– Калдореи? – Артас запутался, – Я знаю о квель'дореи. Они – какая-то другая раса эльфов?

– Первородная раса, – исправил его Кел'Тузед, – Но эти детали не важны. Дело в том, что мы должны помешать Легиону достигнуть своей цели. И есть один калдорей, которым может нам помочь.

Вот так и случилось, что используя свои магию, Кел'Тузед телепортировал Артаса в эти далекие земли, на этот холм, с которого прекрасно было видно округу. Леса здесь были пышными и здоровыми, но

Артас уже мог видеть, что где-то недалеко гулял Легион. Там, где земля, деревья и животные были не мертвы, но развращены. И вправду, он уже пожирает всю жизнь.

Кто-то стал на соседнем холме, и Артас улыбнулся про себя. Это был тот, кого он ожидал.

Они были совсем другими, эти «ночные эльфы». Его кожа была бледно-лавандовой, укрытой округлыми татуировками, и шрамы были вырезаны на ней в ритуальных узорах. Повязка из черной ткани обвевала его глаза, но он, казалось, прекрасно видел, куда ему идти. Он нес оружие, похожее на которое Артас в жизни не видел. Вместо обычного меча с твердой рукоятью и клинком на ней, у этого оружия было два зазубренных клинка, что пылали блекло-зеленым оттенком демонической порчи.

Этот кто-то раньше явно сотрудничал с демонами.

Артас решил помешкать немного и понаблюдать за ним. Ночной эльф – Иллидан Ярость Бури, как представил его Кел’Тузед – гневался на себя. Очевидно, насчет него у многих было большое количество заблуждений, и он страстно желал мести и ровно столько силы, сколько Кел’Тузед мог пообещать ему дать.

Артас улыбнулся.

– Я свободен после десяти тысяч лет тюрьмы! Но мой родной брат по-прежнему считает меня подлецом! – разглагольствовал Иллидан, – Я покажу ему свою истинную силу! Я докажу, что демоны не властны надо мной!

– Ты в этом уверен, охотник на демонов? – спросил Артас, и ночной эльф оглянулся на него, взмахнув клинками, – Ты точно знаешь, что твоя воля принадлежит тебе?

Эльф, быть может, и был слепым в обычном понимании этого слова, но Артас понял, что он смотрел на него. Иллидан презрительно фыркнул.

– От тебя разит могилой, смертный. Ты пожалеешь, что встал у меня на пути.

Артас усмехнулся. Ему давно не хватало хорошей дуэли.

– Ну, нападай, – сказал он, – Увидишь, мы стоим друг друга.

Неукротимый, что заскучал за схватками так же, как и го хозяин, вскочил на дыбы и понесся вниз, с холма. Иллидан зарычал и помчался ему на встречу.

Это почти как танец, – подумал Артас, когда два воина встретились. Иллидан был ловок и силен, его навыки сражения были демонически велики. Но и Артас был не простым солдатом, а Ледяная Скорбь – не простым клинком. Схватка была жестокой и быстрой. Артас был прав – они стояли друг друга, и ни один не мог одолеть другого. Вскоре они, тяжело дыша, расступились.

– Этот поединок может продолжаться вечно, – сказал Иллидан, – Ладно. Говори, что тебе нужно?

Артас опустил Ледяную Скорбь.

– Из того, что ты говорил, я понял, что вас и ваших союзников окружает нежить. Во главе их армии стоит повелитель ужаса, по имени Тикондрий. У него есть могущественный колдовской артефакт – Череп Гул’Дана. Именно он – источник скверны, охватившей ваши леса.

Иллидан поднял голову.

– И ты хочешь, чтобы я украл его? Почему?

Седые брови Артаса поднялись в удивлении. Этот парень действительно скор. Он заслужил полуправдивого ответа.

– Скажем так... Я не люблю Тикондрия, а моему господину было бы... выгодно поражение Легиона.

– С какой стати, я должен верить твоим словам, человечиска?

– Справедливый вопрос, – Артас пожал плечами, – Тогда я отвечу. Мой повелитель видит все, охотник на демонов. Он знает, что ты всегда стремился к силе. Теперь же она сама идет к тебе в руки. Только возьми ее – и от твоих врагов не останется мокрого места.

Рука Артаса сжалась в кулак перед слепыми глазами Иллидана, и тот, как Артас и ожидал, обратил внимание на этот жест и посмотрел на перчатку.

Иллидан медленно поднял голову и посмотрел в лицо Артасу. Его даже взволновало то, что этот слепой мог так хорошо видеть. Эльф

глубокомысленно кивнул. Ничего не сказав более, Артас повернул Непобедимого и умчался прочь.

Кел'Тузед скоро должен призвать его назад. Все шло по плану Короля-лича. Он лишь надеялся, что Иллидан сделает все как положено. Если только... не будет никаких осложнений.

У нее не осталось ничего от жизни. У нее даже не было сил сопротивляться тому, кто дал ей это новое бытие.

Но у Сильваны Ветрокрылой осталась воля. Почему то Артас не сломил ее. Он делал так с остальными. Почему же она одна не стала его бездумной прислужницей? Причиной тому была ее сила воли, или он просто мучил ее? Баньши, которой она стала, никогда об этом не узнает. Но если ее воля осталась при ней по прихоти Артаса, то она будет смеяться последней.

Так Сильвана поклялась себе. А она всегда держала слово.

С тех пор как Артас Менетил и его Плеть прошли по ее любимой родине, в мире случилось много нового. Очень много.

Ее так званный «повелитель» восстал против своей роли простой пешки. Вместе с тем высокомерным летающим мешком костей, Кел'Тузедом, по чьей вине был развращен великолепный Солнечный Колодец, они сплели заговор против повелителя ужаса Тикондрия и лорда Архимонда, которого сам же Кел'Тузед и пригласил в Азерот. Сильвана следила за всем происходящим. Ведь ей необходимо было знать все об Артасе, его планах, его способе ведения войны, его ошибках и слабостях.

Он не стал убивать Тикондрия сам, как сделал это с Мал'Ганисом. О нет, коварный людской принц обманом заставил марать за себя руки другого. Иллидан, так звали беднягу. Артас смог прочувать в Иллидане жажду силы и использовать ее. Он понукал его выкрасть Череп Гул'Дана, легендарного орка-чернокнижника. Сделав это, Иллидан убил Тикондрия. Артас избавился от повелителя демонов, а Иллидан получил артефакт, что насытил его жажду силы. Видимо, все шло по плану. Артас... а потому и Сильвана... больше ничего не слышали об Иллидане.

А что до Архимонда... Могущественный демон, что сумел разрушить Даларан, великий город магов, одним заклинанием, пал от силы жизни, за которой сюда пришел. Сильвана теперь ненавидела жизнь с той же силой,

что и Легион, и поэтому весть о его падении приняла неоднозначно. Ночные эльфы пожертвовали своим бессмертием, чтобы победить его. Чистая, великая сила природы разрушила демона изнутри, и Мировое Древо лишилось своих сил от взрывной волны, что изошла от него в агонии. И когда Архимонд пал, от него остался только скелет, и с его смертью пошли прахом планы Легиона захватить его мир.

Сильвана резко вернулась от размышлений о прошлом к реалиям настоящего. Его ухо уловило где-то имя покойного и никем не оплакиваемого повелителя демонов.

– Вот уже несколько месяцев нет никаких известий от лорда Архимонда, – сказал их предводитель, Детерок, нетерпеливо цокая копытом. – Сколько можно присматривать за этой поганой нежитью? Зачем мы здесь торчим?

Они стояли там, где когда-то были сады дворца, по которому не так давно прошел Артас чтобы убить собственного отца и пустить смерть в свой народ. Сады давно сгнили – так же, как и люди.

– Детерок, нам приказано наблюдать за этими землями, – упрекнул его тот, кого звали Балназар. – Мы должны оставаться здесь, и следить за тем, чтобы армия Плети была готова к выступлению.

– Верно, – прогрохотал третий, Вариматас, – Но мы уже давно не получали никаких указаний.

Сильвана едва могла поверить собственным ушам. Она обернулась к Кел'Тузеду. Она презирала его почти так же сильно, как рыцаря смерти, так верно он ему служил, но она умело скрывала свою неприязнь.

– Легион уже несколько месяцев как разбит, – спокойно сказала она. – Неужели они ничего не знают?

– Сложно сказать, – ответил лич, – Но чем дольше они будут командовать – тем хуже для Плети. Если только...

Его прервал звук, который Сильвана не ожидала услышать в этих краях – характерный звук ворот, которые разбили и сломали. Оба мертвеца оглянулись на шум, а демоны сердито зарычали, готовясь к бою и согнув черные перепончатые крылья.

Пылающие глаза Сильваны расширились в удивлении, ведь в проеме врат стоял ни кто иной, как сам Артас. Его старый мертвый конь гарцевал под

ним. На нем не было шлема, и его волосы растрепались по лицу. Под ними была самоуверенная улыбка, которую так Сильвана презирала. Она захотела сжать призрачные руки в кулаки, но все, что она смогла, находясь под чужой властью, это слегка подернуть пальцами.

– Приветствую вас, повелители ужаса! – сказал он, и его голос был звучным и веселым. Демоны уставились на него, явно не понимая причин для подобной дерзости.

– Как мило, что во время моего отсутствия королевство не осталось без присмотра. Премного благодарен, но больше в ваших услугах я не нуждаюсь.

Несколько секунд они просто смотрели на него. Наконец, Балназар не выдержал и ответил.

– Это наша земля. Плеть принадлежит Легиону!

А вот и оно, – подумалось Сильвана.

– Уже нет, демон, – ликующе продолжил Артас с еще большей ухмылкой, – Армии твоих повелителей разбиты. Легиона больше нет. Пришла пора уйти и вам.

Все еще усмехаясь он поднял Ледяную Скорбь. Руны вдоль клинка плясали и сияли светом. Он потянул за узду, и его мертвый конь пошел в сторону трех демонов.

– Последнее слово еще не сказано, смертный! – вызывающе крикнул Детерок. Повелители ужаса оказались быстрее мертвого коня, и Ледяная Скорбь взвыла от разочарования, когда пронзила лишь воздух. Демоны создали порталы и спрятались. Артас нахмурился, но к нему быстро вернулось расположение духа. Сильвана поняла, что он собирается когда-либо найти их, и их смерть – лишь вопрос времени.

Он оглянулся и посмотрел на Сильвану, подзывая ее к себе. Она вынуждена была повиноваться. Кел’Тузед же не нуждался в приказах и сам счастливо помчался к хозяину, как верный злой пес.

– Мы знали, что ты вернешься к нам, принц Артас!

Артас лишь бросил взгляд на своего верного слугу, и вновь уставился на Сильвану.

– Я тронут, – сказал он с сарказмом, – Ты тоже ждала моего возвращения, моя маленькая банши?

– Да, – холодно ответила Сильвана. Это была правда. Она ждала, что он вернется, чтобы отомстить. Он дернул палец, требуя от нее большего ответа, и она задохнулась от боли, что пронзила ее. – Принц Артас, – добавила она.

– Изволь обращаться ко мне как к королю. Ведь это моя земля. Я родился, чтобы править ею – так и будет. Когда-то...

Он оборвал свою речь резким вздохом. Его глаза расширились, а лицо искажилось от боли. Он согнулся к костистой шее своего коня, его руки, закованные в перчатки, крепко сжали уздечку. Крик острой боли вырвался из его груди.

Сильвана смотрела на него с удовольствием, которого не знала со дня падения Кель'Таласа. Она упивалась его болью, как нектаром. Хотя она понятия не имела, почему он страдал, но наслаждалась каждой секундой этого зрелища.

Он с трудом поднял голову. Его глаза уставились на что-то, что она не могла видеть, и он протянул туда руку, моля о помощи.

– Как больно... – прорычал Артас, стиснув зубы. – Что со мной?

– Вам нужна помощь, король Артас, – крикнул Кел'Тузед.

Артас ответил не сразу. Он тяжело дышал, а тогда медленно сел, явно пересиливая себя.

– Нет, боль ушла... Но я совсем лишился сил... – он был в замешательстве. Если бы у Сильваны все еще билось сердце, оно бы подпрыгнуло на этих словах, – Что-то здесь не так. Я...

Его вновь пронзила боль. Его тело забилося в судорогах, голова откинулась вниз, когда рот открылся в беззвучном крике боли, вены на его шее выделились, как веревки. Кел'Тузед бегал вокруг своего обожаемого хозяина, как суетливая няня. Сильвана просто холодно смотрела на него, пока судорога не прошла. Медленно и осторожно он соскочил из Непобедимого. Его обутые в латные сапоги ноги с грохотом ступили на каменные плиты, и он трудно упал. Лич протянул свою костяную руку, чтобы помочь принцу – то есть самопровозглашенному королю – встать на ноги.

– Отведи меня обратно в мои старые палаты, – выдохнул Артас, – Я должен отдохнуть... Меня ждет дальняя дорога.

Сильвана смотрела ему вслед. Слабо шатаясь, он пошел к комнатам где вырос. Ее губы согнулись в улыбке...

... а призрачные пальцы ее рук на мгновение дернулись, а затем сомкнулись в кулаки.

В этот день в Серебряном бору было на удивление тихо и спокойно. Мягкий туман витал возле укутанной сосновыми иголками земли. Сильвана знала, что если бы у нее были физические ноги, она бы почувствовала этот мягкий и гибкий ковер. Что она могла бы вдохнуть богатый вечнозеленый запах сырого воздуха. Но она ничего не чувствовала. Она плыла к месту встречи. И так рвалась туда, что почти не сожалела о нехватке чувств.

Артас взял в моду обращать красивых, гордых и целеустремленных женщин к вель'дореи в банши после «успеха» с Сильваной. Он отдал их ей под командование, как генералу следопытов при жизни, бросил как кость, будто она верный пес. Он не понимал, что пес уже не так верен. После подслушанной беседы повелителей ужаса она отправила одну из своих банши к ним, для переговоров и сбора информации.

Демоны с удовольствием приняли ее посла, и дали ей согласие встретиться с ее хозяйкой сегодня вечером, чтобы обсудить что-то, «что будет выгодно Королеве банши в ее нынешнем положении».

В глубине лесов она разглядела слабый зеленоватый свет и помчалась к нему. Она убедилась, что они ждали ее, как и говорили – три великих демона повернулись к ней и их крылья задрожали, выдавая их волнение.

Первым обратился к ней Балтазар.

– Леди Сильвана! Мы так рады вашему приходу.

– Как я могла не прийти? – ответила она, – Не знаю почему, но голос Короля-лича больше не звучит в моей голове. Теперь я снова принадлежу себе.

Это и вправду было так. И только силой вновь обретенной воли она смогла не выдать голосом восторг. Она не хотела, чтобы они догадались о большем, чем хотела рассказать она.

– Думаю, повелителям ужаса известна причина этой перемены.

Они перекинулись взглядами, и на их лицах появились улыбки.

– Нам удалось узнать, что Король-лич теряет свою силу, – сказал Вариматас с адским ликованием в голосе. – Она угасает. И вместе с ней угасает его способность командовать нежитью. Такими, как ты.

Если это правда, то это – замечательные новости. Но Сильвана еще не верила, что это правда.

– А король Артас? – спросила она, не в силах удержать насмешку в голосе, называя рыцаря смерти этим титулом. – Что с его силами?

Балназар вольно махнул рукой.

– Его время прошло. Несмотря на то, что его рунный клинок Ледяная Скорбь обладает огромной магической силой, сила самого Артаса скоро исчезнет. Это неотвратимо.

Сильвана бы не стала судить столь категорично. Она уже раз недооценила Артаса, и вместе с ненавистью в ее холодном сердце теперь жило и чувство вины за его кровавую победу.

– Вы намерены избавиться от него, и хотите, чтобы я помогла вам в этом? – спросила она прямо.

Детерок, казавшийся среди них наиболее ответственным, стоял спокойно позади, пока его братья говорили с Сильваной. Они были сердиты и разгневаны, но его лицо оставалось беспристрастным. Наконец он заговорил холодным тоном чрезвычайной ненависти.

– Пусть Легион разбит, но мы – натрезимы. Мы не позволим какому-то смертному помыкать нами, – он сделал паузу и посмотрел на каждого из них отдельно. – Артас будет уничтожен.

Его пылающие зеленым огнем глаза уставились на Сильвану.

– Как ты следила за нами своим маленьким призраком, так и мы следили за тобой. Кел’Тузед слишком верен своему господину, и ни за что не предаст его, – его серые губы изогнулись в опасной улыбке. – Но ты...

– Я ненавижу его, – она даже и не думала, что могла скрыть от них эту правду, даже если бы хотела – так отчаянно это чувство горело в ней. – Это и

единит нас, повелители ужаса. У меня есть свои причины для мести. Артас уничтожил мой народ, и превратил меня в это... чудовище.

Она на миг сделала паузу. Ненависть к Артасу и к тому что он с ней сделал была столь сильна, что у нее отняло дар речи. Они ждали, терпеливо, самодовольно.

Они думали, что смогут использовать ее. Не тут то было.

– Может быть, я и приму участие в вашем заговоре, но сделаю это по-своему, – она стремилась к этому, как и ее союзники, но они должны были знать, что она не станет чьей-либо пешкой, – Я не поменяю одного хозяина на другого. И если вам нужна моя помощь – вы согласитесь.

– Тогда мы убьем рыцаря смерти вместе, – улыбнулся Детерок.

Сильвана кивнула, и улыбка промелькнула на ее призрачном лице.

Твои дни на исходе, король Артас Менетил. И я сама поведу отсчет.

ГЛАВА 22

Артас тяжело протер пальцами виски, снова и снова прокручивая в голове видение. Раньше он связывался с Королем-личом только через Ледяную Скорбь. А теперь с тяжелой болью и слабостью он увидел впервые того, кому так долго служил.

Король-лич был один посреди обширной пещеры, заключенный в тюрьму из того же неестественного льда, что и Ледяная Скорбь. Но та глыба не была гладкой, по форме его тела. Она была неровной, будто кто-то оторвал кусок и отбросил прочь. Спрятанного в толще льда Короля-лича сложно было разглядеть, но его голос разрезал разум рыцаря смерти так, что тот лишь вскрикнул в муках.

– Ледяной Трон в опасности! Я слабею... У нас мало времени. Ты должен немедленно отправиться в Нортренд! – а затем в сознание Артаса врезался властный крик, – Я приказываю тебе!

С каждым таким видением Артасу становилось дурно и больно. Его великая сила, которая восхищала его когда он был человеком, ушла бесследно, и он стал еще слабее прежнего. Он был слаб и уязвим... Он боялся и представить, что такое случится после того, как впервые схватил Ледяную Скорбь и отвернулся от всего, во что раньше верил. Он с трудом взобрался на Непобедимого и поехал на встречу Кел'Тузеду.

Лич ждал его, паря, как обычно, над землею. В его движениях читалось беспокойство.

– Значит, все стало только хуже? – спросил он.

Артас замешкался. Должен ли он рассказывать личу о своих сомнениях? Нет, - решил он. Бывший некромант никогда не подводил его. Он всегда был верен Королю-личу и ему, Артасу.

Король кивнул. Он подумал, что еще чуть-чуть и его голова от слабости отвалилась бы напроць.

– Да. Я настолько ослаб, что могу командовать лишь своими собственными воинами. Король-лич предупредил меня, что если я вскоре не доберусь до Нордскола, то все будет кончено. Мы должны как можно скорее...

– Планы изменились, король Артас. Ты никуда не едешь.

Его силы настолько ослабли, что он даже не ощутил, как они пришли. Они застали его врасплох, и Артас лишь смотрел, как его окружают трое повелителей ужаса.

– Убийцы! – закричал Кел’Тузед, – Это ловушка! Защищайте короля от...

Но его крики заглушил звук захлопнувшихся врат. Артас взял в руки Ледяную Скорбь. Это впервые верный меч казался ему тяжелым и почти безжизненным. Руны вдоль клинка не сияли вообще, и он казался просто куском металла, а не красивым и точно сбалансированным оружием, каким был всегда.

Нежить набросилась на него, и на мгновение он ясно вспомнил свою первую схватку с бродячими мертвецами. Он будто снова стоял возле маленького сельского домика, ошарашенный запахом гнилой плоти и до смерти испуганный тем фактом, что мертвые тела напали на него. Он давно забыл страх или отвращение к ним. Он даже в какой-то мере к ним привязался. Они были его подданными. Он очистил их от жизни, заставил служить во славу великого Короля-лича. Они не двигались и не сражались – это он передвигал их и сражался ими. А теперь они были подвластны повелителям ужаса. Применив всю силу, что у него осталась, Артас стал как-то от отбиваться. Он и не думал, что когда-нибудь его нежить обернется против него.

Звуки боя перекричал злорадный голос Балназара.

– Лучше бы тебе было не возвращаться сюда, человек. Ты стал слаб, и мы отобрали себе почти всю твою армию. Недолго же вы правили, король Артас.

Артас сцепил зубы, и откуда-то в нем взялось еще немного сил для сражения. Нет, он не умер здесь.

Но их было так много... Тех, кем он еще недавно сам управлял – теперь они неумолимо восстали против него. Он знал, что это лишь бездумные тела, и они будут повиноваться кому угодно, у кого хватит сил. Но все-таки... это было больно. Он создал их...

Его силы покидали его, и один раз он не смог отразить удар, что был направлен прямо по его груди. Слабенький меч зазвенел, ударившись о его доспехи, и его не ранило. Но он был взволнован тем, что какой-то вурдалак пробил его защиту.

– Их так много, мой король! – сказал могильным голосом Кел’Тузед, и этот тенор верности пробил слезу на глазах Артаса. – Бегите! Бегите из города! Я найду другой выход и буду ждать вас где-то в лесу. Это – ваш единственный шанс, мой господин!

Он знал, что лич был прав. С громким криком Артас неуклюже соскочил с коня. Один взмах его руки – и Неукротимый превратился в призрачного неуловимого коня и исчез. Артас призовет его снова, когда выберется отсюда. Он схватил Ледяную Скорбь и стал вымахивать ею. Не для того, чтобы сразить противников – их и вправду было слишком уж много – а чтобы просто расчистить путь.

Врата были закрыты, но это был тот дворец, где он вырос и возмужал, и он знал его как свои пять пальцев. Знал каждую врата, каждую стену, каждый закоулок. И вместо того, чтобы ломиться во врата, которые он все равно сам не откроет, он побежал вглубь дворца. Нежить помчалась за ним. Артас бежал сквозь коридоры мимо залов, что когда-то были покоями королевской семьи, в которых он когда-то гулял за руку с Джайной. Он споткнулся.

Как он докатился до такого... Он бежал сквозь пустынный дворец, а за ним гнались творения его же рук, его подданные. Он поклялся защищать их. Но нет... он же сам убил их. Предал их ради власти, сулимой Королем-личем. Власть, что теперь вытекала из него как кровь из открытой раны.

Отец... Джайна...

Он отмахнулся от воспоминаний. Ему нельзя было отвлекаться. Здесь ему помогут не ненужные воспоминания, а сила и ловкость.

По узким коридорам за ним успели угнаться лишь пара мертвецов, и он успел запереть двери, чтобы остановить и их. Наконец он добрался до своих покоев и до тайного выхода в стене. У него, у родителей и у Калии, у всех был такой выход... известный только им, Утеру и епископу. Всех их теперь не было. Артас отодвинул настенный гобелен, за которым была маленькая дверь. Он припрятал ее и захлопнул за собой.

Артас побежал дальше, вниз, по закрученной лестнице, что вела его на свободу. Дверь была спрятана, физически и волшебством, и ее внешнее было не заметить на фоне стен дворца. Задышавшись, Артас выбежал наружу, на тусклый свет Тирисфальских лесов. Он сразу же услышал звук сражения, что не дал ему времени отдышаться. Он испугом смотрел на них. Нежить... сражалась друг с другом.

Кончено... кое-кто остался под его властью. Они все еще были его подданными...

Его инструментами. Его оружием. Но не подданными.

Он смотрел за ними какой-то миг, прислонившись к холодной стене. Поганище, управляемое врагами, оторвало голову с длинными ушами и швырнуло ее в сторону. Он почувствовал отвращение и к той и к другой нежити. Гнилые, чудом не разваливающиеся на части, едва волочащие ноги. Кто бы ими ни управлял, они были отвратительны. Что-то замелькало перед глазами. Несчастный призрак парил над землею. Когда-то он был маленькой девочкой. До того, как она умерла. Он убил и ее, или ее убили по его вине. Его подданная. Она, казалось, еще была связана с тем миром. Казалось, она помнила, что значит быть человеком. Он мог использовать ее. Он использовал. Протянул руку к этой полупрозрачной девочке, которую создал из жажды власти.

– Ты должна мне помочь, маленькая тень, – сказал он голосом, доброжелательным, насколько это было возможно. – Ведь поможешь, а?

Ее лицо засветилось, и она подплыла к нему.

– Я живу только, чтобы служить вам, король Артас, – сказала она. Ее голосочек был звонким и милым, несмотря на страшное эхо. Он заставил себя улыбнуться. Это было легче, чем если бы она была гнилым трупом. Но и у этого были свои преимущества.

Большим усилием воли он призвал всех, кого смог, хоть и запыхтел от напряжения. Они пришли. Они служили бы любому, кто сильнее. С диким ревом Артас спустился к тем, кто смел стать на пути его судьбы, которая досталась ему дороною ценою. Но чем больше мертвецов он вернул в свою волю, тем больше пришлось, чтобы напасть на него. Он был слаб, очень слаб, и его могли защитить лишь эти куски мяса. Он дрожал и задыхался, поднимая Ледяную Скорбь бессильными руками. Земля задрожала под ним, и Артас поднял взор и увидел еще трех поганищ, что мчались на него.

Он твердо схватил Ледяную Скорбь. Он, Артас Менетил, король Лордерона, не сдастся без боя.

Звуки колыхания земли перекрылись мучительными криками. Как призраки птиц блеклые существа взлетели стали летать вокруг поганищ, сбивая их столку, и вдруг нырнули прямо внутрь этих чудовищ.

Гнилые и червивые исполины замерли на месте, а затем обратились против вурдалаков, что нападали на Артаса. На блеклом лице рыцаря смерти появилась усмешка. Банши. Он-то думал, что Сильвана тоже освободилась от его воли и из ненависти готова была наброситься на него вместе со своими призраками. Или еще хуже – стала одной из пешек его врагов. Но вот, бывший генерал-следопыт осталась верна ему.

С помощью захваченных банши поганищ натиск вурдалаков был быстро остановлен и вскоре Артас стоял, хватаясь за сердце, рядом с множеством тел действительно мертвых мертвецов. Поганища стали кромсать друг друга топорами. Артас задался вопросом, смогут ли их сшить назад даже создавшие их некроманты. Когда чудовища упали наземь, духи, что завладели ими, вырвались на свободу.

– Спасибо вам, дамы. Приятно видеть, что вы и ваша госпожа остались моими союзниками.

Они замешкались, и ответили мягкими голосами.

– Да, ваше величество. Она отправила нас, чтобы мы нашли вам. Мы приехали проводить вас через реку. Как только мы пересечем ее, мы найдем убежище где-то в лесах.

Где-то в лесах – то же самое сказал и Кел’Тузед. Артасу стало еще легче. Его права и левая рука действовали согласовано.

– Непобедимый, ко мне! – крикнул он, и из клочка тумана появился призрак, что быстро набрал очертания коня. Спустя мгновения появился и сам Непобедимый во плоти. Артас рад был заметить, что призыв коня почти не отнял у него сил. Непобедимый любил своего хозяина. Вот, что он сделал действительно правильно. Он никогда и ни за что не обернется против него – а это больше, чем может самый верный соратник. Он с трудом оседлал коня, пытаясь не показывать слабость перед банши и другими мертвецами.

– Ведите меня в вашей госпоже и Кел’Тузеду, – сказал он.

Они повиновались и уплыли от дворца куда-то в сердце лесов Тирисфалья. С внезапной нерешимостью Артас заметил, что они проходят мимо усадьбы Бальнира. К счастью, банши не стали вести его туда, а повернулись к холмам, за которыми была обширная равнина.

– Вот это место, сестры. Мы остановимся здесь, ваше величество.

Не было ни следа ни Сильваны, ни Кел'Тузеда. Артас потянул Непобедимого за узду, оглядываясь по сторонам.

– Почему здесь? – спросил он – Где ваша госпожа?

Его вновь пронзила боль и он вскрикнул, схватившись за грудь. Непобедимый взволновано гарцевал под ним, и он из последних сил вцепился в него. Вид сине-зеленой поляны растворился, и теперь он видел лишь синевато-белый зал Ледяного Трона. Голос Короля-лича врезался в его сознание, и Артас едва удержал слезы.

– Нас обманули! Я приказываю вам выбраться! Немедленно

– Какого... Что происходит? – Артас сцепил зубы. Он мигнул и его видение полностью прошло. Он с трудом поднял голову и оглянулся.

Она вышла из леса, держа в руках лук. На одно дикое мгновение ему показалось, что он снова в Кель'Таласе и перед ним – живая эльфийка. Но нет, ее волосы были черными, как полночь в новолуние, с белыми прядями. Ее кожа была бледная с синеватым оттенком, и глаза пылали серебром. Это была Сильвана – но это была и не она. Эта Сильвана не была ни живой, ни бестелесной. Каким-то образом она вернула себе тело, которое он приказал надежно спрятать в железной гробнице, что лишь прибавило ей мучений. Но теперь она снова была в нем.

Он отчаянно пытался сквозь дикую слабость и боль понять, что здесь происходит. Сильвана всадила стрелу в свой длинный лук, потянула и прицелилась. Ее губы изогнулись в улыбке.

– На этот раз тебе не уйти, Артас.

Она выпустила стрелу.

Стрела пронзала его левое плечо, проникла сквозь броню, словно он был не тоньше бумаги, усилив его боль. Еще секунду он ничего не понимал – Сильвана была превосходным стрелком. Она не могла упустить возможность сделать смертельный выстрел на таком расстоянии. Почему в плечо? Он инстинктивно поднял правую руку, но понял, что не может даже пошевелить пальцами. Руки онемели, как и его тело и ноги...

Он повалился на шею Непобедимого, делая все возможное в таком состоянии, чтобы закрепиться за своего скакуна своими конечностями, столь быстро отказавшимися слушать его. Ему удалось лишь повернуть голову,

чтобы посмотреть на нее и произнести: Предательница! Что ты со мной сделала?

Она улыбнулась. Она была довольна. Медленно, томно она подошла к нему. Она была одета в ту же одежду, которая была не ней в момент ее убийства, выставляя на показ свою бледную синевато белую кожу. Странно, но на ее теле не было шрамов от многочисленных ран, которая она получила от него в тот день.

- Эту отравленную стрелу я приготовила специально для тебя, - заявила она, приблизившись к нему. Она положила свой лук себе за спину и потянулась за кинжалом. – То, что ты сейчас испытываешь - лишь малая толика боли, терзающая мою душу.

Артас сглотнул. Его рот пересох, словно там был песок.

- Тогда прикончи меня.

Она отбросила назад свою голову и рассмеялась пустым и призрачным хохотом.

- Быстрая смерть... вроде той, которой ты наградил меня? - Удовольствие на ее лице исчезло так же быстро, как и пришло, ее глаза вспыхнули огнем. Она продолжила приближаться к нему, пока не оказалась на расстоянии вытянутой руки от него. Непобедимый нерешительно дергался от близости с баньши, и сердце Артаса чуть не остановилось, ибо он чуть не свалился со своего коня.

- Нет. Ты хорошо обучил меня, Артас Менетил. Ты научил меня грязному милосердию к своим врагам и наслаждению от их мучений. И поскольку ты мой наставник, я покажу тебе, как хорошо поняла я те уроки. Ты будешь страдать, как и я. Мой яд не даст тебе убежать.

Глаза Артаса стали единственным, что могло у него двигаться, и он беспомощно наблюдал, как она подняла кинжал.

- До встречи в аду, ублюдок.

Нет. Только не так - парализованным и беспомощным... Джайна...

Внезапно Сильвана отскочила назад, бледная рука, сжимающая кинжал, задержалась и опустила оружие. Судя по ее лицу, она была крайне удивлена. Еще мгновение, и перед ним появилась маленькая тень, которая приходила на

помощь Артасу ранее, радостная от мысли, что она помогла спасти ее короля. Счастливая служить.

- Назад, безмозглые твари! Ваше время еще не пришло, мой король!

Кел'Тузад! Он вернулся, как и обещал, найдя Артаса даже там, куда завлекла его эта предательница. И он прибыл не один. Около дюжины воинов нежити было с ним, и они бросились на Сильвану и ее баньши. У него вновь появилась надежда, но он был все еще парализован, и не мог двигаться. Он наблюдал за битвой, бушующей вокруг него, и через несколько секунд стало очевидно, что Сильване надо отступать.

Она стрельнула в него своим взгляд, и вновь ее глаза стали красными.

- Так просто ты от меня не отделаешься, Артас! Я тебя из-под земли достану.

Артас смотрел на нее, пока она не растаяла в тени. Последнее, что он увидел от нее, были ее темно-красные глаза. Как только исчезла госпожа, другие баньши под ее командованием тоже испарились. Кел'Тузад поспешил к Артасу.

- Она ранила вас, мой лорд?

Артас мог только уставиться на него, паралич был таким сильным, что он даже не мог шевелить губами. Костяные руки ухватились с удивительной учтивостью за стрелу и вытащили ее. Артас едва удержался от крика боли. Его красная кровь была перемешана с клейким черным веществом, которое Кел'Тузад тщательно принялся исследовать.

- Действия яда скоро пройдет. Похоже, он был должен лишь остановить вас.

Конечно, подумал Артас; иначе она бы не нуждалась в кинжале. Его охватило облегчение, граничащее с истощением. Он был близко - очень близко - к своей смерти. Если бы не верность лича, эльфийка бы расправилась с ним. Он попытался снова что-то сказать и у него получилось.

- Я... ты спас меня.

Кел'Тузад склонил свою костистую рогатую голову.

- Я рад, что смог быть полезен, мой король. Но Вы должны спешить в Норскол. Все готово для вашего путешествия. У Вас будут еще распоряжения для меня?”

Кел’Тузад был прав. Артас уже начал чувствовать некое подобие жизни в его конечностях, хотя этого было недостаточно, что он мог передвигаться самостоятельно.

- Я должен поспешить к Королю Личу как можно быстрее. Еще немного, и... я не знаю, что нас ждет впереди и вернусь ли я из этого путешествия. Я хочу вверить эту землю тебе. Ты должен заботиться о ней до моего возвращения.

Он доверял личу, не из-за привязанности к нему или веры в него, просто для него это был холодный расчет, свершившийся факт. Кел’Тузад был нежитью, связанной с мастером, которому они оба служили. Взгляд Артаса остановился на маленьком призраке, парящему и улыбающемуся ему в несколько метров от них, затем он посмотрел на гниющие бестолковые трупы, которые бы спрыгнули с утеса, если бы он приказал им.

Это просто мертвое мясо и заблудшая душа. Не личности. И они никогда ими не станут. Что бы не говорила улыбка этой маленькой тени.

- Это честь для меня, мой лорд. Я сделаю все, как Вы приказали, король Артас.

Теперь у нее было тело, которым она раньше владела, немного изменившимся, но и она не была уже прежней. Сильвана бежала огромными легкими прыжками, как это делала при жизни, носила ту же броню. Но все было теперь не так. Она навсегда, безвозвратно изменилась.

- Госпожа, вас что-то беспокоит?

Сильвана очнулась от своих дум и посмотрела на баньши, одну из многих, что парила возле нее. Она могла летать вместе с ними, но она предпочитала тяжесть, связь с землей ее материальной формы, которую она вернула себе.

- А тебя нет, сестра? - кратко ответила она. - Несколько дней назад мы были всего лишь рабами Короля Лича. Нашей единственной задачей было убивать его врагов. А теперь мы ... свободны.

- Госпожа, я не понимаю вас. - Баньши была совершенно запутана. - Мы вновь хозяева самим себе. Не за это ли вы боролись? Я думала, что Вы будете вне себя от радости.

Сильвана засмеялась, сознавая, что она была близка к истерии.

- Что за радость может быть в этом проклятии? Мы все еще нежить, сестра, и чудовища. - Она протянула руку, посмотрела на свою сине-серую плоть, прочувствовала холод, который прицепился к ней словно вторая кожа. - Кто мы, если не рабы этого проклятия?

Он многое забрал у нее. Даже если она продлила его смерть на сутки... недели... она бы все равно не смогла заставить Артаса страдать также сильно. Его смерть не вернет мертвых к жизни, не очистит Солнечный Колдец, ни сделает ее снова живой, с персиковой кожей и золотистыми волосами. Но она чувствовала себя... превосходно.

Он ускользнул от нее несколько дней тому назад. Его лакей, лич, прибыл в самый неподходящий момент. Теперь Артас, пытающийся излечить себя, был слишком далеко от ее хватки. Она узнала, что он оставил Кел'Тузада, дабы тот правил этими чумными землями. Но все было в порядке. Она была мертва. Теперь у нее была вечность, чтобы подготовить достойную месть.

Уголкем глаза она заметила какое-то постороннее движение, она изящно развернулась, приготовив лук и стрелу одним быстрым движением. Раскрылся кружащийся портал, и перед ней появился Вариматас, покровительственно улыбающийся, глядя вниз на нее.

- Приветствую тебя, Леди Сильвана. - Демон даже поклонился. Сильвана приподняла свою бровь. Ей не пришлось долго догадываться, что он имел в виду. - Мы с братьями крайне признательны тебе за помощь в свержении Артаса.

Значит, она сыграла для них роль. Как будто это была своего рода театральная пьеса.

- Свергла? Что ж, можно и так это назвать. Он унесся далеко отсюда, в этом я уверена.

Могучий демон пожал плечами, слегка раскрыв свои крылья при жесте.

- Как угодно, больше он не побеспокоит нас. Я пришел, чтобы предложить тебе встать на сторону нового мирового порядка.

"Нового порядка". Не очень-то он новый, подумала она; то же рабство, лишь другой хозяин. Больше ее это не интересовало.

- Вариматас, - холодно произнесла она. Она ему не поклонилась в ответ. - Мне было нужно одно - увидеть труп Артаса. Я потерпела неудачу при первой попытке, и теперь мне надо собрать все свои силы для следующего раза. У меня нет ни времени, ни желания заниматься вашей мелочной политикой и дележкой власти.

Демон возмутился.

- Осторожнее, миледи. Не стоит сердить нас. Мы - будущее этих... Чумных Земель. Или ты присоединишься к нам и приобретешь свою толику власти, или тебя просто вышвырнут вон.

- Вы? Будущее? Кел'Тузад не ушел вместе со своим драгоценным Артасом. Недаром он остался здесь. Но, возможно, лич, перерожденный сущность могущественного Солнечного Колодца - ничто перед существами, столь сильными, как ты.

Ее голос был полон презрения, отчего повелитель ужаса нахмурился.

- Я слишком долго жила как рабыня, повелитель ужаса. - Забавно, она все еще использовала слово "жила", при том, что была мертва. Похоже, что старые привычки уходят с трудом. - Я билась изо всех сил, чтобы стать чем-то большим, во что превратил меня этот ублюдок. Теперь я могу сама собой повелевать, и я выбираю свой собственный путь. Легион побежден. Ты - последний оставшийся пережиток. Ты - вымирающий вид. Я не собираюсь жертвовать своей свободой ради того, чтобы подчиняться таким глупцам, как ты.

- Как пожелаешь, - прошипел Вариматас в ярости. - Вскоре ты получишь наш ответ.

Рассерженный, он телепортировался прочь.

Она попала в прямо в цель - уходя, он дрожал от возмущения. Она сразу это отметила. Его было легко возмутить; они отправили его, ибо ни думали, что она представляет хоть какую-то угрозу.

Ей нужно было больше, чем горстка баньши, чтобы биться с Аратсом. Она нуждалась в армии, городе мертвых... ей понадобится весь Лордерон. Отрекшиеся, как она прозвала эти потерянные души, которые более не

дышали, но у кого все еще сохранилась своя воля. Более того, она нуждалась не только в своих призрачных сестрах, чтобы побороть трех братьев-демонов. А может быть ей нужно противостоять всего лишь двум братьям?

Сильвана Ветрокрылая снова подумала о Вариматасе, как легко им можно было манипулировать.

Возможно, он мог оказаться полезным для нее.

Да. Она и Отрекшиеся найдут свой собственный путь в этом мире... и они убьют любого, кто встанет у них на пути.

ГЛАВА 23

Нордскол. Было странное чувство, что он возвращается домой. Когда показался берег, Артас вспомнил свое первое прибытие сюда, его сердце было полно боли от предательства Джайны и Утера, страдающее от необходимости того, что он был вынужден совершить в Стратхольме. Так много произошло, что казалось, будто с тех пор минула целая жизнь. Тогда он прибыл с чувством мести в своем сердце, чтобы убить повелителя демонов, ответственного за обращение его людей в ходячих мертвецов. Теперь он правил этими ходячими мертвецами и был союзником с Кел'Тузадом.

Странные изгибы и повороты судьбы.

Он не чувствовал холода, как и тогда. Как и его люди, которые следовали за ним так преданно; смерть притупляла чувства к таким вещам. Только люди-некроманты укутались от ледяного ветра, который стонал и плакал, и снега, который начал медленно падать, когда они бросили якорь и стали высаживаться.

Артас с трудом двинулся с гребной шлюпки на берег. Возможно он и не чувствовал холода этого места, но его силы и физическое состояние ослабли. Как только его нога коснулась земли, Артас почувствовал его – Короля-Лича. Не в своем разуме, не говорящим с ним через Ледяную Скорбь, хотя рунический клинок, слегка усиленный, слабо сиял. Нет, Артас почувствовал его здесь, своего господина, как не чувствовал раньше. И было колющее чувство возросшей угрозы. Он вернулся к остаткам тех, что следовали за ним по берегу – вурдалакам, призракам, теням, поганищам, некромантам. «Мы должны спешить», - крикнул он. «Королю-Личу грозит опасность. Мы должны как можно быстрее добраться до Ледяной Короны».

«Мой повелитель!», - закричал один из некромантов и показал пальцем. Артас повернулся, доставая Ледяную Скорбь.

Через завесу падающего снега он смог разглядеть красно-золотые фигуры, зависшие в воздухе. Они приблизились ближе, и его глаза сузились в удивлении и гневе, поскольку он опознал созданий и понял, кем должен был быть их хозяин.

Дракондоры. Он был поражен. Он едва не уничтожил высших эльфов. Как могло случиться, что некоторые из них выжили в достаточном количестве, чтобы перегруппироваться, не говоря уже о том, чтобы определить, куда он отправился, и противостоять ему здесь? Медленная улыбка растянулась на его красивом лице, и он почувствовал тайное чувство восхищения.

Дракондоры подлетели ближе. Он поднял Ледяную Скорбь в приветствии.

«Я должен признать», - закричал он, - «что удивлен увидеть здесь кель'дореев. Я уж думал, что холод слишком неприятен для таких нежных людей».

«Принц Артас!», - раздался голос одного из наездников, животное которого зависло над Артасом. Его голос звучал ясно, чисто и сильно. «Теперь ты видишь здесь не кель'дореев. Мы син'дореи – эльфы крови! Мы поклялись отомстить за гибель Кель'Таласа. Эта мертвая земля... будет очищена! Отвратительные создания, которых ты сотворил, в конце концов обретут настоящий покой. А ты, мясник, наконец то получишь заслуженное наказание».

На секунду он развеселился. Их количество не было незначительным. Артас понял, что он, вероятно, смотрит на последние остатки почти вымершей расы. И они просто пришли за ним? Тогда его самодовольство переросло в раздражение. Несмотря на его утомленно состояние, ярость наполнила его голос, когда он закричал: «Нордскол принадлежит Плети, эльф, и скоро вы присоединитесь к ней! Вы совершили ужасную ошибку, появившись здесь!»

Появились еще дракондоры вместе с пешими рейнджерами. Стрелы заполнили небеса, кажушиеся бесчисленными как снежные хлопья, осыпая и пронзая нежить. Большинство ее, однако, не пало; наконечники стрел не беспокоили ее вовсе, пока не прокалывали жизненно важные места.

Даже не беспокоясь о том, чтобы оседлать Непобедимого, Артас бросился в битву. Ледяная Скорбь была голодна; казалось, что она набирает энергию и силу, как и сам Артас, с каждой поглощенной ею яркой, светлой душой. Посреди шума битвы он слышал голос, который был глубоким и холодным, будто сам Нордскол кричал из-за холма над ними.

«Во славу Плети! Уничтожим их во имя Нер'зула!»

Несмотря на все, что он видел, несмотря на все, что он делал, Артас почувствовал как холод пробежал по нему от звука этого леденящего кровь голоса. Он отважился бросить быстрый взгляд наверх, и его глаза округлились от того, что он увидел.

Нерубы! Конечно – ведь это была их родина. Его сердце поднялось, когда они двинулись вперед. Он мог различить их формы сквозь снег, знакомую, тревожащую, стремительную скорость, с которой паукообразные существа надвигались на свою добычу. Артас должен был отдать этим так называемым син'дораям должное – они отважно сражались – но их безнадежно превосходили по численности, и вскоре Артас стоял в море тел в красных и золотых одеяниях. Он поднял свою руку, и, один за другим, мертвые эльфы задержались и стали шатаясь подниматься на ноги, глядя на него остекленевшими глазами.

«Больше солдат для того, кому мы служим», - сказал Артас. Он вновь огляделся, и его глаза остановились на лидере нерубов.

Он был больше тех, кем командовал, возвышаясь над ними, когда легко спускался по заснеженному ландшафту к Артасу. Он двигался среди них подобно королю, коим он был, с неспешностью и аккуратностью. Артас пытался отыскать что-нибудь знакомое в чем-то, так невероятно чуждом ему; для человеческих глаз Аноуб'арак выглядел помесью жука и другого, более паукообразного неруба, которыми он командовал. Артас обнаружил, что неосознанно отступил назад, и заставил себя стоять, где стоит, когда создание приблизилось.

Оно продолжало идти, пока не оказалось прямо перед ним, затем склонилось над ним, обратив вниз свои многочисленные глаза, абсолютно ужасное существо. Его союзник.

Голос изменил Артасу, и он заставил его успокоиться. «Благодарю за помощь, могучий!»

Создание наклонило свою голову, мягко щелкая жвалами, когда заговорило тем глубоким, замогильным тоном, который все еще заставлял Артаса чувствовать себя неловко. «Рыцарь смерти, меня послал на подмогу Король-Лич. Я Аноуб'арак, древний король Азжол-Неруба. А где другой?» Он поднялся на своих задних ногах, осматриваясь.

«Другой?»

«Кел'Тузад», - вновь прогрехотал Ануб'арак тем шипящим, вздыхающим, раскатистым голосом. Он опустил вниз и уставился на Артаса своим многоглазым взглядом. «Я знаю его. Я встречал его, когда он впервые пришел служить Королю-Личу, как я встречаю тебя сейчас».

Артас на мгновение задумался, чувствовал ли себя Кел'Тузад себя таким же взволнованным как он, впервые столкнувшись с этим неживым насекомообразным королем древней расы. Безусловно, был, ведь он сам рассказывал. Как, безусловно, был бы любой на его месте.

«Твои люди были желанным дополнением к нашим рядам, когда мы впервые сражались с этими эльфами», - сказал он, вновь взглянув на падших син'дореев. Он был очень рад, что «люди» Ануб'арака были на его стороне. «И я приветствую вашу помощь снова. Но у нас нет времени для долгой беседы. Раз Король-Лич послал тебя, ты должен знать, что он в опасности. Мы должны немедленно отправиться к Ледяной Короне».

«Это так», - прогремел Ануб'арак. Он кивнул своей страшной головой и переместился, вытягивая две передние ноги. «Я соберу остатки своих людей, и мы вместе выступим к Ледяной Короне на защиту нашего повелителя».

Массивное создание властно двинулось, созывая своих покорных подданных, которые пылко неслись за ним. Артас подавил дрожь и толкнул одно из тел павших эльфов. Оно было с оторванными конечностями, слишком сильно поврежденное, чтобы его использовать. «Жалкие эльфы. Неудивительно, что мы так легко расправились с их страной».

«Жаль, что я не смог остановить тебя. Давно не виделись, Артас».

Голос был мелодичным, приятным, изящным... и полным ненависти. Артас повернулся, узнав его, пораженный и довольный встречей с его владельцем. Действительно изгибы и повороты судьбы.

«Принц Кель'тас», - сказал он, улыбаясь. Эльф стоял в нескольких ярдах от него, мерцание его заклинания телепортации все еще угасало. Вечный на вид, он выглядел точно таким же, каким Артас его запомнил. Нет, не совсем. Голубые глаза излучали заглушенную ярость. Не горячий гнев, что он видел на его лице в последнюю их встречу, а холодную, затаенную ярость. Он

носил больше не пурпурные и синие одеяния Кирин-Тора, а традиционные для его людей темно-красного цвета.

«Артас Менетил». Эльф не использовал титул. Очевидно, он считал это неуважением, но это нисколько не задело Артаса. Он знал достаточно хорошо, кем он был, и скоро этот чересчур прелестный князек тоже узнает это. «Я бы плюнул при мысли о твоём имени на моих устах, но ты не стоишь даже этого».

«Ах, Кель», - ответил Артас, улыбаясь. «Даже твои оскорбления излишне сложные. Рад видеть, что ты не изменился – как всегда слабый. Возникает вопрос. Так почему же ты не оказался в Кель’Таласе? Согласный позволить другим людям умирать за тебя, пока ты уютно и безопасно сидел в своей Аметистовой Цитадели? Я не думаю, что ты больше будешь этим заниматься».

Кель’тас стиснул свои зубы, сузив глаза. «Так же я рассчитаюсь и с тобой. Я должен был быть там. А вместо этого я пытался помочь людям в битве с Плетью – Плетью, которую ты напустил на свой собственный народ. Возможно, ты не беспокоишься о своих людях – но я беспокоюсь о моих. Я потерял многое, слишком многое, имея дело с людьми. Теперь я выступаю только за эльфов. За син’дореев – детей крови. Ты заплатишь, Артас. Ты дорого заплатишь за то, что ты совершил!»

«Ты знаешь, я почти наслаждаюсь этим подшучиванием. Это было так давно, не так ли? Я не видел тебя с тех пор...» Он не закончил предложение, наблюдая как дергается мышца около глаза эльфийского принца. Да, Кель’тас вспомнил. Вспомнил случайную встречу с Джайной и Артасом, слившихся в глубоком поцелуе. На мгновение воспоминания также встревожили Артаса, и удовольствие, которое он получал, причиняя боль Кель’тасу, уменьшилось на самую малость. «Все-таки я должен сказать, что сильно разочаровался в тех эльфах, которых ты ведешь. Я надеялся на лучшую битву. Наверно я убил всех, у которых был дух, в Кель’Таласе».

Кель не поддался на издевку. «Ты столкнулся только с разведчиками. Не волнуйся, Артас, скоро ты столкнешься с хорошей проблемой. Посмотрим, что ты запоешь, когда встретишься с основными силами лорда Иллидана». Губы принца скривились в веселье, когда Артас содрогнулся при имени.

«Иллидан? Так вот кто стоит за этим вторжением?» Проклятье. Было бы лучше, если бы он убил Тикондриуса лично, чем вовлек в это калдорей. Он

знал, что Иллидан был жадным до силы. Он просто не мог представить, что ночной эльф превратится в такую большую угрозу.

«Совершенно верно. За нами идет огромная армия, Артас». Бархатный, глубокий голос теперь был полон наслаждения. Ублюдок действительно наслаждался этим. «Сейчас она уже переходит Ледяную Корону. Ты не успеешь прийти на помощь своему драгоценному Королю-Личу. Считай это расплатой за Кель'Талас... и все прочее».

«Все прочее?» - ухмыльнулся Артас. «Возможно ты желаешь подробностей о всем прочем? Должен ли я рассказать тебе, на что это похоже – держать ее в моих руках, наслаждаться ею, слышать, как она зовет меня...»

Боль была хуже, чем когда-либо прежде.

Артас рухнул на колени. Его взор застлала красная пелена. Вновь он увидел Короля-Лича – Нер'зула, вспомнил он, как того называл Аноуб'арак – заключенного в ледяную тюрьму.

«Торопитесь!» - кричал Король-Лич. «Мои враги уже близко! У нас почти не осталось времени!»

«Что с тобой, рыцарь смерти?»

Артас заморгал и обнаружил себя уставившемся в лицо, если можно было так его назвать, Аноуб'арака. Длинная паучья лапа была протянута к нему, предлагая помощь. Он колебался, но был слишком слаб, чтобы подняться без посторонней помощи. Пересилив себя, он схватился за нее и встал. Она походила на трость в его руке, сухая и почти – мумифицированная на ощупь. Он отпустил ее, как только смог стоять самостоятельно.

«Мои силы на исходе, но это не важно». Он сделал успокаивающий вздох и огляделся вокруг. «Где Кель'тас?»

«Ушел». Голос был холодным как камень и полным недовольства. «Он воспользовался своей магией, чтобы телепортироваться отсюда, прежде чем мы смогли разорвать его на куски».

Опять трусливый магический трюк с телепортацией. Если бы только некроманты Артаса были способны на такое, Король-Лич не находился бы сейчас в опасности. Артас призвал остальные трупы и понял, что судьба Кель'таса действительно была бы таковой. «Мне неприятно это говорить», -

произнес он, - «но этот проклятый эльф прав». Он повернулся к своим устрашающим союзникам. «Ануб'арак – у меня было другое видение – Король-Лич в непосредственной опасности. Они приближаются к нему – Иллидан и Кель'тас. Мы не успеем добраться до ледника вовремя!»

Я проиграл...

Ануб'арак, казалось, совсем не волновался. «По земле – вероятно нет», - согласилось громадное создание. «Это долгое и тяжелое путешествие. Но... есть и другой путь, который мы можем выбрать, рыцарь смерти. Глубоко под нами находится древнее, разрушенное королевство Азжол-Неруб. Именно там я когда то правил целые годы. Я хорошо знаю его проходы и тайные места. Оно переживает не лучшие времена, но если мы пройдем через него, то, без сомнения, сократим путь».

Артас взглянул наверх. Как летел ворон, это не казалось таким долгим путешествием. Но через лед и горы, что выросли перед ним...

«Ты уверен, что мы сможем добраться до ледника по этим туннелям?» - спросил он.

«Ни в чем нельзя быть уверенным, рыцарь смерти». На мгновение показалось, что неруб ухмыляется. «Руины будут опасными. Но оно стоит риска».

Переживает не лучшие времена. Интересная фраза для древнего, мертвого паучьего лорда. Артас удивился, что бы это могло значить.

Он подумал, что скоро узнает.

Ануб'арак и его люди двинулись в оживленном темпе, направляясь напрямиком на север. Артас со своими последователями Плети последовали за ними, и скоро океан остался позади. Солнце быстро двигалось по тусклому небу, опускаясь за горизонт. Наступала длинная ночь. Пока они шли, Артас послал нескольких своих воинов собрать сучья и ветки деревьев, которые они могли найти; им придется сжечь много факелов, следуя через это опасное подземное королевство.

После нескольких часов мучительно медленного продвижения – нежить не могла по-настоящему чувствовать холод, но ветер и снег замедляли ее – Артас понял, что, несмотря на почти противоречивые слова Ануб'арака, одна

вещь была действительно точной. Он никогда не успеет вовремя, чтобы спасти Короля-Лича – и соответственно себя – двигаясь по поверхности. В конце концов, именно самосохранение двигало его с такой силой. Король-Лич нашел его, превратил в того, кем он является сейчас. Даровал ему великую силу. Артас понимал и ценил это, но в его долге перед Королем-Личем не было ни капли преданности. Если бы эта великая сущность будет убита, то, несомненно, Артас умрет следующим – а как он сказал Утеру, он намеревался жить вечно.

Наконец они достигли врат. Они были настолько покрыты льдом и снегом, что Артас сперва не распознал их, но Аноб'арак остановился, поднялся и широко распротер две из своих восьми лап, показывая, что лежит перед ними.

Изогнутые камни, похожий на серпы – или лапы насекомого, подумал Артас – выступали вверх, их концы сгибались один над другим, формируя своего рода символический туннель. Впереди он мог разглядеть сами врата. Гигантский паук был высечен на них. Губы Артаса скривились в отвращении, но затем он подумал о статуях, установленных в Штормграде. Были ли они действительно такими разными? Вход в «туннель» и врата вели в сердце того, что походило на айсберг. На мгновение, всего лишь на мгновение Артас взглянул на молчаливую, громадную фигуру Аноб'арака, подумал о пауках и насекомых и задался вопросом, правильно ли он поступает.

«Узри вход в однажды могущественное и древнее место», - сказал Аноб'арак. «Я был здесь правителем, и мои приказания беспрекословно исполнялись. Я был могущественным и сильным и ни перед кем не преклонялся. Но все меняется. Теперь я служу Королю-Личу, и мое место – защищать его».

Артас коротко подумал о том, как был разгневан чумой, о жгучем желании мести... о взгляде в глазах своего отца, когда Ледяная Скорбь высосала его душу.

«Все меняется», - тихо произнес он. «Но не время предаваться воспоминаниям». Он повернулся к своему новому странному союзнику и холодно улыбнулся. «Давай спускаться».

ГЛАВА 24

Артас не знал, как долго они пробыли под ледяной поверхностью Нордскола, в древнем и мертвом нерубийском королевстве. Когда он, бежал на свет в конце тоннеля, как летучая мышь, он знал лишь две вещи. Первое – что он успел вовремя, чтобы защитить Короля-лича. Второе – он до мозга костей рад выбраться из этой дыры.

Сразу было видно, что когда-то королевство нерубов было величественным. Артас не представлял, что можно от него ожидать – но точно не броских синих и аметистовых цветов, и не запутанных геометрических форм, отличавших различные залы и коридоры. На них все еще можно было разглядеть следы былой красоты. Они походили на засушенную розу – прекрасные, но все-таки мертвые. Станный запах царил везде, куда бы они ни шли. Артас не то что не мог узнать его, но даже не мог определить, на что он похож. Он был удушливым и резким, но весьма приятным, даже если бы Артас и не провел долгое время в компании гниющих мертвецов.

Путь был и вправду коротким, как и обещал Ануб'арак, но каждый шаг был сделан ценой крови. Только вступив в подземелье, они почти сразу же попали в засаду.

Они вышли с темноты, больше дюжины паукообразных тварей. Ануб'арак и его солдаты встретили их во всеоружии. Чуть помешкав, Артас приказал своим войскам поступить так же. Обширные пещеры быстро заполнились визжанием и жужжанием нерубийцев, гортанными криками нежити и отчаянными воплями некромантов, когда нерубийцы напали, разбрасываясь ядом. Несколько мертвецов попали в ловушку толстой, липкой паутины, и так и оставались там, пока жестокие челюсти не сносили им голову или острые шипы не потрошили их.

Ануб'арак был настоящим кошмаром. Он выдал ужасный полый звук на своем родном гортанном языке и набросился на своих бывших сородичей. Его лапы, каждая по отдельности, пронзали несчастных жертв, а шипы надламывали их конечности. И все то время, что застойный воздух был переполнен криками, Артас, вроде бы и привыкший к таким делам, дрожал и с трудом тяжело дышал.

Схватка была жестокой и дорого им стоила, но в конце концов нерубийцы отступили в тьмы, с которой родились. Несколько из них остались позади, яростно корчась восемью лапками, пока не умерли, подогнув ноги под себя.

– Что это, черт возьми, значит? – задыхаясь, спросил Артас у Ануб’арак,
– Эти нерубийцы – твоя родня. Почему же они напали на нас?

– Многие из нас, падших в войне Паука, вернулись в этот мир, чтобы служить Королю-личу, – ответил Ануб’арак, – Но эти воины никогда не умирали. Они все еще глупо сражаются за освобождение Неруба от Плети.

Артас мельком взглянул на мертвых нерубийцев.

– И вправду, глупо, – пробормотал он, подняв руку вверх, – После смерти они станут служить тем, с кем воевали при жизни.

Таким образом, когда они наконец вышли на тусклый свет и свежий ветер верхнего мира, его армия пополнилась новобранцами, недавно умершими, но верными его команде.

Артас остановил Непобедимого. Он ужасно дрожал, и ему нужно было всего лишь на минутку присесть и дыхнуть свежим воздухом. Правда воздух вокруг быстро испортился зловонием его же войска. Ануб’арак подошел к нему и пристально на него взглянул.

– Нет времени на отдых, рыцарь смерти. Мы нужны Королю-личу. Наш долг – служить ему.

Артас скоро осмотрел повелителя склепа. Что-то в тоне его голоса намекало на какое-то странное чувство – это была неприязнь? Ануб’арак служил только потому, что должен был? А если бы у него была возможность – он бы восстал против Короля-лича... восстал бы против самого Артаса?

Силы Короля-лича иссякали – и вместе с ними и силы Артаса. А что если их окажется недостаточно...

Рыцарь смерти посмотрел на повелителя склепа, глубоко вздохнул и пошел за ним.

Столь долгий поход сквозь толстый снег и грубый ветер Артас и представить себе не мог. Один раз он почти что потерял сознание – столь

измотала его эта поездка. Но, слегка испугавшись этой ошибки, он заставил себя идти вперед. Теперь у него нет права на ошибку.

Они поднялись на склон, и Артас увидел наконец-то ледник посреди долины – и армию, что ждала его. Его дух воспрял при виде огромного войска, собравшегося, чтобы сражаться за него и за Короля-лича. Ануб'арак оставил много своих воинов здесь, и они дождались его, готовые к бою. Он посмотрел дальше, и увидел еще одну толпу – он знал, кто это, но они были слишком далеко, чтобы их разглядеть. Он взглянул еще дальше и затаил дыхание.

Король-лич был там, в глубинах ледника. Пойманный в ловушку в своей тюрьме, каким Артас видел его в видениях. Он одним ухом слушал, как один из нерубийцев, посланный к нему Ануб'араком, докладывал о сложившейся ситуации.

– Вы как раз во время. Войска Иллидана собрались у ледника, и...

Артас вскрикнул от жутчайшей боли, хоть и знал, что она значила. Мир вокруг него вновь налился кровавыми тонами, и судороги свели все его тело. Так близко к Королю-личу его муки увеличились в стократ – но все равно были лишь частью того, что испытывал сам Король.

– Артас, мой герой. Наконец-то ты прибыл.

– Мой повелитель, – шепнул Артас, закрыв глаза и прижав пальцы к вискам. – Да, я прибыл. Я здесь.

– В толще Ледяного Трона появились разломы, через которые уходит моя сила, – продолжил Король-лич, – Мы слабеем.

– Но как? – кто-то напал на него? Артас не видел врагов в своем видении. Если еще, конечно, не слишком поздно.

– Рунный клинок Ледяная Скорбь когда-то тоже был заключен внутри трона. Я вытащил его из льда чтобы он нашел тебя... и привел ко мне.

– Так и случилось, – вздохнул Артас. Король-лич был заключен, пойман во льду. И его волею великий меч вышел из его Трона и был послан Артасу. Теперь он вспомнил глыбу льда, в которой нашел Ледяную Скорбь. Она выглядела так, будто была осколком какой-то большей глыбы. Такая сила... и все, чтобы привести Артаса в это место. Шаг за шагом он приближался сюда. Направленный. Управляемый...

– Ты должен поспешить. Мой создатель, владыка демонов Кил’Джеден, отправил своих слуг с заданием убить меня. Если они доберутся до Ледяного Трона раньше тебя – все кончено. Плеть будет уничтожена. Торопись! Я передам тебе все силы, какие только смогу.

Холод просочился в Артаса, заглушив дикую боль, успокоив мысли. Сила, столь обширная, столь головокружительная... могущественнее всего, что Артас знал прежде. Вот зачем он пришел сюда. Чтобы почерпнуть из этого ледяного источника, чтобы впитать в себя силу Короля-лича. Руны Ледяной Скорби сверкали новой жизнью, из нее исходила морозная дымка. Он сказал слово, и его голос был звучен и ясен, и разрезал холодный воздух.

– У меня снова было видение. Король-лич. Он восстановил мои силы! Теперь я знаю, что надо делать, – он поднял вверх Ледяную Скорбь, указывая на толпу у подножья Ледника, – Иллидан уже давно испытывает терпение Плети. Он хочет войти в тронный зал Короля-лича. У него не получится. Настало время напомнить ему, что он тоже смертный. Пришла пора закончить эту игру. Раз – и навсегда.

С громким бодрящим возгласом Артас взмахнул Ледяной Скорбью над головой. Она кричала, жаждающая новых душ.

– За Короля-лича! – крикнул Артас и помчался навстречу врагам.

Он чувствовал себя, как бог, без особого труда вымахивая Ледяной Скорбью над головой. Каждая поглощенная ею душа делала его еще сильнее. Стрелы эльфов крови обходили Артаса и градом сыпались на снег. А стрелки падали толпами, будто подкошенные. Артас оглянул поле брани. Где тот, кого он должен убить в первую очередь? Он все еще не видел Иллидана. Быть может, он уже вошел в...

– Артас! Артас, черт тебя возьми, повернись и сразись со мной!

Голос был ясен, чист, и полон ненависти. Артас оглянулся.

Эльфийский принц стоял всего за несколько шагов от него, в красных с золотом нарядах, ярких, как кровь, на фоне неумолимой белизны снега, на котором шел бой. Он был высоким и гордым, возле него стоял воткнутый в снег посох, а его глаза сверлили Артаса насквозь. Вокруг него была аура магии.

– Ты не пройдешь дальше, мясник.

Глаз Артаса забился в нервах. Его так уже называла Сильвана. Он усмехнулся эльфу, что раньше казался людскому принцу невероятно сильным и мудрым. Его мысли возвратились в тот день, когда Кель застал Артаса и Джайну за поцелуем. Юнец, которым был тогда Артас, казалось, проигрывал могучему магу буквально во всем.

Но Артас больше не был тем юнцом.

— После того как ты трусливо сбежал с нашей последней встречи, я и не думал, что ты когда-то высунешься на белый свет, Кель. Все еще злишься на меня за то, что я отнял у тебя Джайну? Ты должен принять все, как есть. В конце концов, в этом мире есть еще много вещей, которые ты можешь назвать своими. О, стой... или уже нет?

— Будь ты проклят, Артас Менетил, — прорычал Кель'тас, непроизвольно дрожа, — Ты отнял у меня все, что было мне дорого. У меня осталась только жажда мести.

Он не стал тратить больше на выражение гнева, но вместо этого поднял свой посох. Кристалл на его набалдашнике загорелся ярким светом, а в другой его руке возник огненный шар. Мгновение спустя он полетел к Артасу. Осколки льда отразились от его доспехов. Кель'тас был мастером магии и умел читать заклинания быстрее, чем кто либо, с кем Артасу доводилось сражаться. Он едва успел поднять Ледяную Скорбь, чтобы отразить ею пламенную сферу. А осколки для были ерундой. Он взмахнул рунным клинком и притянул ледяные стрелы, как стружку к магниту. Улыбаясь, Артас взмахнул мечом над головой и отправил их назад к залинателю. Он был удивлен скоростью Кель'таса, но больше не допустит такой ошибки.

— Подумал бы дважды прежде чем нападать на меня льдом, Кель, — сказал он, смеясь. Он должен был опрометчиво дразнить мага. Самоконтроль был главным в его заклинаниях, и, если бы он вышел из себя — он бы проиграл в поединке.

— Спасибо за совет, — проворчал Кель. Артас потянул за уздечку, готовясь наскочить на противника, но в этот миг снег под ним стал ярко-оранжевым, и спустя мгновение превратился в воду. Непобедимый опустился на два фута и его копыта стали на льдистое основание. Артас отскочил прочь и отправил коня в сторону прочного снега, схватив в правую руку Ледяную Скорбь. Темный шар из зеленоватой энергии появился в его правой руке и полетел в

Келя как стрела, выпущенная из лука. Маг отпрыгнул в сторону, но атака была слишком быстрой. Его лицо побледнело, и он схватился рукой за сердце. Артас улыбнулся, ведь часть его жизненной силы перешла к нему.

— Я отнял у тебя девушку, — сказал он, продолжая попытки вывести из себя мага, хотя знал, как, вероятно, и Кель, что Джайна никогда и не была с эльфом, — Ночами она была в моих руках. О, Кель, она была такой сладкой на вкус, когда я целовал ее. Она...

— Теперь она тебя ненавидит, — ответил Кель'тас, — Ты вызываешь в ней лишь отвращение, Артас. Все, что она чувствует к тебе с тех пор — это ненависть.

Грудь Артаса странно передернулась. Он никогда не думал о том, как Джайна относится к нему теперь. Он всегда старался избавиться от мыслей о ней, когда они забредали в его сознание. Это и вправду так? Джайна действительно...

Огромный огненный шар поразил его грудь, и Артас вскрикнул, отступив под ударом. Пламя пылало на нем несколько секунд, прежде чем он нашел в себе силы остановить заклинание. Доспехи весьма защитили его, но обожженная кожа чертовски болела. Он был ошеломлен, и его застали врасплох. Второй огненный шар помчался в его сторону, но на этот раз он был готов, и встретил сгусток огня своим собственным смертоносным льдом.

— Я разрушил твою родину... осквернил ваш драгоценный Солнечный Колодец. И я убил твоего отца. Ледяная Скорбь впитала в себя его душу, Кель. Он ушел навсегда.

— О, да, это твое призвание — убивать бодрых стариков, — глумился над ним в ответ Кель'тас, и это неожиданно больно его задело, — Ну, моего отца ты хоть сразил на поле боя. А своего? Как храбро — заколоть беззащитного родителя, распростершего руки, чтобы обнять...

Артас подбежал к нему, так, что их разделяло всего пару шагов, и опустил Ледяную Скорбь. Кель'тас отразил удар посохом. Несколько секунд он удерживал тяжесть меча, но затем посох разломился на части. Но эта задержка позволила Кель'тасу выиграть время чтобы вытащить из ножен сверкающее оружие, рунный клинок, который, казалось, в отличие от холодного света Ледяной Скорби пылал настоящим пламенем. Клинки скрестились. Они оба пытались заставить друг друга отступить, и их борьба

продолжалась несколько секунд. Их взгляды встретились и Кель'тас усмехнулся.

— Узнаешь этот клинок?

Артас узнал. Он знал, что это за меч и откуда он – Пламенный Удар, Фело'мелорн, которым когда-то владел предок Кель'таса, Дат'Ремар Солнечный Скиталец, основатель их династии. Меч был ужасно древним. Он видел еще Войну Древних и появление Высокорожденных. Артас снова ухмыльнулся. Пламенный Удар теперь станет еще и свидетелем еще одного великого события – падения последнего из Солнечных Скитальцев.

— О, узнаю. Я видел, что как раскололся надвое от удара Ледяной Скорби, когда я убил твоего отца.

Артас был физически сильнее, и теперь в нем была сила Короля-лича. С рваным рычанием он отпихнул Кель'таса назад, в надежде, что он потеряет равновесие. Маг скоро твердо стал на землю и почти что танцуя прыгнул вперед, вымахивая Фело'мелорном. Его глаза не упускали Артаса из виду ни на миг.

— И теперь он перекован.

— Такие мечи быстро ломаются на месте, где их перековали, – Артас отступил назад, какой-то миг пытаясь найти слабое место Келя.

— Может, людские мечи, – засмеялся Кель'тас, – Но не эльфийские. Нет, он был перекован, и в него вложили магию, ненависть и лютую жажду мести. Нет, Артас, Фело'мелорн теперь сильнее, чем когда-либо. Так же, как и я. Как и син'дореи. Мы слишком сильны, чтобы сломить нас – слишком сильны в стремлении к цели. А цель наша – твоя смерть!

Он напал совершенно неожиданно. Только что Кель'тас стоял и разглагольствовал, а теперь Артас вынужден бороться за жизнь. Ледяная Скорбь против Пламенного Удара, будь эльф проклят, если соврал – неразрушимого клинка. Артас отскочил назад, чтобы отойти от неожиданной атаки, а затем поднес Ледяную Скорбь, чтобы защитится. Кель сделал ловкий выпад, жестокий и стремительный, которого Артас и не ждал. Он отступил назад на шаг, потом на второй, а затем не выдержал и упал на землю. Грозно рыча, Кель набросился на него, надеясь нанести смертельный удар. Но Артас крепко помнил уроки Мурадина, и один его трюк запомнился ему навсегда. Он вытянул ноги и толкнул Келя изо всех сил. Маг упал на снег. Рыцарь

смерти, тяжело дыша, вскочил на ноги, и занес над головою Ледяную Скорбь, яростно опустить ее на эльфа.

Удар наткнулся на Фело'мелорн. Клинки снова схлестнулись в борьбе. Глаза Кель'таса пылали ненавистью.

Но Артас был лучше мага в поединках на мечах. Он был сильнее и, несмотря на злорадные речи Келя о перекованном мече, его клинок был более мощным. Медленно, неумолимо, как и надеялся Артас, Ледяная Скорбь подступалась к горлу Кель'таса.

– ... ненавижу тебя, – шепнул Кель.

Артас яростно закричал, его взор затуманился, и он изо всех сил ударил клинком вниз.

Меч вонзился в снега и лед.

Кель'таса не было.

– Трус! – закричал Артас, хотя знал, что принц его не услышит. Этот ублюдок опять телепортировался прочь в последний момент. Ярость клокотала в нем, грозясь затуманить разум, но он усмирил ее. Глупо было позволить Кель'тасу так себя разозлить.

Проклятье, Джайна. Даже теперь ты не оставишь меня в покое!

– Ко мне, Непобедимый! – закричал он дрожащим голосом. Кель'тас не умер, но теперь он не стоял на пути – а остальное не важно. Он направил своего мертвого коня в сторону поля брани и помчался вперед.

Он беспечно ездил сквозь толпы врагов, будто они были жуками. Они падали, и он возвращал их к бытию, чтобы они сражались против бывших соратников. Натиск нежити был безостановочен и непреодолим. Снег вокруг шпиля был протоптан и залит кровью. Артас оглянулся вокруг на последних оставшихся врагов. Эльфы крови – но никаких признаков их повелителя.

Где Иллидан?

Возле него кто-то быстро пронесся и он обернулся. Он тяжело выдохнул. Еще один повелитель ужаса. Он стоял к нему спиной и распростер черные крылья, и его черные копыта танцевали по снегу. Артас достал из ножен Ледяную Скорбь.

– Я уже сражал тебе подобных, повелитель ужаса, – закричал он, – Повернись и предстань передо мною, если можешь, или убегай в Пустоту как трус, демон.

Он медленно обернулся. Его голову венчали массивные рога. Его губы искривились в ухмылке. Его глаза, даже прикрытые черной повязкой, пылали зловещим зеленым светом.

– Привет, Артас.

Его глубокий и зловещий голос изменился, но не так сильно, как тело калдорей. Его кожа была все еще блеклого лавандового цвета, укрыта теми же узорами татуировок. Но копыта, крылья и рога... Артас тут же понял, что произошло. Так вот как Иллидан стал таким сильным.

– Ты изменился, Иллидан. Похоже, сила Черепа Гул'Дана не пошла тебе на пользу.

Иллидан откинул назад рогатую голову и засмеялся густым темным смехом.

– Наоборот, мне никогда не было лучше. В каком-то смысле я даже благодарен тебе, Артас, за то, кем я стал.

– Тогда докажи это делом и сойди с дороги, – голос Артаса стал холодным, и из его исчез любой след сарказма, – Ледяной Трон мой, демон. Уйди прочь, демон. Уходи из этого мира и никогда не возвращайся. Если так – я готов подождать.

– У каждого из нас свои хозяева, парнишка. Мне приказали разрушить Ледяной Троне. Кажется, нам не найти согласия, – ответил Иллидан и достал оружие, которые Артас уже видел у него однажды. Его рука с темными острыми когтями мощно схватила рукоять между клинками, и он закружился в танце боя с небрежным изяществом. Артас смотрел на него с неуверенностью. Он только что закончил битву с Кель'тасом, и победил, хоть трусливый эльф и растворился за миг до смертельного удара. А Иллидан же был совсем свежий.

Иллидан криво улыбнулся, заметив усталость врага. Он позволил себе еще раз продемонстрировать свое необычное владение странным демоническим оружием и затем остановился на месте и приготовился к бою.

– Это было неизбежно.

– Твои войска разбросаны по частям или стали частью моей армии.

Артас достал Ледяную скорбь. Руны ярко пылали и клинок был овеян холодной дымкой. Он знал, что пылающие зеленые глаза Иллидана под темной повязкой сейчас расценивают клинок. У демона-калдорея было мощное оружие, но не хуже было и у Артаса.

– Ты умрешь. Так или иначе.

– Сомневаюсь, – ответил Иллидан, – Я сильнее тебя, а мой повелитель создал твоего. Подходи же сюда, жалкая пешка. Я сражу слугу, прежде чем уничтожить его повелителя.

Артас бросился вперед. Ледяная Скорбь пылала и дрожала в его руках, так же желая смерти Иллидана, как и он сам. Эльф, казалось, вообще не удивился этому порыву, и непринужденно поднял двухклинковые мечи, чтобы отразить удар. До этого Ледяная Скорбь ломала древние и сильные мечи, но на этот раз она просто со звоном и искрами встретила с ядовито-зеленым металлом клинков.

Иллидан ухмыльнулся, удерживая удар. Артас почувствовал себя крайне неуверенно. Иллидан и вправду сильно изменился, впитав в себя силу Черепа Гул'Дана. Он стал намного, намного сильнее, чем был. Теперь Артас должен был отступить назад, потому что демон стал пересиливать его.

– Как все хорошо обернулось, – прорычал Иллидан, – Знаешь, рыцарь смерти, если мне понравится схватка – я убью тебя быстро и милосердно.

Артас не стал тратить время на оскорбления в ответ. Он оскалил зубы и сосредоточился на парировании града ударов, что посыпался на него. Клинки демона кружили вихрем изумрудного пламени. Артас мог ощутить в них демоническую силу, так же как и Иллидан наверняка чувствовал холодную тьму Ледяной Скорби.

Внезапно Иллидан прекратил выпады, и Артас импульсивно шагнул вперед. Он поднял глаза в верх и увидел Иллидана, что распростер в воздухе крылья, готовясь к новой атаке.

Пока они выжидающе смотрели друг на друга, Артас попытался отдышаться. Он видел, что и для Иллидана схватка не прошла даром. На его лавандовой коже мерцал пот. Артас стал в стойку, приготовив к бою Ледяную Скорбь, и стал ждать, пока Иллидан нападет.

А Иллидан сделал нечто совершенно неожиданное. Он схватил свое оружие двумя руками – и разделил его на двое. Теперь в каждой его руке было по клинку.

– Смотри, это – Парные Клинки Аззинота! – злорадствовал Иллидан. Он взлетел вверх, кружа мечами в левой и правой руке, и Артас понял, что лучше бы он не видел ниодного, – Две великолепных глефы. Ими можно сражаться как одним великолепным и смертоносным оружием – а можно и как двумя. Это было личное оружие стражника рока – капитана демонов, которого я лично убил. Десять тысяч лет назад. А ты давно владеешь своим милым клинком, человечешка? Ты хорошо научился им сражаться?

Эти слова должны были бы обескуражить рыцаря смерти. Но вместо этого они его взбодрили. Пусть Иллидан и наловчился орудовать своими клинками – но они не были так крепко связаны с ним, как он был связан с Ледяной Скорбью. Он знал, что они связаны судьбою, когда увидел его в видении в первые дни пребывания в Нордсколе. Он был уверен в этом когда впервые увидел клинок наяву. И теперь, крепко сжимая клинок в руках, он чувствовал, что они – едины.

Клинки демона сверкнули. Иллидан камнем набросился на Артаса. Артас крикнул и ударил в ответ самым мощным ударом, который он сделал за все время, что носил рунный клинок. Он взмахнул Ледяной Скорбью прямо на пути демона. Он знал, он ждал этого, и он ощутил, как меч врезался ему глубоко в плоть. Он не остановил меч, протянув по туловищу Иллидана глубокую рану, и упился мучительным криком прежнего калдорея.

И все же этот ублюдок не упал. Крылья Иллидана лихорадочно забились, поддерживая его на ногах, и, прямо перед пораженным взором Артаса, его тело стало темнеть и прятаться в тенях... и вскоре стало казаться, что оно сделано из густой черной, фиолетовой и зеленой дымки.

– Вот – сила, которую ты подарил мне, – крикнул Иллидан голосом еще более глубоким, чем раньше. Артас ощутил, как он заставил его дрожать до костей. Глаза Иллидана отчаянно пылали во тьме, которой стало его лицо. – И это сила разрушит тебя.

Крик вырвался из горла Артаса и он вновь упал на колени. Яркий зеленый огонь вспылал на его доспехах, полыхал на коже, и даже на мил затмил синий жар Ледяной Скорби. За своими криками боли он расслышал хохот Иллидана. Огонь скверны танцевал по нему, и Артас, задыхаясь, упал на

землю. Огонь загас, и он увидел, что Иллидан идет, чтобы добить его. Он почувствовал рунный клинок, все еще зажатый в его руках – он убеждал его собраться.

Ледяная Скорбь была его, и была им самим, и вместе они были непобедимы.

И как только Иллидан занес клинки, чтобы покончить с врагом, Артас поднял Ледяную Скорбь изо всех сил острием вверх. Он чувствовал, что клинок попал в цель, проник во плоть и поразил тело.

Иллидан тяжело свалился на землю. Кровь сочилась из его обнаженного торса, лилась на снег, что тихонько таял, наливаясь краской. Его грудь поднялась и упала в болезненном вздохе. Теперь его от его хваленых клинков не было толку. Один выпал из его ослабшей хватки, второй остался в руке, но он не мог даже поднять его. Артас встал на ноги, хоть его тело все еще местами пылало огоньками скверны, которыми швырнул в него Иллидан. Он смотрел на демона какую-то минуту и запечатлел в памяти его вид. Он хотел нанести ему смертельный удар, но позволил холоду и боли сделать это за него. У него были дела куда более важные, и он повернулся и посмотрел на шпиль, что возвышался возле него.

Один миг он просто стоял и смотрел, зная, хоть и не зная откуда, что многое вскоре изменится. Затем он глубоко вздохнул и вошел в пещеру.

Артас шел изумленно по длинным коридорам, что вели в глубины ледника. Его ноги, казалось, сами несли его. Везде было тихо, и никто не мог оспорить его права быть здесь. Но он чувствовал, а не слышал, пелену глубокой силы. Он шел все дальше, и сила манила его подобраться к своей судьбе ближе, чем когда-либо.

Впереди был холодный, блекло-синий свет. Артас шел к нему, едва не срываясь на бег. Тоннель окончился залом с высоким сводом, в котором Артас тут же признал тронный зал. Прямо перед ним было сооружение, от одного вида которого Артасу перехватило дыхание.

На верхушке этой башни, этого высокого шпиля изо «льда, что вовсе не был льдом», который возвышался почти под своды зала, там на верху была тюрьма Короля-лича. Узкая извилистая тропинка, выдолбленная в шпиле, вела наверх. В Артасе все еще была сила, данная Королем-личем. Но он медлил, тяготимый неприятными воспоминаниями. Как гадкие мухи они набросились на него, когда он поднимался наверх, тяжело переступая

закованными в латы ногами. Слова, мысли, картины прошлого – все возрождалось в его памяти.

«Запомни, Артас. Мы – паладины. В своих поступках мы не можем следовать одной лишь мести. Позволив жажде крови затмить наш разум, мы станем такими же, как орки».

Джайна... о, Джайна... «Никто не в силах тебе отказать. Даже я».

«Не отказывай мне, Джайна. Никогда не отказывай. Молю».

«Я никогда не смогу, Артас. Никогда».

Он неуклонно продолжал парень.

«Мы знаем мало, слишком мало – и не можем же мы вырезать весь город только из животного страха!»

«Но я тебе, парень, говорю, это дело дурное. Оставь всё как есть. Пусть останется тут, потерянный и забытый. Мал'Ганис здесь, что ж, прекрасно. Пусть он свою демоническую задницу приморозит в этой пустоши. Забудь об этом и давай поведём твоих людей домой.»

Шаг за шагом. Вверх, только вверх. Его память заполонило видение черных крыльев.

«Я оставляю тебе одно предсказание. Запомни: чем яростнее ты будешь бороться с врагами, тем быстрее твои люди окажутся в их власти».

И каждый раз, когда его уносили к себе воспоминания, заставляя сердце сжиматься в груди, одно видение, один шепот, сильнее и непреклоннее всех остальных, подзывал его к себе:

«Скорее, мой герой. Скоро я буду освобожден... и это вознесет тебя к истинной силе».

Он поднялся вверх и его пристальный взгляд устремился к вершине. К огромной глыбе льда, где томился в заключении тот, кто повел Артаса этим путем. Он подошел еще ближе, и теперь между ними было всего пару шагов. Он лицезрел того, кто был заключен внутри постамента, хотя мало что мог разглядеть. Туман овеивал ледяную глыбу, заслоняя взор.

Ледяная Скорбь пылала в его руках. Глубоко внутри Артас заметил слабый признак ответной вспышки синего пламени от двух предметов.

«ВОНЗИ КЛИНОК» – приказал ему строгий, почти невыносимо громкий голос в его голове – «ЗАМКНИ КРУГ. И ОСВОБОДИ МЕНЯ ИЗ ЭТОЙ ТЮРЬМЫ».

Артас шагнул вперед, подняв Ледяную Скорбь, а затем побежал. Это был тот миг, к которому все и вело. С диким ревом, сорвавшимся с горла, он изо всех сил взмахнул мечом.

С огромным треском, разрушившим тишину зала, Ледяная Скорбь опустилась вниз. Лед треснул на мелкие кусочки, что разлетелись по сторонам. Артас поднял руки, чтобы защититься, но осколки обошли его стороной. От заключенного в тюрьму тела отлетели куски, и Король-лич закричал, подняв свои закованные в латы руки к небу. Дикий стон и треск раздались от стен пещеры и самого Короля, столь громко, что Артас закрыл обожженные болью уши. Казалось, будто сам мир разрывался на части. Вдруг то существо в доспехах, что было Королем-личом, разрушилось, как и его тюрьма, прямо на глазах у Артаса.

Внутри Ледяного Трона никого не было.

Лишь доспехи из черного льда, что теперь были разбросаны на верхушке шпиля. Пустой шлем подкатился к ногам Артаса, и его пробила глубокая дрожь.

Он все это время гнался за призраком. Был ли здесь хоть когда-либо Король-лич. А если нет – кто же вытащил Ледяную Скорбь изо льда? Кто хотел освободиться сам? Мог ли он, Артас Менетил, быть тем, кто все это время был заключен в Ледяном Троне?

Мог ли быть тот призрак, за которым он гнался... им самим?

Вопросы, которые скорее всего не найдут ответов. Но одно ему было ясно. Эти доспехи, как и Ледяная Скорбь, были предназначены ему. Закованные в перчатки пальцы почтительно схватили остроконечный шлем, и, закрыв глаза, он надел его на свою седую голову.

Его осенило силой, его тело напряглось, и он ощутил, что в него проникла сущность Короля-лича. Она проникла в его сердце, остановила дыхание, заструилась по венам, пронеслась сквозь него как приливная волна, холодная и могучая. Его глаза были закрыты, но он видел, он видел многое – все, что когда-либо видел, знал и делал Нер'Зул, орк и шаман. На миг Артасу показалось, что он завладеет им, что Король-лич заманил его сюда лишь для

того, чтобы завладеть его телом. Он приготовился к поединку, наградой за которой будет его тело.

Но поединка не было. Только смешение и единение. Ледяная пещера, все вокруг него стало разрушаться. Артас только лишь знал об этом. Его глаза смотрели вперед сквозь закрытые веки.

Его губы зашевелились. Он заговорил.

Они... заговорили.

— *Теперь... мы – едины.*

ЭПИЛОГ: КОРОЛЬ-ЛИЧ

Синие и белые краски затуманивали видение Артаса в его сновидении. Холодные, чистые цвета рассеялись, сменились на теплые тона дерева и света огня и факелов. Он поступил так, как и обещал; он вспомнил свою жизнь, все, что совершил прежде, вновь повторил тот путь, что привел его на седалище Ледяного Трона и к этому глубокому, глубокому состоянию сна.

Однако казалось, что сон еще не закончен. Он вновь восседал во главе длинного, искусно гравированного стола, который занимал большую часть этого иллюзорного Великого Зала.

И те двое, что были так заинтересованы в его сне, все еще были здесь, наблюдая за ним.

Орк слева от него, пожилой, но до сих пор могущественный, изучал его лицо, а затем заулыбался, растягивая мимикой изображение белого черепа, нарисованного на его лице. И мальчик справа от него – чахлый, болезненный мальчик – выглядел даже хуже, чем его запомнил Артас перед тем, как погрузился в сон воспоминаний.

Мальчуган облизнул потрескавшиеся бледные губы и вздохнул, будто собираясь говорить, но именно слова орка первыми нарушили тишину.

«Будет гораздо больше», - пообещал он.

Видения наполнили разум Артаса, смешиваясь и накладываясь друг на друга так, что в этом мелькании будущее переплелось с прошлым. Армия людей верхом на лошадях, несущая флаг Штормграда... сражающаяся бок о бок, а не против воинов отряда Орды, возвышающихся на рычащих волках. Они были союзниками, вместе атакуя Плеть. Сцена сдвинулась, изменилась. Теперь люди и орки сражались друг с другом – и нежить, выкрикивающая приказы и сражающаяся с волей, которая определенно принадлежала только им – стояла плечом к плечу с орками, странно выглядящими быколлюдами и троллями.

Кель'Талас – неповрежденный? Нет, нет, ведь там был шрам, который оставили он и его армия – но город был отстроен заново...

Теперь видения еще быстрее лились в его разум, вызывающие головокружение, хаотичные, спутанные. Теперь было невозможно отличить прошлое от будущего. Новое видение, о драконах-скелетах, обрушивающих разрушение на город, не виденный прежде Артасом – жаркое, сухое место, переполненное орками. И – да, да, уже сам Штормград находился под атакой драконов-скелетов...

Нерубы – нет, нет, не нерубы, не народ Ануб'арака, а их родственники, да. Они были пустынной расой. Им служили огромные создания с головами собак, големы, сделанные из обсидиана, шагающие по блестящим желтым пескам.

Появился символ, который Артас узнал – «Л» Лордерона, пронзенное мечом, но нарисованное красным, а не синим цветом. Символ изменился, превратился в красное пламя на белом фоне. Казалось, что пламя горело собственной жизнью, и поглотило фон, сжигая его, чтобы открыть серебристые воды громадного объема воды... моря...

...Что-то вздымалось прямо под поверхностью океана. До сих пор гладкая поверхность начала дико пениться, бурлить, будто от шторма, хотя день был ясный. Ужасный звук, который Артас лишь смутно опознал как смех, заполнил его уши вместе с криком царства, вырванного из должного места, поднимаемого вверх на поверхность к свету дня, который оно не видело бесчисленные столетия...

Зеленое – все было зеленым, смутным и кошмарным, гротескные образы танцевали на краю разума Артаса только для того, чтобы умчаться, прежде чем их крепко схватят. Промелькнул мимолетный взгляд, сразу же исчезнувший – олени рога? Олень? Человек? Было сложно сказать. Надежда окружала фигуру, но были силы, стремящиеся уничтожить ее...

Сами горы ожили, передвигаясь гигантскими шагами, круша все, чему недостаточно повезло оказаться у них на пути. С каждым громадным шагом казалось, что мир дрожит и сотрясается.

Ледяная Скорбь. Ее он, по крайней мере, знал, и близко. Меч вращался оборот за оборотом, будто Артас подбрасывал его в воздух. Второй меч вырос ему навстречу – длинный, незелегантный, но мощный, с символом черепа, вставленным в его грозный клинок. Имя ему – «Испепелитель», меч и также больше чем меч, подобно Ледяной Скорби. Мечи столкнулись...

Артас моргнул и потряс головой. Видения, беспорядочные, хаотичные и тревожащие – ушли.

Орк тихо засмеялся, нарисованный на его лице череп растягивался вместе с мимикой. Однажды его звали Нер'зулом, однажды у него был дар настоящего провидения. Артас не сомневался, что все, что он видел, хоть и совершенно непонятное, действительно произойдет.

«Гораздо больше», - повторил орк, - «но если только ты всецело продолжишь идти по этому пути».

Медленно рыцарь смерти повернул свою белую голову к мальчугану. Больной ребенок встретил его пристальным взглядом, который был поразительно чистым, и на мгновение Артас почувствовал, как что-то зашевелилось внутри него. Несмотря ни на что – мальчик не умрет.

А это означает...

Мальчик слегка улыбнулся, и болезнь немного отступила, когда Артас боролся со словами. «Ты... это я. Вы оба... часть меня. Но ты...» Его голос был мягким, в нем слышалось удивление и неверие. «Ты – маленький огонек, который все еще горит внутри меня, который сопротивляется льду. Ты – последние остатки человечности – сострадания, моей способности любить, горевать... заботиться. Ты – моя любовь к Джайне, любовь к моему отцу... ко всему, что делала меня таким, каким я однажды был. Почему-то Ледяная Скорбь не забрала ее всю. Я пытался отвернуться от тебя... и не смог. Я – не могу».

Глаза цвета морской волны мальчугана прояснились, и он подарил другому себе дрожащую улыбку. Цвет его кожи улучшился, и на глазах Артаса несколько гнойничков на его коже исчезли.

«Ты понимаешь теперь. Вопреки всему, Артас, ты не отказался от меня». Слезы надежды выступили на его глазах и его голос, хоть и был сейчас сильнее чем раньше, дрожал от эмоций. «На это должна быть причина. Артас Менетил... сколько бы вреда ты не принес, но в тебе все еще есть доброта. Если бы ее не было... я бы не существовал, даже в твоих сновидениях».

Он поднялся с кресла и медленно пошел к рыцарю смерти. Артас стоял, пока он приближался. Мгновение они рассматривали друг друга, ребенок и человек, которым он стал.

Мальчик протянул свои руки, словно он был живым, дышащим ребенком, просящим, чтобы его поднял и обнял любящий отец. «Не должно быть слишком поздно», - тихо сказал он.

«Нет», - тихо ответил Артас, сосредоточенно глядя на мальчугана. «Не должно».

Он дотронулся до щеки мальчика, мягко опустил руку под маленький подбородок и приподнял сияющее лицо.

«Но это так».

Ледяная Скорбь опустилась. Мальчик закричал, его крик выражал шок от предательства и боль – как у беснующегося снаружи ветра – и на мгновение Артас увидел его стоящим там, меч торчал из его груди почти такой же большой, каким он был, и почувствовал одну последнюю дрожь сожаления, когда встретился со своими собственными глазами.

Затем мальчик ушел. Все, что напоминало о нем, было горьким плачем ветра, мчащемся по измученной земле.

Это ощущалось... изумительно. Только с уходом мальчишки Артас по-настоящему осознал, какой страшной ношей были эти борющиеся остатки человечности. Он почувствовал свет, мощный, очищенный. Освобождающей чистоты, каким скоро станет Азерот. Все его слабости, его доброта, все, что когда-либо заставляло его колебаться или критиковать – теперь все ушло.

Остались лишь Артас и Ледяная Скорбь, ни намек на остатки души принца, и орк с ликом черепа на своем лице разразился торжествующим смехом.

«Да!», - оживился орк, веселье которого стало почти маниакальным. «Я знал, что ты выберешь этот путь. Ты долго сражался со своей последней толикой доброты, человечности внутри тебя, но этому, наконец, пришел конец. Мальчишка сдерживал тебя все это время, но теперь ты свободен». Он вскочил на ноги, хотя его тело было старым и дряхлым, двигался он с непринужденностью и бодростью молодого орка.

«Мы едины, Артас. Вместе мы - Король-Лич. Нет больше Нер'зула, нет больше Артаса - только это совершенное существо. С моими знаниями мы можем...»

Его глаза округлились, ибо его пронзил меч.

Артас шагнул вперед, погружая сверкающую, голодную Ледяную Скорбь еще глубже в создание из сна, которое раньше было Нер'зулом, затем Королем-Личем, а скоро должно было стать ничем, совершенно ничем. Он обхватил своей другой рукой тело, прижимая свои губы так близко к зеленому уху, что жест был почти интимным, таким же интимным, каким был и всегда будет акт отнятия жизни.

«Нет», - прошипел Артас. «Этого «мы» попросту нет. Никто не будет мне указывать, что и как надо делать. Я получил от тебя все, что мне было нужно - теперь вся эта сила моя и только моя. Теперь есть только я. Я - Король-Лич. И я готов к этому».

Орк, ошеломленный вероломным предательством, задрожал в его руках и затем исчез.

Чашка разбилась, упав из неожиданно обессиленных рук Джайны. Она ловила воздух, на мгновение лишившись возможности дышать, холод сырого, пасмурного дня вонзился в нее. Эгвин была рядом, ее грубые руки легли на руки Джайны.

«Эгвин – я – что произошло?» Ее голос был сиплым, страдальческим, и слезы неожиданно наполнили ее глаза, словно она ужасно горевала об утрате... чего-то...

«Это не твое воображение», - мрачно сказала Эгвин. «Я тоже почувствовала это. А вот что именно – что же, я уверена, мы это узнаем».

Сильвана содрогнулась, как если бы огромный демон перед ней ударил ее. На что, безусловно, он никогда не отважится. Вариматас сузил свои пылающие глаза.

«Моя леди? Что это?»

Он.

Это всегда был он.

Одетые в перчатки руки Сильваны сжимались и разжимались. «Что-то произошло. Что-то, связанное с Королем-Личем. Я – почувствовала это». Больше не было связи между ними, по крайней мере, такой, чтобы она

оказалась под его контролем. Но, наверно, что-то натянулось. Что-то, предупредившее ее.

«Нам нужно браться за наши планы», - сказала она Вариматасу. «Я полагаю, что время неожиданно стало большой роскошью».

Так долго он ничего не чувствовал. Он пребывал на троне, неподвижный, выжидающий, дремлющий. Лед сковал его, поскольку он сидел неподвижный, как камень, но не тюрьмой, нет, второй кожей.

Он не знал тогда, чего ждет, но теперь он понял. Он сделал последние шаги в путешествии, начавшемся так давно, начавшемся в день, когда тьма впервые вторглась в его мир в виде рыдающего юного принца Штормграда, оплакивающего своего отца. Путь провел его через Азерот в Нордскол, к этому Ледяному Трону и открытому небу. К поиску самых сокровенных глубин своей личности и выбору убийств невинного, который сдерживал его, и частиц себя, которые его сформировали.

Артас, Король-Лич, единственный в своей славе и мощи, медленно открыл глаза. Лед на них треснул от этого движения и рассыпался на маленькие кристаллики, словно ледяные слезы. Улыбка появилась под орнаментным шлемом, покрывающим его белые волосы и бледную кожу, и больше льда рассыпалось от его пробуждения, медленно освобождая фигуру, которая больше не нуждалась в осколках ледяной хризалиды. Он пробудился.

«Итак, началось».

Автор: Кристи Голден

Источник перевода:

WoW.Blizzard-rus.ru - <http://forums.blizzard-rus.ru/showthread.php?t=2940> ;

WON.ru - <http://forum.worldofwarcraft.ru/showthread.php?t=102738> .

Авторы перевода: Zato, Prince_of_Hohland, max2901, Сори

Редакторы: Lyanelle

Оформление и перевод обложки: VirtuoZ